

Содержание

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	4	<i>Р. И. Томберг</i>	
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ		Китайско-африканские отношения: ресурсы и политика	69
<i>М. Ю. Павлов</i>			
Политическая экономия и экономикс в XXI веке	5	ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ	
<i>В. В. Смирнов</i>		<i>А. В. Фролов</i>	
Экономическая теория в поисках выхода из кризиса	20	Роль STEM-образования в «новой экономике» США	80
МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ		ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	
<i>Е. Ф. Авдокушин</i>		<i>А. А. Бессолицын</i>	
Модернизация экономики России	30	Предпринимательство в современной России (Формирование российского предпринимательства в условиях зарождения рыночной экономики 1991 – 1998 гг.)	91
ИННОВАТИКА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ		<i>С. А. Трушков</i>	
<i>Е. Ф. Авдокушин</i>		Русская православная церковь как собственник земли: история и современность	97
Национальная инновационная система Японии	39	ДИСКУССИОННАЯ КАФЕДРА	
<i>Д. Д. Катуков</i>		<i>В. С. Сизов</i>	
Инновационное развитие – опыт Балтии и российская специфика	54	Жизнь в обществе постмодерна (дискуссия на Междисциплинарном симпозиуме: «Кризис современной науки: философия, наука, искусство – познание, осмысление, созидание» (Россия, г. Киров, 27-29 апреля 2010 г.).	101
ГЕОЭКОНОМИКА И ГЛОБАЛИСТИКА			
<i>Б. Б. Михайленко</i>			
На пути к новой парадигме мирового хозяйства (окончание)	61		

Contents

ADDRESS TO THE READER	4	GEOECONOMICS AND GLOBALISTICS	
		<i>V. B. Mihailenko</i>	
ECONOMIC THEORY QUESTIONS		On the way to a new paradigm of the world economy	61
<i>M. Y Pavlov</i>			
Political economy and economics in the XXI-st century	5	<i>R. I. Tomberg</i>	
		Chinese-African relationship: resources and policy	69
<i>V. V. Smirnov</i>			
Economic science in attempts to overcome its crisis	20	EDUCATION FOR NEW ECONOMY	
		<i>A. V. Frolov</i>	
RUSSIA MODERNIZATION		STEM-education role for US “new economy”	80
<i>E. F. Avdokushin</i>			
Economy modernization of Russia	30	RUSSIAN BUSINESS UNDERTAKINGS HISTORY	
		<i>A. A. Bessolitsyn</i>	
INNOVATION: INTERNATIONAL EXPERIENCE		Business undertakings in modern Russia	91
<i>E. F. Avdokushin</i>			
National innovation system of Japan	39	<i>S. A. Trushkov</i>	
		The Russian Orthodox Church as a land owner: history and contemporaneity	97
<i>D. D. Katukov</i>			
Innovation development – the Baltic Sea Region experience and the Russian specification	54	DISCUSSION CHAIR	
		<i>V. S. Sizov</i>	
		Life in a postmodern society	101

К читателю

Уважаемые коллеги!

В последние годы в отечественной экономической науке стал проявляться ряд негативных тенденций, обусловленных, в частности, недооценкой значимости теоретико-экономического знания, умалением его методологической роли, снижением численности студентов и аспирантов по данной специальности, заменой «экономической теории» на некую «экономику», снятием курса «История экономических учений» и т. п. Более того, даже там, где преподается экономическая теория, она представлена в определяющей степени одним – неоклассическим – направлением; лишь в некоторых ведущих вузах студенты знакомятся в достаточной мере с другими научными школами.

Особенно тяжелое положение сложилось в сфере *политической экономии*. Эта отрасль знания практически оттеснена на «задворки» экономической науки. Классическая политическая экономия и ее современные разновидности, классический институционализм, другие школы, не связанные непосредственно с неоклассикой и не являющиеся ее ответвлениями, преданы забвению и мало знакомы даже специалистам. Более того, выросло целое поколение экономистов-теоретиков, не владеющих методологией, логикой и культурой политико-экономического знания.

Между тем социально-экономическая практика, в том числе резко обострившийся после мирового финансового и экономического кризиса 2008 – 2010 гг. интерес к политической экономии во многих странах мира, убедительно свидетельствует о том, что наиболее глубокие проблемы и противоречия современной экономики не могут быть исчерпывающим образом раскрыты без обращения к фундаментальной экономической теории, ее методологии, к политико-экономическим исследованиям.

Всё это обуславливает необходимость серьезных размышлений над проблемами *реактуализации и развития политико-экономической теории как важного слагаемого экономической науки, образования, практики*.

С целью обсуждения этих насущных проблем в Москве в середине 2010 г. прошла международная научная конференция, в которой приняли участие известные ученые, много десятилетий плодотворно занимающиеся политико-экономическими исследованиями. Результатом этой конференции стало обращение к редакторам ряда экономических журналов стран СНГ с предложением скоординированной публикации материалов этой конференции, инициирования дальнейших дискуссий по проблеме реактуализации и развития политической экономии, инициирования более тесной координации ученых и преподавателей в этой сфере.

Учитывая, что в настоящее время успешно развиваются национальные и международные ассоциации гетеродоксальной экономической теории, что Международная политико-экономическая ассоциация («World Association of Political Economy»), включающая известных ученых Европы, США, Китая, Японии и др., провела уже 5 международных конгрессов и издает в Лондоне свой журнал («World Review of Political Economy»), было целесообразно инициировать процесс создания *Международной ассоциации политико-экономов стран СНГ*.

Публикуя это обращение и обзор материалов конференции по проблемам политической экономии, редакции экономических журналов Казахстана, России, Украины, в том числе нашего журнала, предлагают читателям вместе поразмышлять над поставленными выше проблемами и возможными путями их решения.

Редакционная коллегия

Вопросы экономической теории

Политическая экономия и экономикс в XXI веке

М. Ю. Павлов,

заместитель руководителя Центра экономики знаний
экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
кандидат экономических наук, доцент,

г. Москва

E-mail: pavlov@econ.msu.ru

Political economy and economics in the XXI-st century

M. Y. Pavlov

19 апреля 2010 г. в Москве в рамках Международного форума «По ту сторону кризиса: модернизационный потенциал образования, науки и культуры» прошла Международная конференция на тему: «Политическая экономия: реактуализация классики и новая теория социально-экономического развития». Организаторами конференции были МГУ имени М. В. Ломоносова, Фонд «Альтернативы», Фонд Ф. Эберта. В центре внимания участников конференции находился вопрос о соотношении политической экономии и экономикс.

Ключевые слова: политическая экономия, экономикс, экономическая теория, предприниматели, рынок, неоклассическая теория.

On the 19th of April 2010 an International conference “Political economy: the classic re-actualization and a new theory of the socio-economic development” took place in Moscow (as a part of the International Forum “On the other side of the crisis: modernization potential of education, science and culture”). The conference organizers were the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Fund “Alternatives”, F. Albert Fund. The scientists discussed the questions of political economy and economics correlation.

Key-words: political economy, economics, economic theory, employers. Market, neo-classical theory.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИКС

С. С. Дзарасов (д.э.н., проф. Института экономики РАН) рассмотрел вопрос о соотношении политической экономии и экономикс и то, почему первая заменена вторым. Известно, что это было сделано А. Маршаллом в конце XIX в. Ещё незадолго перед этим свой курс экономических знаний Дж. Милль называл «политической экономией». Однако со временем за пределами марксистской традиции почти повсеместно произошел переход от политической экономии к экономикс. Сам Маршалл мотивировал произведенное им переименование необходимостью приблизить экономическую теорию к реалиям жизни, под которыми понимались нужды бизнеса, и дать предпринимателям путеводитель для осуществления своих деловых операций.

Было ли это действительно целью Маршалла или за этим скрывались совсем другие, а именно социально-классовые мотивы, теперь едва ли можно точно сказать. Но стало ясно,

что в действительности экономикс служит не столько познанию экономических явлений, сколько оправданию и воспеванию системы частного предпринимательства и свободного рынка. Социальная сущность экономических явлений в нем выброшена за борт и всё внимание переключено на изучение их функциональных зависимостей. Но как бы ни были важны последние, их знание без первой не может быть полным.

Маршалл писал учебник для настоящих и будущих бизнесменов, которым классическая теория стоимости и раскрываемые при этом отношения труда и капитала были «поперёк горла». Бизнес интересовали конкретные формы предпринимательской деятельности, благодаря которым можно получать максимум прибыли, чему и подчинена маршаллианская теория.

В разработке своего курса Маршалл выступил подлинным новатором, и долгое время его «Принципы» оставались непревзойденной настольной книгой бизнесменов. Этой дорогой последовали все остальные авторы экономикс до наших дней. Й. Шумпетер писал о Мар-

Вопросы экономической теории

шалле, что он понимал бизнес и бизнесменов лучше, чем большинство других ученых-экономистов, не исключая тех, которые сами были предпринимателями. Он чувствовал внутреннее, органические потребности экономической жизни даже лучше, чем формулировал их, и в силу этого он выступал как «властитель дум», а не как журналисты или теоретики, которые не более чем теоретики.

Именно этим было положено начало повороту от классической политической экономии к неоклассической теории, а тем самым от анализа реальности к её изображению в угоду бизнесу в том виде, в каком явления выступают на поверхности экономической жизни. Классическая же традиция была другой. В ней реальность всегда представляла собой *единство двух сторон*: сущности и явления, формы и содержания, объективного и субъективного, видимого и невидимого.

В результате произведенной Маршаллом операции по удалению социальной сущности явлений форма оказалась оторванной от содержания. Подобный подход логически требовал того, чтобы им был сделан и следующий шаг: отказ от названия науки «политическая экономия» и замены её «экономической теорией», впоследствии названной ещё проще – экономикс. Из этого вырос современный мейнстрим экономической науки, в котором фокус внимания перенесен от социальной к биологической сущности человека как потребителя благ.

Человек в этой механической системе рассматривается как её атомизированная частица. При этом индивиду приписывается такая рациональность (*substantive rationality*), в силу которой он якобы обладает неограниченными вычислительными способностями в преследовании и достижении своей личной выгоды. Подобно тому, как в механической системе движение частиц подчинено физическим закономерностям, утверждает маршаллианская, а вслед за ней и вся остальная ортодоксия, так и поведение индивидов в экономической системе определяется их предпочтениями в выборе товаров и услуг. В этой предопределенности поведения (*well behaved*) индивидуума ортодоксия видит ключ к пониманию происходящих в экономике процессов. Индивид рассматривается исключительно как потребительское существо, у которого нет иных мотивов деятельности. Он

только реагирует на то, что предопределено извне: на сигналы рынка в виде цен на товары и услуги и приспосабливается к ним.

Исключение социальной сущности явлений из экономического анализа заключало в себе еще и другое преимущество для апологетики капитализма. Оно открывало широкие возможности для математического описания экономических явлений и тем самым придания неоклассической ортодоксии видимости точной науки. Несомненно, что математические методы открывали новые, ранее невиданные возможности. Они позволяли углубить экономический анализ и раскрыть то, что невозможно сделать чисто логическим путем. Поэтому едва ли кто будет оспаривать, что в известных пределах математизация экономической теории разумна и необходима.

Однако при игнорировании социальной сущности явлений математическая элегантность принимает самодовлеющий характер, что приводит к утрате связи с экономической реальностью. Тем более что математический анализ всегда предполагает различные допущения и ограничения, что также действует в этом направлении. Об этой слабости математического анализа и эконометрических моделей на Западе накоплены горы литературы. О порочности уходить от экономической реальности путём необходимых для математического анализа допущений пишут многие научные авторитеты, разбирающиеся как в экономике, так и в математике. Например, Нобелевский лауреат В. Леонтьев писал, что профессиональные экономические журналы заполняются математическими формулами, ведущими читателя от группы более или менее вероятных, но совершенно произвольных допущений к точно сформулированным, но ошибочным теоретическим выводам, при этом экономисты-теоретики и эконометрики продолжают выдавать множество математических моделей и исследовать весьма детально их формальные свойства, оставаясь неспособными сколько-нибудь заметно продвинуться к пониманию структуры и принципов функционирования реальной экономической системы. Если множество имеющихся критических замечаний свести к какой-то одной общей формулировке, то она означает следующее: экономическая теория оторвалась от реальности и ушла в виртуальный мир иллю-

Вопросы экономической теории

зорных предположений, а потому не в состоянии отвечать на проблемы нашего времени.

Подобный разрыв между теорией и практикой не проходит бесследно. Он вызвал большое недоверие к экономической теории, под которой обычно имеют в виду неоклассическую ортодоксию. Поэтому не случайно именно она стала основным объектом критики альтернативных школ экономической науки.

Двадцатилетний рыночно-капиталистический эксперимент в странах бывшего СССР явился новой тестовой проверкой постулатов неоклассической ортодоксии. И что же? Проведенный у нас тест еще раз показал их несоответствие экономической реальности и тем самым, по крайней мере, неполную научную состоятельность.

Рыночные реформы в наших странах начались с помпой всеобщего доверия и воспевания неоклассических постулатов и основанной на них модели рыночной экономики, якобы способной за короткое время поднять экономику до небывалых высот. Достоинства рынка и частной собственности расписывались самым многообещающим образом, а плановой экономике и общественной собственности давались самые уничижительные оценки, как основной причине наших бед и страданий. При больших трудовых и материальных затратах и организационных усилиях, говорили нам, плановость позволяет достичь небольшого результата, в то время как рынок обладает механизмом такой идеальной самонастройки, что при малых затратах позволяет достичь высочайшего эффекта. Стоит шоковым путем (свободным ценообразованием и обвальная приватизацией собственности) ввести свободу рыночного предпринимательства, как мы сразу окажемся в раю и достигнем высот благополучия развитых стран.

В итоге 20-летнего эксперимента применения неоклассических постулатов в соответствии с Вашингтонским консенсусом получилось прямо противоположное. Мы оказались у разбитого корыта. Экономика стран, принявших Вашингтонский консенсус (понимай: неоклассическую модель экономики), покатила вниз, а стран, не принявших этот консенсус и избравших собственный путь развития, она пошла в гору. Например, ВВП России за указанный период после резкого спада в середине

90-х гг. прошлого века к настоящему времени едва достиг уровня 1990 г., в то время в Китае он вырос в 5,3, Вьетнаме – в 4, в Индии – 3,3 раза. Сравнение явно не в пользу тех, кто принял неоклассическую концепцию и модель экономики.

Если говорить о теоретических истоках провала одних стран и успеха других, то напрашивается вывод о несостоятельности неоклассической теории, из которой маршаллианство удалило социальный компонент. Вне социального контекста она стала годной в основном для оправдания капитализма, но негодной для преобразования общества к чему-то лучшему, т. е. созданию такой экономики, которая бы служила не обогащению одних за счет других, а повышению общей эффективности и благосостояния всего населения. Для таких целей необходима альтернативная экономическая теория, что требует отдельного рассмотрения.

Размышления о соотношении политической экономии и экономики продолжил **А. В. Сорокин** (д.э.н., проф. кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова).

Он, в частности, отметил, что фундаментальная наука перестает быть наукой, если она теряет способность объяснения очевидных явлений и закономерностей, отраженных в экономике. Экономика не более чем описание очевидного. Метод экономики – математически-описательный метод. Метод, который применяли Галилей и Ньютон.

Включение экономики в модель «Капитала» (синтез) – актуальная задача политической экономии. Синтез – проблема, которая в принципе не может быть поставлена экономике.

У многих коллег-политэкономов заметное пренебрежительное отношение к экономике и ее методу. Экономика – это отражение непосредственно наблюдаемых, поверхностных явлений. Но отбрасывать экономику нельзя. К. Маркс в 3-м томе «Капитала» писал: «Анализ действительной, внутренней связи капиталистического процесса производства – дело в высшей степени сложное и требующее очень серьезного труда; если задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению, то само собой разумеется, что в головах агентов капиталистического

Вопросы экономической теории

производства и обращения должны получаться такие представления о законах производства, которые совершенно отклоняются от этих законов, и суть лишь выражение в сознании движения, каким оно кажется. Представления купца, биржевого спекулянта, банкира неизбежно оказываются совершенно извращенными». Это относится и к экономикс.

По мнению Сорокина, экономикс может быть включен в модель «Капитала» в качестве подчиненного момента. Если бы «Капитал» писался сегодня, то, скорее всего, носил бы название «Капитал. Критика политической экономии, микроэкономики и макроэкономики». Понятно, что у политической экономии в широком смысле и экономикс – разные предметы. Предмет экономикс тот же, что и предмет «Капитала», – совокупность производственных отношений современного буржуазного общества, экономический базис, «богатство народов» или «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства».

Богатство народов (ядро производственных отношений) было и остается предметом экономической науки: Смита, Рикардо, Сея, Милля, Маркса, Вальраса, Кейнса. Только один Маршалл, формально не отказываясь от анализа богатства, добавил к предмету экономической науки «человека» с его поведением. И эта ветвь экономической науки, или маршаллианская версия неоклассики, получила название «мейнстрима». Эта версия с ее полезностями, предельными полезностями, кривыми безразличия выходит за рамки экономической науки и не синтезируется. Синтезу подлежит Вальрасианская версия неоклассики, построенная математически-описательным методом.

Маркс опередил науку на столетие. В то время как политэкономическая мысль ориентировалась на три великих открытия естествознания – открытие клетки, учение о превращении энергии и теорию развития, сводившую развитие исключительно к эволюционному развитию, Маркс применил генетический метод анализа экономической структуры общества. Генетический метод – это *диалектический метод* исследования, но здесь иная диалектика, отличная от эволюционного развития, диалектика «современного общества» как живого, развивающегося организма. Выделение генотипа из *материального*, конкретного организма и

построение модели организма, *развивающегося* из генотипа, ни что иное, как *материалистическая диалектика* (принципиально отличная от идеалистической диалектики Гегеля).

Метод «Капитала» не был понят его современниками прежде всего потому, что он трактовался в координатах трех великих открытий XIX в. Отсюда выход за пределы конкретно-исторического организма, который недопустим в рамках генетического метода, сформулированного Энгельсом как принцип «соответствия логического историческому»; принцип «от простого (которое ищется в эволюции, в «простом товарном производстве», предшествующем капитализму) к сложному»; принцип «от абстрактного к конкретному», в котором абстрактное считается *действительным* исходным пунктом исследования и, либо произвольно формулируется исследователем, по определенным им самим критериям (Вазюлин), либо выводится из «одного-единственного конкретного отношения» (Ильенков), а не из всего многообразного конкретного, конгруэнтного данному конкретно-историческому организму.

Смысл метода: берется конкретно-исторический, современный способ производства, единство многообразного, совокупность конкретных производственных отношений, живой организм. Действительный исходный пункт – конкретное. Методом абстракции осуществляется расчленение предмета. Как и в генетике, выделяются два фактора общественного богатства – потребительная стоимость и стоимость, два гена, которые, с одной стороны, присутствуют во всех клетках организма, а с другой – являются исходным отношением и содержат в себе, скрыто, весь организм в потенции.

В эту генетическую модель капитализма и включаются разрозненные категории экономикс.

В «Капитале» Марксу удалось ответить на вопрос, поставленный Смитом в «О природе...». **Природа богатства – стоимость.** И она была «окончательно» открыта не Смитом и Рикардо, а Марксом. То, что она трудовая – тавтология, никакой другой природы богатства, никакой другой стоимости не существует. Стоимость – кристаллизация абстрактного труда под ограничением ОНРВ.

Всевозможные «нетрудовые теории» – нонсенс. Теория предельной полезности отнюдь не

Вопросы экономической теории

является теорией природы богатства наций и, строго говоря, вообще не является теорией.

Непосредственно наблюдаема форма богатства – потребительная стоимость, благо.

Размышляя о методе экономикса, Сорокин отметил, что открытие *природы* общественного богатства Маркса не было понято современниками (и не только современниками, как писал Ленин). Есть основания считать, что в экономической науке произошла революция метода, которая ранее произошла в физике. Если природа явления неизвестна, то ученому ничего не остается делать, как отказаться от всяких попыток понять эту природу и перейти на математически описательный метод.

Галилей советовал ученым: не рассуждайте о природе, сущностях и пр., наблюдайте, давайте количественное описание в виде формул.

Основы описательного метода были заложены Смитом, неоклассика математизировала описательную сторону метода Смита, при этом отказавшись от второй стороны метода Смита (выяснение внутренних взаимосвязей) и от решения проблемы поисков природы богатства. Также и Л. Вальрас считал, что экономическая наука должна описывать *естественные факты*, т. е. факты, *не зависящие от воли экономических агентов*. К ним прежде всего относилась меновая стоимость. Он считал теорию общественного богатства областью математики и сравнивал ее с физико-математической наукой. Примером применения нового метода является *математическое выведение равновесия обмена, опирающееся на эмпирические кривые спроса без какого-либо упоминания о поведении потребителя и полезности*.

Новаторство Вальраса подверглось критике современников. В письме к Вальрасу К. Менгер указывал, что «математика очень хороша в определенных описательных целях, но она не позволяет проникнуть в сущность явления». Но главным оппонентом математически-описательного метода Вальраса стал А. Маршалл. В «Принципах экономикса» (1890 г.) он выступил против математизации экономической науки. Маршалл не устраивало то, что, как он писал, «Факты сами по себе молчат... Наиболее опрометчивым и ненадежным из всех теоретиков является тот, кто претендует на то, чтобы дать фактам и цифрам говорить самим за себя».

Маршаллианская контрреволюция означала нарушение основного принципа математически описательного метода – описывать, но не лезть в объяснения, а то получится какая-нибудь глупость. Записали уравнение обмена Фишера, но не выводите отсюда количественную теорию денег.

Возвращаясь к проблеме синтеза, Сорокин отметил, что в «Капитал» не вошли категории, которые еще не имели широкого хождения, либо были неясно выражены: валовой доход, сбережения, инвестиции, основные макротождества (они получают объяснения на уровне накопления I тома и схем воспроизводства II тома). Ключевые категории – спрос и величина спроса, предложение и величина предложения – синтезируются на уровне 1 гл. I тома.

Иногда считается, что генетическая модель и синтез экономикса означает апологию капитализма, отказ от материалистического понимания истории, под которым имеется в виду смена способов производства. Это не верно. Напротив, генетическая модель позволяет открыть внутренние законы движения рыночного организма и выявить такие антагонизмы-противоречия, по сравнению с которыми меркнут традиционные недостатки капитализма – несправедливость эксплуатации, отчуждение труда и т. п. Капитал – стоимость, которая в своем движении авансируется, сохраняется и возрастает. В ходе самовозрастания капитал использует нестоимостные факторы – труд, природу и науку, которые он не обязан воспроизводить. «Капитал беспощаден по отношению к жизни и здоровью рабочего...», он беспощаден к природе и науке (в том смысле, что, используя технологии, например, генно-модифицированные продукты, проявляет полное безразличие к развитию фундаментальных наук).

Антагонизмы (демографический, экологический, научный) не могут быть решены внутри экономического базиса. *Их решение требует вмешательства надстройки (общества, государства). В анализе этих глобальных антагонизмов и возможных форм их разрешения и заключается задача политической экономии, предметом которой является базис во взаимодействии с надстройкой*. Генетический метод Маркса позволяет перенести центр тяжести политической экономии с анализа «ростков социализма» и различных переходных форм на вы-

Вопросы экономической теории

яснение реальных противоречий-антагонизмов, определяемых внутренними (генетическими) законами развития капиталистического способа производства. Проблема тотального износа основных фондов в России гораздо острее, чем проблемы постиндустриальной экономики.

В заключение Сорокин отметил, что синтез экономики – актуальнейшая задача политической экономии, и чем скорее она будет решена, тем лучше. Математически-описательная микро- и макроэкономика элементарна и синтезируется, т. е. получает объяснение с позиций природы общественного богатства, за исключением маршаллианского осадка. Решению этой задачи была посвящена работа А. В. Сорокина «Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики» (М.: Экономика. 2009).

В своих выводах Сорокин отметил, что сегодня необходимо:

1) переосмысление «Капитала» с позиций генетического метода, 2) включение в модель «Капитала» микро- и макроэкономики, 3) радикальная перестройка курсов микро- и макроэкономики на основе модели «Капитала», 4) переосмысление политической экономии как науки о надстроечной «оболочке» базиса, законы которого изложены в «Капитале», т. е. фактически разработка новой политической экономии, отражающей реальные проблемы России и имеющей непосредственное применение в государственной политике.

М. Ю. Павлов (к.э.н., доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова) считает, что политическую экономию и различные теории менеджмента искусственно развели, хотя политическая экономия намного ближе к менеджменту, чем экономика. Реальные управленцы, особенно высшие менеджеры, охотно применяют многие выводы политической экономии на практике, а экономикс считают кабинетной наукой, которой почти нет места в реальном бизнесе.

Например, долгое время владельцы акций и потенциальные инвесторы пытались понять, от чего же зависит стоимость, капитализация фирмы. Стоимость фирмы пытались связать со стоимостью ее балансовых активов, с ее оборотом, прибылью, пока в 1957 г. не появилась работа, в которой Ф. Модильяни и М. Миллер,

ставшие впоследствии Нобелевскими лауреатами, убедительно доказали, что стоимость фирмы зависит только от одного показателя – ее будущих прибылей. Чем больше ожидаемая прибыль, тем выше стоимость акций. И стоимость фирмы не зависит от структуры ее капитала.

Получилось, что работу по структуре капитала отнесли к управленческой, а политэкономы эти выводы относительно структуры капитала не заметили. А ведь это были важнейшие выводы, оказавшие огромное влияние на соотношение реального и фиктивного капитала в экономике. Именно эти выводы в значительной степени способствовали повороту рыночной экономики от реального капитала к виртуальному. Раз стоимость фирмы не зависит от структуры капитала, то не надо обременять себя громоздкими и быстро устаревающими основными средствами – можно переключиться на более маневренные финансовые активы. И именно с конца 1950-х гг. мы наблюдаем постепенное развитие процессов финансовализации и виртуализации экономики.

Необходимо интегрировать политическую экономию и теорию менеджмента – на стыке получится наука, которую уже давно ждут и теоретики, и практики.

О. Ю. Мамедов (д.э.н., проф. Южного федерального университета) предлагает рассмотреть проблему выхода за рамки узкого предмета мейнстрима через призму проблемы идентичности.

Единственной наукой, до последнего времени не обращавшей внимания на проблему идентичности, оставалась отечественная экономическая теория. Однако постоянно поднимаемые ведущими действующими политиками и практиками вопросы о том, какая экономическая система нам подходит, а какая – нет, какой подражать, а какой не подражать, существует ли вообще универсальная экономическая модель или таковой не существует (вопросы, вдруг озаботившие все уровни начальственной иерархии), немедленно «потащили» экономистов к тому, от чего они долгое время благоразумно дистанцировались, а именно – к проблеме идентификации российской экономики.

Первыми об «экономической идентичности» заговорили, разумеется, психологи, кото-

Вопросы экономической теории

рые, подобно постоянно мигрирующим интеллектуальным кочевникам, давно потеряли свою «родину» (то есть предмет своей науки) и стали существовать за счет агрессивной атаки практически всех отраслей социального знания. Долго психологи подбирались и к самой объективной, в силу специфики ее предмета, социальной науке – к экономической теории (изучающей движение той социальной материи, в которой, по блистательному определению одного из ее пророков, «нет ни грана сознания»!).

Однако это не смутило не только психологов, но и многих экономистов, буквально вцепившихся в так называемую «субъективную» сторону организации общественного производства. В результате психологи привычно свели «экономическую идентичность» к социальным установкам личности, определенного этноса, конкретной социальной страты, то есть к тому, что лежит за пределами экономической науки.

Между тем *в признании или непризнании момента сознания в качестве «предметного элемента» экономической науки скрывается невидимая граница между научной экономической теорией и всеми разновидностями ее «мутации»*, как бы ни маскировалось это признание – в виде «предпочтений», «рациональности» или «выбора». Экономика как объект научного анализа – это сфера не того, что предпочитает или выбирает производитель, а того, что он *вынужден* делать в данных исторически производственных обстоятельствах.

Еще сто пятьдесят лет назад (!) другой пророк экономической науки объяснил – дело не в признании побудительных мотивов поведения производителей, а в том, что не идут далее, не исследуют, что лежит за ними, в их основе, что генерирует эти побудительные мотивы. *Предмет экономической науки как раз и находится в том пространстве, которое расположено «за» пределами побудительных мотивов поведения производителей, само формирует эти побудительные мотивы.*

Юристам, политологам, социологам привычнее отрицать универсальность экономических и социальных систем, что объяснимо, – они «питаются» различиями, спецификой, многообразием этих систем.

Однако экономическая наука, стремясь к объективному отражению объективного

мира, существенно отличается видением общественного устройства, в том числе и экономического. Это научное видение фактически совпадает с диалектико-материалистическим воззрением, которое – в ситуации его активного неприятия в силу различных обстоятельств – всё равно сохраняется, но уже в интуитивно осознаваемой форме, что создает дополнительные гносеологические сложности (до которых «неэкономистам» справедливо нет никакого дела).

К несчастью для обществоведов-неэкономистов, прозаический взгляд экономистов на национальную экономику не остается «внутренним» делом самих экономистов. Общеобществоведческая «неприятность» проистекает из того, что экономическое устройство – как бы ни усмехались убежавшие от марксизма экономисты, политологи, юристы и социологи – продолжает оставаться «базисом» всех иных (неэкономических) производных социальных форм.

В реальности это означает только одно – характеристика идентичности национальной экономики «задает» и все иные характеристики данной социально-национальной системы. Поэтому экономистам принадлежит решающее слово в определении социальной идентичности данного общества.

Исходная научно-методологическая посылка концепции экономической идентичности – признание единства экономического устройства производства на данной исторической ступени его развития, общности его принципов, императивов, корреляций и тенденций, определяющих универсальный вектор движения всех национальных экономик, – короче, всё то, что из многообразия реального мира экономики вмещается в гениальную абстракцию, имя которой – «общественно-экономическая формация».

ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Конференцию открыл сопредседатель организационного комитета **А. В. Бузгалин** (д.э.н., проф., директор Института социэкономии МФЮА, заслуженный проф. кафедры политической экономии экономического факультета

Вопросы экономической теории

МГУ им. М. В. Ломоносова). Он остановился на засилье экономической теории, которая получила обобщенное название «экономикс» и породила две волны сопротивления:

1. Пассивную – когда под видом экономической теории вопреки стандарту некая толика преподавателей, особенно в российских регионах, в Украине и Казахстане, читает не только микро- и макроэкономику, но и включают в курс компоненты классической политической экономии.

2. Открытую – когда ученые предлагают альтернативные курсы, и до недавнего времени это было уделом факультативов и «полупартизанских» акций.

В последнее время ситуация стала меняться. Экономический кризис, помимо недостатков, имеет и некоторые «плюсы». В результате кризиса возникла новая волна интереса к политической экономии. Хорошо известно, что в США и Западной Европе «Капитал» Маркса стал одной из самых читаемых книг по экономике. В Берлине весной 2008 г. в Политехническом университете проходила конференция, посвященная глобальному экономическому кризису. На пленарном заседании, собравшем 1500 человек, участники с большим интересом, с многократными аплодисментами встречали марксистские выступления. Ситуация меняется в лучшую сторону и в России. Так, на экономическом факультете МГУ уже 2-й год подряд читается курс «Политическая экономия», на который в этом учебном году записались 150 студентов из 300 учащихся на 3-м курсе. Читается курс «Теория общественного богатства», в котором очень многое взято из «Капитала» К. Маркса и классической политической экономии, причем все это рассматривается как фундамент микро- и макроэкономики. Этот курс собирает не меньшее количество студентов. В Институте экономики РАН член-корр. В. А. Медведев уже 3-й год ведет семинар, посвященный марксизму.

Всё это позволяет поднять целый ряд вопросов, которые в рамках курсов микро- и макроэкономики с добавлением неонституционализма рассмотреть и представить невозможно. Какие это вопросы?

Первый блок. Исследование экономики как совокупности конкретных, исторически ог-

раниченных экономических систем. Если посмотреть на подавляющее большинство учебников микроэкономики, то в них отсутствует грань между экономикой «вообще» и рыночной экономикой. Во введении иногда выделяются разные типы экономик, а затем даются характеристики рыночной экономики. И даже нет вопроса о начале и конце тех или иных типов экономик – рыночной, натурально-хозяйственной, плановой. Или же отношения личной зависимости и каких-то других отношениях труда-капитала, помимо отношений найма.

Второй блок. Политическая экономия основана на диалоге экономики с другими общественными сферами, но не на основе «экономического империализма», когда принципы рационального поведения, максимизации полезности и оптимизации выбора из сферы рыночной экономики переносятся в сферу политики, духовной жизни и даже в отношения любящих супругов (теория «человеческого капитала» Г. Беккера). Политическая экономия предполагает несколько иное: использование общефилософских, общесоциальных, общегуманитарных методов для исследования экономики в диалоге с социальной, политической, духовной сферами. Это другой подход. Это подход целостных общественных наук, который позволяет работать на стыке разных дисциплин, не подавляя специфику любой другой сферы.

Третий блок. Политическая экономия жестко выходит на проблему экономических субъектов и социальной структуры, ее экономических детерминант. Этот выход позволяет показать, что есть экономически обусловленные социальные слои, классы, производные от классов страты. Это вывод не только К. Маркса. Этот вывод был сделан до Маркса и развивается во многих политэкономических работах после Маркса и вне Маркса. Этот вывод позволяет поставить вопрос об экономических интересах, о противоречиях этих интересов и об анализе экономических процессов с точки зрения того, чьи интересы скрываются за теми или иными решениями.

Четвертый блок. Политическая экономия включает в себя анализ взаимодействия экономики и технологических основ, общества и природы, экономики и социально-политических процессов. Очень редко в учебниках

Вопросы экономической теории

микро-, макроэкономики можно найти описание экономической системы, зависящее от лежащих в ее основе технологических параметров и тех или иных социально-политических отношений. Между тем если общество базируется на ручном труде, то поведение человека, мотивация, ценности, социально-экономические отношения будут одни, если индустриальная система совершенно другие, если креативная деятельность в постиндустриальном обществе – третьи. Проблема обратного влияния – какой тип технологий создает та или иная экономика, – практически вообще не рассматривается. Между тем если мы посмотрим на современную экономику, то увидим очень специфический тип технологий: за последние 50 лет человечество очень мало продвинулось в технологиях материального производства и в сфере формирования человеческих качеств. В медицине есть продвижения, но не революционные. Мы летаем на самолетах с той же скоростью (900 км/ч), что и 50 лет назад, на машинах стали ездить не быстрее, а даже медленнее – сейчас средняя скорость движения по Москве – 10-15 км/ч. Мы создали компьютеры и Интернет, но мы непроизводительно используем 98% их ресурсов.

Все вышеназванные блоки дают основание показать политическую экономию как ту науку, которая: 1) дает возможность стратегического анализа важнейших социально-экономических и экономико-политических процессов, происходящих сегодня; 2) полезна для всех – от социальных движений, профсоюзов и других организаций, которых прежде всего интересует социальная составляющая экономики, до бизнеса, который хочет знать, как лучше всего мотивировать конвейерного рабочего, а как – креативного директора; 3) важна для студентов, которые хотят не просто уметь рисовать кривые по чужим данным, где реальная экономика – частный случай, а хотят, прежде всего, получить представление о реальных экономических процессах, тенденциях; 4) дает понимание политическим деятелям, которые хотят (пусть даже и из эгоистических интересов) проводить грамотную экономическую политику.

А. И. Колганов (д.э.н., заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики

экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) подчеркнул, что он хотел бы поддержать тезис о том, что для восстановления позиций классической политической экономии в экономической науке нам необходимо употреблять полученную нами политико-экономическую культуру знания (Р. М. Нуреев) для того, чтобы находить ей применение во множестве смежных областей. И тем самым доказывать на практике ее значимость. Это совершенно необходимо.

Колганов также поддержал мнение Сорокина, который говорил о необходимости синтеза и попыток инкорпорировать имеющиеся экономические доктрины, которые мы считаем предназначенными для изучения поверхностного слоя экономической жизни, в доктрину более фундаментальную, с тем, чтобы одно объясняло другое.

Колганов также поддержал Г. Н. Цаголова в том, что «нам пора не прятаться за спиной Маркса и встать на его плечи, а то и выйти вперед».

Он отметил, что существует одна очень серьезная проблема, которая мешает. Проблема эта заключается в том, что «мы с вами являемся носителями вот этой политико-экономической культуры», а она у нас не воспроизводится в научном сообществе. Если и воспроизводится, то в суженном масштабе. Потому что мы не в состоянии при той структуре преподавания экономической теории, которая сейчас сложилась, передать студентам свою культуру системного диалектического изучения категорий, отражающих производственные отношения. У нас нет на это времени и возможностей в рамках тех учебных планов, которые существуют. Мы можем сколько угодно демонстрировать студентам преимущества политической экономии в понимании конкретных явлений через различного рода ответвления экономической теории, но вот эту культуру, которую мы впитали с изучением «Капитала», им передать не в состоянии.

О восстановлении этой культуры следует подумать очень и очень серьезно. Потому что без этого всё то, что мы делаем, с течением времени «уйдет в песок» и не будет воспроизводиться. В этом заключается ключевая проблема.

Можно ли как-то продвинуться в решении этой проблемы в рамках существующих

Вопросы экономической теории

возможностей? Здесь существует два пути. Во-первых, надо не дать нашему опыту уйти, пропасть бесследно. Для этого было бы крайне полезно изложить накопленный опыт и политико-экономическую культуру в серии публикаций, чтобы хотя бы таким образом сделать эту культуру доступной. Понятно, что это отнюдь не решает проблему преемственности, воспроизводства политико-экономической культуры. Но, во всяком случае, это шаг в нужном направлении. Студенты должны иметь возможность опереться на источники, демонстрирующие им не только классическое наследие, но и подходы к его изучению, и современную интерпретацию классического наследия. Необходимы работы по предмету и методу политической экономии, по диалектике «Капитала», равно как и работы, показывающие приложимость политико-экономического категориального аппарата к исследованию современных проблем.

Во-вторых, следует вести работу по постепенному восстановлению престижа политико-экономического знания. Современный экономический кризис дает нам хороший повод для такой работы, и им надо в полной мере воспользоваться. Стандартные неоклассические подходы оказались несостоятельными перед лицом экономического кризиса, а политическая экономия имеет в своем арсенале теоретический аппарат для анализа причин циклических кризисов. Есть, разумеется, и другие аргументы, связанные в первую очередь с тем, что политико-экономический взгляд на хозяйственную реальность затрагивает такие ее пласты, которые вовсе не исследуются неоклассической теорией.

И здесь, кстати сказать, призыв выйти из-за спины Карла Маркса должен сыграть очень большую роль. Потому что на простом повторении культуры «Капитала», конечно, мы далеко не уедем. Безусловно, необходимо культурой «Капитала» овладеть. Это шаг, который является абсолютным императивом для того, чтобы воспитать грамотного политэконома.

Маркс предсказывал разложение стоимостных отношений с развитием капитализма. Что мы сейчас и наблюдаем. Но есть ли у нас теоретическое описание этого разложения стоимостных отношений в современном капитализме? Соображения на эту тему есть, но единичные. Проведено ли это наше понимание начинаю-

щего формироваться разложения стоимостных отношений в современном капитализме через всю категориальную систему производственных отношений капитализма? Например, как влияет разложение стоимостных отношений на отношения капиталиста и наемного рабочего? И разве сам капитал как производственное отношение застыл в неизменности? Все это уже давно надо было исследовать, но этого не сделано совершенно, за малыми исключениями. Надо двигаться вперед.

Откликнулась ли наша отечественная политическая экономия на такие тенденции современного капитализма, как глобализация и сдвиги в постиндустриальном направлении? Откликнулась, но с запозданием. Мы фактически плетемся в хвосте тех разработок, которые были сделаны за рубежом, как западной леворадикальной политической экономией, так и представителями развивающихся стран. Может быть, и нами сказано кое-что заслуживающее внимания, но это уже выглядит как комментарии к работе, проделанной до нас.

Только двигаясь вперед, мы сможем с полным основанием пробивать те стены, которые сейчас воздвигнуты на пути преподавания политико-экономического знания, и должны доказывать не только свои способности, не только свою практическую полезность, но и свою мощь как исследователей.

Размышления о важности возрождения и продвижения политической экономии, об актуальных задачах политэкономов продолжил **М. И. Воейков** (д.э.н., проф., зав. сектором развития социально-трудовых отношений Института экономики РАН). Он, в частности, сказал, что отмена и почти запрещение политической экономии как научной и учебной дисциплины внесло некоторую растерянность и даже разброд в рыхлые ряды постсоветских политэкономов и экономтеоретиков, которые в большинстве своем – те же самые политэкономы. Многие с кислым выражением принялись осваивать западный экономикс, некоторые исподтишка втискивают в него старые, проверенные жизнью и опытом политэкономические категории, некоторые отчаянно сопротивляются. У большинства стоит в душе стон: верните нам политическую экономию!

Почему стон? Конечно, этому есть много причин. Главная – политическая экономия в

Вопросы экономической теории

российской интеллектуальной традиции (со второй половины позапрошлого века) была не только набором рекомендаций и указаний – что и как надо делать в народном хозяйстве, но, прежде всего, помогала пониманию этого хозяйства и путей развития общества. Со всей очевидностью это проявилось в дискуссии между народниками и марксистами. С тех пор политическая экономия в российской традиции несет мировоззренческую или философскую нагрузку.

Конечно, это не только русская традиция. И на Западе политэкономия выполняла эту функцию. Как писал в свое время Ж.-Б. Сэй, каждый гражданин обязан изучать политическую экономию, если хочет быть активным участником гражданского общества, т. е. гражданское общество и политическая экономия генетически связаны. Но сегодня на Западе мировоззренческая функция политической экономии отошла к другим социальным наукам, и прежде всего к социологии. Возьмем книги известных западных социологов: Д. Белла, И. Валлерстайна, Р. Дарендорфа, Л. Туроу и др. – это, с нашей точки зрения, типичные политэкономические труды. С другой стороны, возьмем книги наших политэкономов – Л. Абалкина, А. Бузгалина (частично А. Колганова), В. Медведева, Д. Сорокина и даже В. Иноземцева – с западной точки зрения – это типичные социологические работы.

Таким образом, хотя социология у нас интенсивно развивается больше 50 лет, но до мировоззренческих обобщений она пока не поднялась. Эту функцию продолжает выполнять политическая экономия. Это наша российская интеллектуальная традиция, в которой политическая экономия составляет основу, цементирующий каркас всей системы социальных наук. Речь не идет о собственно экономической науке, где почти всем очевидно, что политическая экономия составляет ее фундамент. И естественно, что отмена политической экономии разваливает не только экономическую науку, которая превращается в разрозненный набор различных теорий, методов, кривых и формул, но и делает бессистемной всю социальную науку. Вместо «дерева» экономической науки получается «сад камней» (по выражению О. Ананьина).

Конец классической политической экономии «на Западе», конечно, не есть происки «классовых врагов», а есть объективный процесс изменения западного мира и рыночной экономики, прежде всего. Политическая экономия, как известно, изучает отношения людей, прикрытые вещной формой. И дело в том, что эта форма в современном западном обществе истончается и трансформируется, соответственным образом трансформируются функции политической экономии. Сглаживаются и межклассовые отношения. Так, расширение среднего класса не только гасит классовые антагонизмы, но и снимает социальную проблему классового общества, разрабатываемую в марксистской парадигме. Еще в начале XX в. С. Булгаков замечал, что социальный вопрос составляет главную проблему политической экономии. Сегодня его содержание существенно меняется. Меняется, но еще не изменилось. Трансформируются фундаментальные основы и рыночной экономики. Возрастание роли государства в распределительных процессах (почти половина ВВП распределяется не через рынок), борьба с бедностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют основы рыночной экономики. Так, например, появление и распространение фидуциарных денег выбивает объективную основу из-под рыночной экономики. Конечно, от всего этого проблем становится не меньше, но они уже изучаются в большей мере другими социальными науками. К примеру, фидуциарные деньги – это предмет политической экономии или политологии? То же и в отношении социальных классов, которые, по выражению Ж. Дерриды, оказались разрушенными капиталистической современностью.

Однако утверждая, что проблемное поле классической политической экономии истончается, тем не менее, надо признать, что оно еще есть и требует политэкономического осмысления. Это относится как к старым проблемам, так и к новым. Например, как понимать и трактовать те же самые фидуциарные деньги, процент за кредит, ренту, распределение и т. п. Например, проблема материального производства. Известно, что в сфере материального производства занято все меньше и меньше людей. Как-то Р. Дарендорф представил расчет, по которому выходило, что в типичной стране ОЭСР

Вопросы экономической теории

на работу в материальном производстве тратится лишь 1% всего годового объема времени всего населения страны. Куда исчезает материальное производство? Политическая экономия занимается материальным производством (его вещной формой), но исчезновение последнего должна объяснять политическая экономия. Сохраняется ли индустриальное ядро (В. Мавровский) в современной экономике? Если нет, то как вообще можно представить себе экономику? Может ли быть «общество знаний» без промышленности?

Возможно, ответ на эти вопросы лежит в проблеме сужения докапиталистической периферии. Капитализация мировой деревни (и третьего мира в целом) раздвигает поле политэкономического исследования на периферию капиталистической миро-системы. На место этнографии приходит политическая экономия, которая призвана решить (или объяснить) проблему накопления и перемещения капитала от центра к периферии и возможности реализации прибавочной стоимости (Р. Люксембург).

Но в политической экономии появляются новые процессы, часть из которых даже получила название «новая политическая экономия». Суть этих процессов сводится к распространению политэкономического (или даже экономического) метода исследования на области, которые ранее не являлись предметом политэкономии. По мнению Дж. Бьюкенена, в новую политическую экономию включается: 1) теория общественного выбора; 2) экономическая теория прав собственности; 3) экономический анализ права; 4) политическая экономия государственного регулирования; 5) неоинституциональная экономическая теория; 6) новая экономическая история. Приведем некоторые названия работ в этой области: политическая экономия пространства, политическая экономия выбора (общественного выбора), политическая экономия терроризма, политическая экономия голода, политическая экономия демократии и т. п. Таких работ множество, не все они удачны, но характерная их особенность состоит в том, что авторы стремятся с помощью политэкономического метода исследовать ранее не свойственные ей проблемы.

Еще в начале XX в. М. И. Туган-Барановский предусматривал, что в пострыночном

обществе политическая экономия частью превратится в теорию экономической политики. Любопытно, что в СССР с конца 1920-х гг. стала развиваться концепция политической экономии, «в широком смысле» как бы пригодная для пострыночного общества. Можно также заметить, что данная концепция онтологически весьма близка к «новой политической экономии».

Сегодня появилось новое поле исследований политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две линии. Первая, то, что есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления, т. е. нерыночное благо начинает функционировать как рыночный товар. Другими словами, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно становится предметом политической экономии (Ж. Бодрийяр) или богатством становятся самопредставляемые вещи (М. Фуко). Другая линия обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений и других причин перестают быть товарами (В. Ленин) и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например, общественные блага («опекаемые блага» А. Рубинштейн), для которых создается «квазирынок». Все это предмет политической экономии, но иной, нежели классической, которую лучше назвать постклассической.

Марксизм же служит как бы переходом от классической политэкономии к постклассической. Марксизм венчает, завершает одну и дает толчок, начинает другую. Марксизм объявил и объяснил конец политической экономии как науки о неорганизованном социальном хозяйстве (Н. Бухарин). Постмарксизм (Д. Лукач, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко и др.) объясняет появление постклассической политической экономии.

Возвращаясь к российской политэкономической традиции, надо иметь в виду, что в общем и целом она была возвращена в лоне марксизма. Как отмечал Н. Бердяев, марксизм был процессом европеизации русской интеллигенции. Российскому интеллигенту в начале XX в., чтобы выглядеть современно и умно, надлежало быть марксистом. Конечно, с тех пор мно-

Вопросы экономической теории

го утекло воды. Был Сталин, который вырезал многих марксистских интеллигентов (И. Рубин и др.), теперь американская мысль, которая часто путает марксизм и сталинизм (Ф. Хайек). Но есть Россия, есть российская интеллигенция, пронизанная марксизмом, – дело осталось за политической экономией.

Но речь должна идти не о воссоздании марксистской политической экономии. Такой нет и быть не может. Маркс был критиком классической политической экономии, он создал ее завершение, вершину. Выражение «пролетарская политическая экономия» бессмысленно, ибо цель пролетариата состоит в упразднении классов и, стало быть, самого себя (Д. Лукач). Вот этот процесс уничтожения («снятия») классов и вещного мира и призвана объяснять постклассическая политическая экономия, которая корнями уходит в марксизм.

Р. М. Нуреев (д.э.н., проф., заведующий кафедрой экономического анализа организаций и рынков Государственного университета – Высшей школы экономики) отметил, что в странах Запада «Капитал» не произвел того впечатления, на которое рассчитывал автор, посвятивший этому труду более 20 лет. Новые принципы систематизации категорий стали интересны лишь последующим поколениям методологов второй половины XX в. Здесь оказалось интересным всё: и формальная логика как предпосылка и момент диалектики, и метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале», и роль антиномий в процессе познания, а также их отражение в экономической системе, и «Капитал» как открытая система познания.

Историки мысли «Капитал» всегда привлекал как критика политической экономии, как образец бережного отношения к истории экономической мысли, скрупулезного использования источников, как попытка написания истории политической экономии по образцу и подобию «Истории философии» Гегеля (то есть как история рыночной экономики, «взятая в необходимости», как история, воспроизводящаяся в развитом предмете).

Социологов привлекли идеи Маркса об основных формах экономических отношений и ступенях развития личности: диалектика взаимодействия природы и общества, единство

собственности и труда, а также взаимосвязь индивида и общности, в которой Маркс выделял следующие ступени развития: личная зависимость, личная независимость, основанная на вещной зависимости, свободная индивидуальность – всестороннее развитие каждого как условие развития всех, концепция всестороннего развития личности («по ту сторону материального производства») как предпосылка и элемент современного постиндустриального общества.

Для специалистов по экономической истории и компаративистике представляет несомненный интерес метод единства исторического и логического, взаимосвязь технико-экономического и социально-экономического анализа, диалектика производительных сил и производственных отношений, единство формационного и цивилизационного подходов, история как естественно-исторический процесс и как результат деятельности людей, следовательно, больше политическая экономия в широком, чем в узком смысле слова.

Для институционалистов несомненный интерес представляет новый подход к анализу экономики и права, впервые реализованный в полном объеме в «Капитале». Маркс фактически выступает как предшественник институционализма. Он реализует новый подход к анализу экономической природы частной собственности, отличный и от подхода классиков политической экономии, и от леворадикальных критиков этой собственности типа П.-Ж. Прудона. Конечно, марксистская и неинституциональная теории прав собственности существенно отличаются друг от друга. Однако до сих пор представляет интерес проделанный Марксом анализ отчуждения и фетишизма в условиях рыночной экономики, овеществления лиц и персонификации вещей.

Несомненен и вклад Маркса в становление теории межотраслевого баланса. Конечно, Маркс выступает здесь как ученик Ф. Кенэ. Любопытно, что его абстрактная и конкретная теория воспроизводства оказались более универсальными, чем схемы Ленина, которые не выдержали испытания временем, предопределив гипертрофированное развитие первого подразделения в ущерб второму. Непонятая с позиции неоклассической теории равновесия марксистская теория экономических кризисов

Вопросы экономической теории

сов получила своеобразное развитие в теории Шумпетера (1939 г.).

Проявляет ли интерес к Марксу академическая наука развивающихся стран? Скорее да, чем нет. В условиях кризиса неоклассики на периферии капиталистического мира постулаты рационального поведения, на которых основаны современные микро- и макроэкономика, практически не работают. Здесь очевиднее плюсы и минусы развития капитализма и отражающей это развитие неоклассики. Здесь очевиднее проблемы бедности и богатства, статический характер современной западной науки. Отсюда нагляднее видны изъяны современного экономико-математического моделирования, опирающегося на теорию рационального выбора.

Маркс интересен везде, где осуществляются поиски альтернативы неоклассике. Неудивительно влияние марксизма на молодую историческую школу (В. Зомбарт) и австрийскую экономику (О. Бем-Баверк), на традиционный (Т. Веблен, К. Поланьи, Г. Мюрдаль) и новый институционализм (право и экономика), новую экономическую историю (Д. Норт, Н. Розенберг) и эволюционную экономику (Шумпетер), посткейнсианство (Дж. Робинсон, П. Сраффа) и леворадикальную экономику (П. Баран, А. Эммануэль, И. Валлерстайн).

Ю. М. Осипов (д.э.н., проф., заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова), рассматривая вопрос о том, какие объективные проблемы социально-экономического развития мира и России может решать политическая экономия и не решают микро- и макроэкономика, обозначил, что это всё социально-экономические вопросы, восходящие к способам производства и присвоения ресурсов, средств производства, продукции, образа жизни. Иное дело: как? Здесь потребно не воспроизведение прошлых решений, а обретение новых. Классика должна стать неоклассикой (не путать с самозванным неоклассическим синтезом). Соответственно, выделяются основные разделы политической экономии как науки и учебного курса (в т. ч. проблемы использования критики классической политической экономии): собственность, присвоение, способ производства (в новых интерпретациях). Поэтому на вопрос «надо ли, и если “да”, то как,

где (не на экономических факультетах) преподавать политическую экономия?» есть только один ответ: «Надо!» И в бакалавриате (первичное освоение), и в магистратуре (дискуссионное освоение).

У. Ж. Алиев (д.э.н., проф., вице-президент образовательной корпорации «Туран», Алматы (Казахстан)), отметил, что любая наука свое содержание выражает через систему социальных функций, выполняемых ею. Это утверждение справедливо и по отношению к такой базовой экономической дисциплине, как теоретическая экономика.

Под функцией теоретической экономики понимается не только один из ключевых элементов ее дисциплинарной структуры, но и служебная роль, назначение и «поведение» ее как науки. Другими словами, функция есть реализация на деле предмета теоретической экономики, т. е. способ существования и обнаружения ее предмета.

Надо сказать, что проблема системы функций теоретической экономики (а в ее рамках – политической экономии и экономикса, а также ныне преподаваемой экономической теории) до сих пор не стала полноценным объектом (и предметом) специальных исследований в виде диссертационных или монографических работ. Этому способствовало распространенное негласное мнение о функциях теоретической экономики как о чем-то малозначащем, не заслуживающем особого внимания. Применительно к различным ее направлениям они рассматривались вскользь в связи с другими проблемами данной науки, причем основной акцент был сделан на ее практическую функцию.

Проблема функций теоретической экономики актуализируется в связи с общей тенденцией повышения социальной роли науки вообще и экономической науки в частности в условиях глобализации макрохозяйственных отношений, а также современного глобального финансово-экономического кризиса и явно недостаточной реализации потенциальных возможностей теоретической экономики в исследовательско-познавательной, хозяйственной и учебно-образовательной практике. В этой связи прежде всего вопрос о функциях теоретической экономики должен занять подобающее место как в собственно научно-исследовательском, так и в учебно-образовательном процессе. При этом

Вопросы экономической теории

следует особо отметить, что главную трудность в данном вопросе составляет неразработанность методологии систематизации функций теоретической экономики.

В методологическом плане систематизация функций теоретической экономики (как и всякой науки) должна опираться на основные виды человеческой деятельности, куда входит и наука как специфическая социально-духовная и интеллектуально-информационная система: познавательная, оценочная, практическипреобразующая. Кроме того, следует также учесть и реальное место и положение, которое занимает теоретическая экономика в системе наук вообще, в системе гуманитарных наук, в системе собственно

экономических наук. Эти методологические подходы позволяют выделить следующие три основные функции теоретической экономики: гносеологическую (познавательную), аксиологическую (оценочную) и прaksiологическую (прикладную).

Высшим социальным критерием и результатом функционирования теоретической экономики в целом является формирование интеллектуально и духовно развитой личности, свободной индивидуальности как истинного субъекта и богатства всё более осознаваемого и предполагаемого социализированно-гуманистического общества.

(Окончание в следующем номере)

Вопросы экономической теории

Экономическая теория в поисках выхода из кризиса

В. В. Смирнов,

доцент Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,

кандидат экономических наук,

г. Санкт-Петербург

E-mail: Smirnov.Vlad-1941@yandex.ru

Economic science in attempts to overcome its crisis

V. V. Smirnov

Автор делает попытку обобщить и классифицировать мнения отечественных экономистов относительно характерных черт, причин и путей преодоления кризиса, переживаемого мировой экономической наукой. Одним из таких путей, считает автор, могло бы стать совершенствование методологической части экономической теории – системы определений базисных, основных, идентифицирующих ее как науку, категорий, таких как полезность, ценность, стоимость и цена товара в их объективной количественной взаимосвязи.

Ключевые слова: экономическая теория, кризис, совершенствование методологии, количественное определение полезности товара.

The author tries to examine, to select and to generalize opinions of the native economists on the subject of main features and possible ways of the world economic science crisis overcoming. He believes one of such ways to be upgrading the economic theory methodological part, including determinations of such essential categories as utility, value, a commodity price and quantity connections between them.

Key words: economic theory, crisis, methodology upgrading, commodity utility quantity determination.

I

Кризис, переживаемый сегодня мировой экономической наукой, уже давно обсуждается в экономических публикациях¹. За последнее двадцатилетие о нем писали многие наши известные ученые - экономисты². Некоторые авторитеты и адепты «экономикс» на Западе, вплоть до лауреатов Нобелевской премии, также признают нарастание кризисных моментов в западной экономической науке.

Сегодняшний мировой финансово-экономический кризис еще раз напомнил нам о кризисе, переживаемом мировой экономической наукой. Ее неспособность осмыслить возникающие практические проблемы, ответить на драматические вызовы современности в очередной раз заставляет экономистов задуматься о причинах сложившейся в

экономической теории ситуации и о возможных путях повышения ее практической эффективности. Так, на проведенном недавно в Вятском социально-экономическом институте Междисциплинарном симпозиуме, посвященном кризису современной науки, проф. Ю. М. Осипов отметил, что данная им еще в 90-х гг. оценка состояния экономической теории как кризисного остается справедливой и сегодня [4, 95]. «Нынешний кризис – это процесс разрушения «воздушных замков», возведенных на ложных основаниях» [7, 25], – считает проф. В. С. Сизов. В возведении этих оснований, по нашему мнению, экономическая теория приняла активное участие. Так что «лжеэкономика» [там же] и «мнимая теория (лженаука)» [6, 49] идут сегодня рука об руку, способствуя воспроизводству друг друга.

¹ Используя этот устоявшийся термин, мы имеем в виду только совокупность теоретических ее направлений, а не прикладные дисциплины.

² На кризисное состояние экономической теории неоднократно указывали Л. Абалкин, А. Бузгалин, С. Дзарасов, В. Иванченко, А. Колганов, В. Куликов, Д. Львов, В. Маевский, В. Мау, В. Медведев, Ю. Ольсевич, Ю. Осипов, Ю. Якутин и другие.

Вопросы экономической теории

На научно-методической конференции «История экономической науки в России: исследования и преподавание», прошедшей в 2009 г. на экономическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, целый ряд участников¹ не только указали на связь обоих кризисов друг с другом, но и попытались подвергнуть кризис экономической теории теоретическому анализу.

II

Попытаемся обобщить и до некоторой степени систематизировать представления участников конференции о причинах, сущности и путях выхода из кризиса экономической теории, учитывая также мнения авторов некоторых других публикаций.

1. Главной, определяющей все остальные, негативной характеристикой современной экономической теории является ее перегруженность идеологическими функциями. Истоки кризиса мировой экономической науки лежат в позапрошлом веке, когда единая до того экономическая наука разделилась на два идеологически противоположных направления, для которых защита идеологических догм стала более важной задачей, чем воздействие на практическую хозяйственную жизнь [3, 169]. Но и сегодня, когда неоклассическая концепция считает себя прочно утвердившейся в «мейнстриме» парадигмой, главной ее функцией остается именно идеологическое воздействие на общественное сознание, защита выработанной ею ранее «неоклассической догматики» [3, 82]. Она остается не столько научной концепцией, сколько классово-идеологической конструкцией, «неоклассическим вероучением» [3, 82].

Экономическая теория сегодня включена в целенаправленное и преднамеренное, в формулировке А. В. Бузгалина, «политико-идеологическое манипулирование» [1,

68] сознанием всего населения. Как его составная часть, как «элитный и эзотерический механизм подавления и манипуляций» [10, 351] сознанием наиболее образованной части общества, она выступает как «способ мифологизации сознания через экономический дискурс» [10, 351]. Эту свою роль, по мнению А. В. Орлова, экономическая теория осуществляет «путем отчуждения его (экономического сознания. – С. В.) от реального мира» [6, 49]. Отрыв от действительности, создание в общественном сознании иллюзорной, беспроблемно-благоприятной картины экономической жизни – это одновременно и главное средство, и главная цель экономической псевдонауки.

2. Идеологическая функция экономической теории вступает в конкурирующее противоречие с ее основной, научно-познавательной, функцией. Истинность теоретических построений приносится ею в жертву их наглядности и псевдодобудительности. «На смену анализа причинно-следственных связей и отражения их в системе научных категорий пришел анализ функциональных зависимостей» [3, 95] и «абстрактное моделирование» [3, 83], «создающее иллюзию их прикладной значимости» [3, 178]. Логической увязке категорий и выведению их друг из друга не уделяется достаточного внимания. Основополагающие, системообразующие понятия, такие как полезность, ценность, стоимость, цена, остаются без обоснования [3, 170].

3. Из идеологической зашоренности экономической теории проистекает и ее низкая практическая (диагностическая, прогностическая и проективная) эффективность [3, 178].

Понятно, почему марксистская политическая экономия не смогла предвидеть кризис социализма как попытки практического воплощения марксизма. Но ведь и неоклассическая теория не смогла предсказать, а

¹ Тема кризиса экономической теории затрагивалась участниками конференции Акининым А. А., Бондаренко И. Г., Кожевниковой Т. М., Михеевым В. Н., Пахомовой Н. В., Рихтер К. К., Смирновым В. В., Сошневой Е. Б., Усановым П. В., Шевелевым А. А. и другими.

Вопросы экономической теории

затем объяснить причины крушения плановых экономик социалистического лагеря [3, 176]. Как не смогла она до этого предсказать и триумф марксизма в России, и «Великую депрессию», и сегодняшний мировой финансово-экономический кризис.

4. Идеологизация науки в широком смысле означает, что она ограничивается исследованием, выражением и обеспечением условий реализации текущих интересов отдельных социально-экономических групп в ущерб текущим интересам других групп и будущих перспективных интересов всего общества. При этом интересы одной группы и отражающие их научные положения выдаются за интересы всего общества и за всю науку в целом. Иначе говоря, идеологизированная теория объявляет свою монополию на научное знание вообще. Происходит «монополизация научного знания» [3, 53], не отделяемая от его идеологизации. Так возникают «экспансионистские притязания неоклассики ... на создание универсальной ... объяснительной модели явлений экономической ... жизни» [3, 82], ее попытки списать со счета марксистскую политическую экономию и «представить становление целостной экономической теории как (*результат*, – С. В.) ... смены монопольных парадигм, а не взаимодействия конкурирующих программ» [3, 83].

5. Следующим следствием идеологизации экономической теории, наряду с ее монополизацией, выступает нарушение целостности и стройности ее здания и превращение ее в «поток», отдельные «струи» которого непонятно как связаны друг с другом. Фрагментарность концепций, образующих «мейнстрим», их «спонтанная плюрализация, ... эклектизм, ... эмпиризм...» [3, 178] бросаются в глаза. Разорванность неоклассического знания – это обратная сторона его монополизации. «Отсутствие целостности ... можно объяснить ... явным или скрытым господством мировоззренческих идеологем в сфере науки» [3, 178].

6. В продолжение тенденции бесконечного дробления экономической науки и как реакция на осознание теоретической ограниченности монополизированных концепций «мейнстрима» на Западе продолжают попытки создания новых, не отягощенных экономической догматикой теоретических «измов», например: эволюционизма, институционализма, неоинституционализма [3, 124].

7. Мировой экономический кризис продемонстрировал «последствия доминирования в практической экономической политике одной из научных доктрин» [3, 52] и, по сути дела, поставил вопрос об ответственности экономической теории за них и, прежде всего, нелиберального направления, являющегося ее «мейнстримом» [3, 52]. Не будет преувеличением заключить, что экономическая теория, воздействуя на формирование экономической политики своими недостаточно обоснованными рекомендациями, способствовала зарождению мирового финансово-экономического кризиса.

И кто знает, какие еще более разрушительные кризисы ожидают человечество в будущем, в то время как пребывающая в кризисе экономическая теория, перефразируя Беранже, «навевает ему сон золотой».

III

Представляется, что для преодоления кризиса, в котором находится экономическая теория, она прежде всего нуждается в деидеологизации, одним из путей которой может быть, если можно так сказать, ее «философизация». То есть расширение предмета ее исследования за пределы товарно-денежного общественного хозяйства. *Законы функционирования* экономики, действующие на текущий момент, следует исследовать в контексте *законов развития* общественного производства, действительных и для прошлого, и для будущего, выявляя при этом исторические условия, в которых существующий механизм функ-

Вопросы экономической теории

ционирования должен уступить место новому. Причем стержень, движущую силу развития производства и общества следует искать не в узких исторических границах существования и развития этого общества, какими ограничивал себя исторический материализм, а в гораздо более широких границах развития жизни и природы в целом, что можно осуществить в рамках *философии хозяйства*. На ее методологической платформе вполне возможны научное переосмысление законов экономического развития и корректировка вроде бы уже устоявшихся представлений экономической теории.

Более конкретно можно сказать, что, по нашему представлению, целям деидеологизации экономической теории на путях преодоления ее кризиса могло бы способствовать включение в предмет ее исследования законов индивидуального потребления – общих и для всех живых организмов, и для человека законов обмена веществ и энергии с окружающей средой. Законы эти действуют далеко за пределами экономической сферы и имеют общефилософское значение. Разработка теории потребления – это давно назревший в экономических исследованиях вопрос [9, 81–88].

Многие российские экономисты считают, что выход из теоретического кризиса может лежать на путях возвращения экономической науке ее былого единства, преодоления теоретических противоречий между ее классическим и неоклассическим направлениями. А для этого – на пути завершения теоретической разработки фундаментальных категорий и понятий, которые можно было бы положить в основу единой категориальной системы.

Например, А. В. Орлов считает, что «задача состоит в нахождении и обосновании материальной основы *стоимости* и на этом фундаменте разработке и предложении рационалистического подхода к объяснению реально происходящих в экономике процессов. В настоящее время экономическая на-

ука находится в самом начале этого пути – на пути к созданию общей экономической теории» [4, 49].

Еще более важным для этой цели, по нашему представлению, является нахождение материальных, объективных основ понятия *полезности* в его взаимоотношениях с понятиями стоимости, предельной полезности, ценности и цены.

IV

Понятие полезности отдельно взятого, индивидуального блага в экономической системе К. Маркса оказалось почти не востребованным. Его вытеснила отличная от него категория потребительной стоимости, несущая в себе не только индивидуальную качественную, но и общественно обусловленную количественную определенность. Но в марксистской политической экономии полезность сохранила свое категориальное значение как объективное свойство продукта труда удовлетворять в определенной степени конкретную потребность человека. Именно такое понимание полезности, необходимое для целей народнохозяйственного планирования, было заложено в Советское время работами С. Г. Струмилина. В работах В. Т. Смирнова и В. А. Сибирцева исследовались вопросы измерения общественной полезности (т. е. полезности количественно определенных частей совокупного общественного продукта) в связи с поиском теоретических подходов к незатратной концепции планового ценообразования. Отдельные важные, по нашему мнению, аспекты объективного понимания полезности и ее практического использования затрагивались в работах В. Н. Сергиевского, И. Г. Львова, А. М. Когана, Р. Т. Зяблюк, И. Г. Иохина, М. Эрперта, специалистов в области квалиметрии (Г. Г. Азгальдова) и других. Но в них остался без ответа вопрос о соизмеримости полезностей разных благ. В. И. Сиськов и В. Я. Ельмеев предлагали это сделать на основе учета экономии затрат труда в пот-

Вопросы экономической теории

реблении продукта. Причем экономии, количественно превышающей, по их мнению, все затраты на его производство. К сожалению, метод расчета этой экономии ими не был разъяснен. Дальнейший процесс развития теории полезности в России был существенно подорван переносом усилий экономистов на неоклассическое направление, где вопрос об измерении и соизмерении полезностей благ обходится стороной. «Полезность, – пишут, например, К. Р. Макконнелл и С. Л. Брю, – понятие субъективное и не поддается количественному измерению» [5, 31].

По нашему представлению, полезность любого единичного блага следует рассматривать как его вклад в воспроизводство жизни человека и его способности к труду. То есть как объективное, подлежащее не только субъективной оценке, но и научному количественному анализу и общественному предвидению, практически значимое для регулирования общественного производства явление. Такое же объективное, как потребность в этом благе, удовлетворяемая им на ограниченный промежуток времени с определенным результатом. Излагаемый ниже подход к измерению и соизмерению полезностей благ основан на учете того, что к экономически значимому, действительно конечному результату – к воспроизводству жизненных, интеллектуальных и трудовых способностей, как каждого отдельного человека, так и общества в целом – приводит удовлетворение не отдельно взятой потребности, а всего комплекса имеющихся у человека потребностей [9, 81–88]. Таким образом, чтобы свести полезности всех благ к некоему общему количественному знаменателю, то есть соизмерить, следует выразить их как доли в совокупной полезности обычно потребляемого человеком за единицу времени набора благ.

Эти доли имеют однозначную и наглядную скалярную единицу измерения – время жизни и трудоспособности человека. Полезность каждого блага сводится к тому,

что оно *участвует в воспроизводстве* жизни человека на определенный промежуток времени. Но не тот, после которого у человека опять возникает потребность в таком же благе, а от доли в том промежутке, который воспроизводит весь потребляемый набор благ.

Блага оцениваются и сравниваются потребителями по времени жизнеобеспечения. Наиболее просто это происходит в отношении продуктов питания. Если условно предположить, что человеку для того, чтобы прожить один день, достаточно одного килограмма мяса, то он очень просто рассчитает полезность пятидесятикилограммовой туши кабана, добытого на охоте, которая будет равна пятидесяти дням. Ограничив, опять же условно, все потребности человека тремя одинаково необходимыми ему ежедневно пищевыми продуктами (например, половиной килограмма мяса, одним килограммом хлеба и двумя килограммами картофеля), мы должны будем признать, что их совместная полезность также равна одному дню жизни. С другой стороны, уже не условно, а вполне реально, хотя и с некоторыми ограничениями, совокупная полезность всех потребленных человеком в течение года благ может быть оценена в 365 дней. Таким образом, можно заключить, что существует принципиальная возможность скалярного количественного измерения полезности благ временем жизнеобеспечения.

Заметим, что в приведенных примерах доступные потреблению объемы благ равны объемам потребностей в них. А теоретическое отображение такой равновесной ситуации практического значения не имеет. Ведь главная задача экономической теории, по нашему представлению, заключается в том, чтобы раскрыть механизм достижения такого равновесия, а не его сохранения. Когда нет настоятельной необходимости менять объемы производства или потребления, то нет нужды и в критериях таких изменений. Нет нужды и в использовании

Вопросы экономической теории

понятия «полезность». Другое дело, если, например, требуется оценить целесообразность увеличения объема производства какого-либо блага или включения в структуру потребления новых, ранее не производившихся благ. Ведь именно в таких случаях у хозяйствующих субъектов возникает необходимость знать, будут ли оправданы затраты на новое благо или на увеличение количества старого блага полезным результатом.

Когда потребитель благ выступает одновременно и как производитель, оценка их полезности временем жизнеобеспечения может быть без затруднения модифицирована в оценку рабочим временем. Воспроизводство жизни человека неотделимо от воспроизводства его способности к труду. Достаточно лишь приравнять день жизни к рабочему дню, а долю дня жизни – к соответствующей доле рабочего дня. Тогда и производство хозяйствующего субъекта, и его потребление получают один и тот же количественный измеритель, станут соизмеримыми друг с другом. А сам хозяйствующий субъект получит возможность сравнивать свои трудовые затраты с их конечными результатами, выраженными в полезности, определять эффективность своей трудовой деятельности и управлять ею.

В результате измерения полезности благ временем трудоспособности, которое обеспечивает их потребление, каждый продукт труда получает две сравнимые количественные характеристики: труд как затрату и труд как результат. Первый представляет собою время затраченного на производство продукта конкретного труда, второй – время потенциального, универсального труда, к которому будет способна воспроизведенная потреблением продукта рабочая сила. Сравнение воплощенных в каждом продукте труда затрат и результатов есть одновременно и сравнение полезности уже потребленных человеком благ с полезностью благ, только что им произведенных. Очевидно, что, находясь под сознательным контролем

хозяйствующих субъектов, результат их труда (полезность каждого блага) должна превышать затраты. Очевидно также, что без такого контроля, без хозяйственного расчета, основанного на возможности соизмерения затрат и результатов, было бы невозможно ни возникновение трудовой деятельности, ни эффективное развитие общественного производства. Можно понять, почему Ф. Визер считал, что «учение об исчислении полезности» [2, 442] есть одновременно и «учение об экономическом расчете» [там же]. Ведь расчет, осуществляющийся в индивидуальном сознании каждого хозяйствующего субъекта, – это и есть та «невидимая рука рынка», которая управляет общественным товарным производством.

Поэтому следует предположить, что должна существовать не только принципиальная *теоретическая возможность* сознательного измерения и соизмерения полезностей благ, но и простая, конкретная, доступная сознанию каждого хозяйствующего субъекта *практическая технология* такого измерения.

Можно указать на несколько моментов, которые упрощают задачу измерения полезности в сознании потребителя, в том числе в условиях неравновесного состояния экономики.

Во-первых, для хозяйствующего субъекта имеет значение расчет полезности лишь тех благ, которые требуют затрат труда. Поэтому ограниченность всего трудового ресурса, которым он располагает (а вместе с ним – и сырьевого, и денежного, и капитального ресурсов), самым существенным образом сокращает перечень продуктов, полезность которых ему практически требуется определить.

Во-вторых, задача еще более упрощается, если в этом перечне есть продукт с уже известной, выраженной в количестве потенциального труда полезностью. Сравнивая этот продукт с другим продуктом, а вернее, сравнивая настоятельность и важ-

Вопросы экономической теории

ность потребностей, которые оба они удовлетворяют, хозяйствующий субъект может сделать приблизительный вывод о том, больше или меньше должна быть трудовая полезность второго продукта.

В-третьих, дальнейшее упрощение задачи исчисления полезности может происходить, если при сравнении двух продуктов выявляется различие в наборе или интенсивности содержащихся в них простых потребительских свойств. Например, различия в содержании сахара в двух разных видах фруктов.

В-четвертых, рынок дает хозяйствующему субъекту возможность неоднократно, возвращаясь к одному и тому же продукту, итеративно корректировать субъективную приблизительность оценок полезности. Повторяемость, стандартность, однотипность процедур существенно облегчает расчет полезности продуктов хозяйствующими субъектами.

В-пятых, многие наиболее нужные продукты в многократно повторяющихся воспроизводственных актах доказывают свою полезность и эффективность и количественно фиксируют ее в сознании людей. Они образуют как бы опорный каркас структуры общественного потребления. Очевидно, что их полезности были ранее определены верно, что они оптимально покрывают затраты труда на производство этих продуктов. Именно такие продукты (прежде всего продукты питания) и могут использоваться хозяйствующими субъектами как образцы для сравнения с ними полезностей других продуктов.

В-шестых, многие жизненные блага заменяют или дополняют друг друга, и поэтому полезность одних может быть выражена через полезность других, если она известна.

В-седьмых, большинство непищевых продуктов труда выступают своего рода «средствами производства», вернее, средствами экономии каких-либо других продуктов. Все они в конечном итоге опосредству-

ют экономию пищевых продуктов и затрат на их производство. Ни один продукт не производится, если он не выполняет этой своей функции экономить общие затраты труда на воспроизводство способности человека к труду.

В отличие от полезности продуктов питания экономия других продуктов и затрат труда на их производство является более видимым и наглядно подсчитываемым результатом. Поэтому полезность большинства благ может быть сведена друг к другу не только субъективно, в сознании отдельно взятых потребителей, но и объективно, посредством расчета не только потребителями, но и другими хозяйствующими субъектами (торговыми посредниками, производителями), а также экономистами, учеными.

Например, посуда и тепловая обработка повышают усвояемость пищевых продуктов и сокращают потребность в них. Одежда и жилище сокращают расход энергии человека и опять-таки снижают потребность в пище. Их полезность, следовательно, может быть вычислена по времени жизни, которое обеспечили бы заменяемые ими пищевые продукты. Несколькими более опосредствованно, но по тому же принципу, можно рассчитать и выразить в продуктах питания полезность транспортных средств, средств производства, информационных продуктов – практически абсолютного большинства продуктов труда. Методологию сведения полезности «средств производства для средств производства» к полезности «средств производства» можно найти у теоретиков маржинализма. И ничто не мешает распространить ее на предметы потребления.

V

Какие возможности открывает изложенное «трудовое» понимание полезности благ для сравнения и поиска связующих звеньев в классической и неоклассической пара-

Вопросы экономической теории

дигмах и, в частности, в теориях трудовой стоимости и предельной полезности?

Понятие трудовой стоимости применяется у К. Маркса к условиям равновесной экономики, когда все товары производятся как потребительные стоимости, количественно и качественно соответствующие общественным потребностям. В этих условиях количественно стоимости товаров пропорциональны затратам на их производство, превышая их на одну и ту же пропорциональную долю. Именно единая норма превышения свидетельствует о равной степени удовлетворенности потребностей хозяйствующих субъектов во всех товарах. Сумма затрат труда может быть конкретно исчислена, но вот размер этого превышения над затратами принципиально неизвестен, так что даже сама возможность его выявления делает понятие стоимости неприменимым («день измерения стоимости будет ее последним днем»). По К. Марксу, величина стоимости определяется не суммой затрат, а количеством простого абстрактного труда, общественно необходимого для воспроизводства товара. Абстрактный труд у К. Маркса – это будущая затрата рабочей силы как абстрактной же, потенциальной способности человека к любому труду. Эта способность содержится в организме человека и, добавим мы, воспроизводится потреблением произведенных им благ. Так что на воспроизводство любого блага обществу целесообразно и необходимо направлять лишь столько потенциального труда (будущей универсальной способности к труду), сколько способно воспроизвести потребление этого блага. Из сказанного можно заключить, что при условии равной степени удовлетворенности потребностей количественные определения трудовой полезности и трудовой стоимости совпадают. Кроме того, оба эти определения содержат присущие каждому благу две трудовые характеристики, два различных количественно и качественно вида труда: конкретный труд-затрату и потенциальный труд-результат.

Так же, как и величины стоимостей благ, величины их полезностей пропорциональны затратам на их производство. Таким образом, в условиях равновесной экономики трудовые стоимости товаров равны их трудовым полезностям и совместно выступают в качестве количественных оснований для равновесных рыночных цен. Но когда равновесие рынка нарушается, стоимости перестают определять товарные цены. И единственным ориентиром для установления цен в сознании хозяйствующих субъектов остаются только исчисленные полезности товаров. Изменение неравновесных цен оказывает регулирующее воздействие на объемы производства и приводит экономику к новому равновесию и к формированию новых стоимостей, количественно отличающихся от прежних. Так что стоимость выступает скорее не центром колебаний цен, а лишь периодически выявляющейся их асимптотой.

Теория предельной полезности, как бы не подчеркивали ее основатели субъективный характер этого понятия, тем не менее, не лишена многих объективных оснований. Так, если *степень* удовлетворенности потребности в том или ином благе может определяться по субъективным ощущениям потребителя, то *предел* ее насыщения – это уже объективная, предсказуемая величина, которую мы можем определить как объем потребности в благе. Как бы не отклонялись друг от друга индивидуальные пределы насыщения, на рыночные процессы они не оказывают существенного влияния, поскольку статистически выравниваются в общественную норму потребления. Отталкиваясь от условия равного насыщения всех потребностей у всех потребителей, теория предельной полезности на самом деле отталкивается от условия равенства объемов общественных производства и потребления. То есть признает, что ведет свой анализ в рамках точно такого же ограничения, что и теория трудовой стоимости. И поэтому совершенно правильно делает

Вопросы экономической теории

вывод, что чем бы количественно ни определялись в указанных условиях величины предельных полезностей благ, именно они будут определять количественно и ценности благ, и их рыночные цены. То есть при условии равновесия производства и потребления должно наблюдаться количественное соответствие друг другу и предельных полезностей, и ценностей, и абстрактно обозначенных величин трудовых стоимостей, и трудовых полезностей, и цен товаров. Но ведь единственно реальной и практически значимой проблемой, которую призвана решить экономическая теория, – это отнюдь не установление признаков равновесия экономики, а выявление рыночного механизма, который к этому состоянию приводит.

Вероятно, поэтому в трудах теоретиков маржинализма понятие *предельной* полезности не занимает монопольного категориального положения. Во многих случаях оно дополняется у них понятиями «*абсолютной*», «*собственной*», «*совокупной*», «*ожидаемой*» полезности, каждое из которых имеет скорее объективный, чем субъективный характер. И свою методику расчета. Причем, по их мнению, «расчет по предельной полезности является гораздо более простым, чем расчет по совокупной полезности» [2, 449], то есть «методом упрощения» [2, 474], применимым лишь в частном случае полного удовлетворения потребностей. Отнюдь не «предельные», а именно эти «собственные» полезности, о которых маржиналисты сообщают нам еще меньше, чем о «предельных», тем не менее и должны нести ответственность за количественное обоснование ценностей и цен товаров при нарушении равновесного состояния экономики.

Таким образом, ни теория трудовой стоимости, ни теория предельной полезности не закрыты от взаимодействия с понятием объективной полезности блага, измеряемой потенциальным трудом, который воспроизводит его потребление, и поэтому соизме-

римой и с затратами на его изготовление, и с полезностями других благ. Трудовая стоимость ничего не потеряет, если приобретет скалярную измеримость благодаря приравнению к измеренной трудом (в равновесном состоянии экономики) полезности. Не потеряет своего субъективного характера и предельная полезность, если откажется от принципиальной «неизмеримости», и будет измерена не частным «упрощенным», а предложенным нами универсальным методом измерения объективной полезности благ. Но при этом обе эти теории приобретут возможность объединения и дополнения друг друга в рамках единой, универсальной экономической теории. Появится также возможность объективного количественного обоснования уровней ценностей благ и их рыночных цен в условиях неравновесной экономики [8, 149–160], объединения основных, базисных категорий и классической, и неоклассической теорий – стоимости, предельной полезности, ценности, цены – в единую категориальную систему.

Кроме того, на основе измерения и соизмерения полезностей продуктов труда потенциальным трудом может быть теоретически смоделирован механизм планового образования неравновесных цен, ориентированных не на затраты, а на результаты и приводящих плановое общественное хозяйство к равновесному состоянию.

Список литературы

1. Бузгалин, А. В. Политико-идеологическое манипулирование и его альтернативы: от подрыва демократии «классической» к развитию демократии базисной / А. В. Бузгалин // Вопросы новой экономики. – 2010. – № 1. – С. 68–71.
2. Визер, Ф. Теория общественного хозяйства / Ф. Визер // Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. – М.: Экономика, 1992. – 449 с.

Вопросы экономической теории

3. История экономической науки в России: исследования и преподавание. Материалы научно-методической конференции. Вып. I / Под ред. проф. Г. Г. Богомазова. – СПб.: ЭФ СПбГУ, 2009. – 180 с.
4. Кризис современной науки. Обзор проф. Сизова, В. С. / В. С. Сизов // Вопросы новой экономики. – 2010. – № 3. – С. 83–100.
5. Макконнелл, К. Р. Экономикс.: Принципы, проблемы и политика. Т. 2 / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. – М.: Республика, 1992. – 400 с.
6. Орлов, А. В. О природе и роли труда в экономическом анализе / А. В. Орлов // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 3. – С. 45–49.
7. Сизов, В. С. «Лжеэкономика» или философско-хозяйственное осмысление экономического кризиса / В. С. Сизов // Философия хозяйства. – 2009. – № 4. – С. 21–26.
8. Смирнов, В. В. Теория трудовой полезности / В. В. Смирнов. – СПб: Изд-во Политехнического университета, 2008. – 210 с.
9. Смирнов, В. В. Философия хозяйства и хозяйственное потребление / В. В. Смирнов // Вопросы новой экономики. – 2009. – № 3. – С. 81–88.
10. Томашевская, К. В. Способы мифологизации сознания через экономический дискурс / К. В. Томашевская // Проблемы современной экономики. – 2007. – № 1. – С. 351–356.

Модернизация России

Модернизация экономики России

Е. Ф. Авдокушин,

председатель межрегиональной группы ученых института
исследования новой экономики, доктор экономических наук, профессор,
г. Москва

E-mail: AEF2005@yandex.ru

Economy modernization of Russia

E. F. Avdokushin

В данной статье речь идет о необходимости социально-экономической модернизации нашей страны. Автор определяет сущность понятия «модернизация», выделяет критерии необходимости внедрения модернизации на современном этапе, особенно в области экономики. Модернизацию на современном этапе развития экономики автор называет неоиндустриализацией и определяет шесть основных направлений ее развития.

Ключевые слова: модернизация, экономическое развитие, научно-технический прогресс, инновации, неоиндустриализация.

The article deals with the necessity of socio-economic modernization in our country. The author determines the notion essence “modernization”, picks out criteria of modernization inculcation necessity on the modern stage, especially in the field of economics. The author calls modernization on the modern stage of economy development “neoindustrialization” and determines its six main ways of development.

Key-words: modernization, economy development, science-technological progress, innovations, neoindustrialization.

В настоящее время экспертным сообществом России признана необходимость социально-экономической модернизации страны, а правительство выдвинуло установку на высокотехнологическую модернизацию общественного воспроизводства, включая инфраструктурный сектор, жилищно-коммунальное хозяйство, сферу обращения и здравоохранения. При этом ранее поставленные задачи, в частности, четырехкратное увеличение производительности труда в ключевых промышленных секторах с повестки дня не снимается.

В научных и бизнес-кругах России идет достаточно активное обсуждение сущности модернизации, путей и особенностей ее развития. Соответственно, понятие модернизации, ее причины, необходимость и

механизмы зачастую имеют разную трактовку¹.

Переход России на новый этап экономического развития предполагает учет внешних мировых достижений научно-технического прогресса в соединении с национальной конкретно-исторической спецификой страны, ее экономическими особенностями и проблемами. Одна из таких проблем состоит в том, что курс на модернизацию российской экономики провозглашен после 15-17-летнего перерыва, связанного с формированием рыночной системы. Настоятельная необходимость модернизации определяется:

во-первых, потребностью остановить негативные процессы, развивающиеся в экономике России в течение длительного периода;

¹ Модернизация – это комплексный процесс. В данной статье основной упор сделан на модернизацию экономики. Социально-политический, идеологический аспект модернизации требует особого анализа, хотя без него вряд ли возможна и экономическая модернизация.

Модернизация России

во-вторых, модернизация – это приведение к современности производительности труда на уровне лидеров мировой экономики, высокой экономической эффективности, в том числе энергоресурсной эффективности, а также к соответствующему научно-техническому уровню развития страны, адекватному интеллектуальному потенциалу российского общества и в целом к мировому уровню конкурентоспособности национальной экономики;

в-третьих, модернизация предполагает активное использование инновационных механизмов, как заимствованных извне, так и собственных национальных инноваций. При этом центр тяжести инновационной модернизации должен последовательно смещаться в пользу национальной составляющей инноваций.

Успешные модернизации XX в. реализовывались посредством перехода от производства низкотехнологичной продукции к производству все более технологичных, наукоемких товаров, от копирования образцов к копированию технологий, а затем уже институтов развития и внедрения инноваций. Проблема России состоит в том, что ее экономика должна переходить от деиндустриализированной экономики к постиндустриальной. Этот переход во многом схож с переходом от феодализма к социализму, минуя капитализм, который осуществлялся в СССР в отдельных республиках, и, надо сказать, во многом успешно, хотя далеко не без проблем. Однако нынешний переход от деиндустриализированной экономики к экономике постиндустриального типа имеет свои особенности, специфику, выдвигая ряд проблем и вызовов. Период деиндустриализации национальной экономики привел к тому, что в самой промышленности произошли структурные изменения, которые сократили потенциальные возможности для инновационного развития экономики и обеспечения самостоятельного расширенного воспроизводства. В настоящее время в России, по различным оцен-

кам, в обновлении нуждается от 50 до 80% (по разным отраслям) основного капитала. В принципе, воспроизводство основного капитала может осуществляться и на прежнем материально-техническом уровне. Однако при этом Россия будет все больше отставать от развитых стран, снижать свою конкурентоспособность и ослаблять, не обеспечивая самостоятельное расширенное воспроизводство, систему национальной безопасности. Поэтому единственный путь удержаться в системе высококонкурентных стран в мировой экономике – это, прежде всего, реиндустриализация, новая индустриализация, «неоиндустриализация».

В этой связи весьма актуальными становятся два вопроса: 1) новая индустриализация должна охватить все сферы промышленности или отдельные ее отрасли? 2) на какой основе должна осуществляться неоиндустриализация? Ответ на второй вопрос, казалось бы, достаточно простой. Конечно, на основе передовых научно-технических достижений, с использованием инновационных технологий. Создание нового продукта в рамках старого промышленного комплекса невозможно. Однако здесь мнения российских экономистов, обсуждающих проблему модернизации, разнятся. Одни считают, что модернизация экономики должна базироваться на системе инноваций. Необходимо возвращать инновационные сферы экономики и всячески использовать их на службе модернизации национального хозяйства, а также предлагать инновационные разработки на экспорт. В целом необходимо формировать постиндустриальную «новую экономику», которая и выведет Россию на передовые позиции в мире. Другие экономисты считают, что этот сценарий вряд ли реалистичен. Россия не готова к вступлению в постиндустриальное общество. Да и современный инновационный сектор в мировой экономике – это весьма небольшая по весу часть экономики. Большая часть ВВП создается там, где производятся промышленные то-

Модернизация России

вары и услуги массового спроса. Поэтому сосредотачиваться на инновационном сегменте экономики – это не тождественно настоящей модернизации. Поэтому, отвечая на поставленный выше вопрос о том, какие сферы промышленности должна охватывать модернизационная индустриализация, отдельные экономисты считают, что модернизация «не может сводиться к отдельным отраслевым прорывам и даже к развитию инноваций»¹.

В этой связи предлагается пять направлений для позиционирования идеи российской модернизации в системе политико-экономических и социальных ориентиров. В их число входит, прежде всего, понимание того, что модернизация – это самоопределение России в глобальном политико-экономическом пространстве. Основная задача отечественной модернизации, полагают В. Иноземцев, Б. Титов и Г. Явлинский, – достичь максимального сближения России и Европейского Союза, создать единый экономический блок, способный успешно конкурировать как с азиатским, так и с североамериканским экономическими центрами силы².

Второй ориентир модернизации – это построение в стране справедливого капитализма (в котором «закон писан для всех»), системы, в полной мере реализующей творческие и предпринимательские способности россиян, создающей равные возможности для каждого гражданина.

Третий ориентир: модернизация – это новая индустриализация страны, на основе тотального обновления основных фондов, активного внедрения современных технологий и управления. Основным показателем успеха модернизации должен стать высокий уровень конкурентоспособности российских товаров на внутреннем и внешнем рынках.

Четвертое направление модернизации – укрепление частной собственности и, прежде всего, на землю и недвижимость.

И, наконец, идеологией модернизации должно стать превращение России в страну европейской, экономической, социальной и политической культуры.

Со многими выдвинутыми направлениями модернизации можно согласиться. В то же время такая концепция вызывает и некоторые возражения. Прежде всего, ее евроцентризм. Сближение с ЕС для европейской части России объективно необходимо. Однако это лишь одна из целей в геозекополитическом курсе России. Предложенное позиционирование России, на мой взгляд, однобоко, односторонне и, в конечном счете, неэффективно. Несомненно, что сближение России с ЕС, с точки зрения приближения российского капитализма к европейским стандартам, является действительно чрезвычайно актуальной задачей. Однако, что касается экономики, создание единого экономического блока с Европой при всех благих намерениях вряд ли возможно без отрыва восточных регионов России и, прежде всего, Сибири и Дальнего Востока. Курс на одностороннее сближение с ЕС в экономическом плане может привести к тому, что эти регионы надолго останутся за рамками модернизации. Россия все же евроазиатская страна («Азиопа», по меткому выражению одного из депутатов Думы периода царской России), и азиатский, сибирский и дальневосточный вектор ни в коем случае нельзя упускать из виду, тем более что и Китай, и другие страны Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии давно «проснулись». Как отмечает Э. Прасад, профессор Корнельского университета США, бывший начальник департамента по Китаю Международного валютного фонда, «многие экономики этого региона разви-

¹ Ведомости 2010, 8 февраля. Отдельные экономисты полагают, что и стремиться к постиндустриальному обществу нет смысла, поскольку на практике оно не существует, а развитые страны находятся на стадии неоиндустриальной экономики. Экономист 2008, № 6.

² Ведомости 2010, 8 февраля.

³ Известия 2010, 19 августа.

Модернизация России

ваются, уцепившись за фалды китайского фрака»³. Россия, имея у себя под боком такой людской (Китай) и технологический ресурс (Япония, Республика Корея), непременно должна его использовать. Параллельное развитие отношений, взаимодействие на обоих направлениях – европейском и дальневосточном, – объективное требование нынешней модернизации экономики России. Отсутствие внятной федеральной стратегии в отношении восточной части страны уже соответствующим образом отражается и во взглядах даже российских радикальных экономистов и политиков.

Рассмотрим подробнее такой вектор модернизации, как новая индустриализация страны. Какие направления она должна включать?

Прежде всего, тотальное обновление основных средств производства в традиционных и новых отраслях на основе новейших достижений в тех или иных отраслях производства.

Во-вторых, резкое увеличение удельного веса автоматизированных рабочих мест, их роботизации и компьютеризации.

В-третьих, переход к преимущественно машинному производству знаний на основе микропроцессорных устройств, мощных компьютеров, сверхбыстрых вычислительных сетей.

В-четвертых, переход к преимущественному использованию технологий, нацеленных на эффективное использование природных ресурсов, посредством широкого внедрения процессов рециркуляционного, «чистого» производства, сбережения национальных ресурсов.

В-пятых, воссоздания передовых видов производств и секторов хозяйства, новой материально-технической базы.

В-шестых, особую роль в модернизационном процессе следует отвести совершенствованию управления и маркетингу, поскольку самым важным фактором, по

данным компании Mc Kinsey, являются именно неэффективные бизнес-процессы, а вовсе не устаревшее оборудование или технологические процессы. Хорошее управление в полтора раза важнее, чем оборудование. Другое исследование ученых Стэнфордского университета показывает, что улучшение качества менеджмента на 1 балл (по пятибалльной шкале) повышает производительность труда на 25% и в этом смысле эквивалентно увеличению капитала на 65%¹.

Неоиндустриализация не может не опираться на инновации. При этом необходимо делать акцент на инновациях тех отраслей, которые активно развиваются и могут предъявить существенный внутренний спрос на инновации. Эти отрасли могли бы запустить механизм общего экономического роста. Вместе с тем необходимо в рамках модернизационной неоиндустриализации планомерно наращивать усилия по развитию инновационных секторов экономики, которые в будущем могут стать решающими по переходу российской экономики к новому технологическому укладу.

Провозглашая курс на инновационное развитие экономики, следует структурировать инновации, различая их формы, выделив прорывные, революционные и дополняющие инновации. Революционные инновации радикально изменяют облик мира, и они, как правило, связаны с длительным и дорогостоящим процессом НИОКР. Делая упор на прорывные, революционные инновации, следует иметь в виду, что во многих случаях к ним приходят через инновации дополняющие. Революционные, прорывные инновации выглядят предпочтительнее дополняющих. Так, например, Тайвань производит лучшие ноутбуки, но Apple сделала iPad. Индийские программисты пишут коды для операционных систем, но VM ware создала виртуализацию сервера.

¹ Ведомости 2010, 16 февраля.

Модернизация России

Инженерные инновации играют важную роль в создании нового, более совершенного продукта на достигнутом уровне знаний. Здесь весьма показателен опыт Японии, Тайваня, Республики Корея.

Дополняющие инновации не столь существенны по степени своего влияния на производственный процесс. Главной целью их является то или иное усовершенствование уже имеющегося предмета (товара, услуги, процесса). Имеются многочисленные примеры такого рода инноваций, осуществляемых многими ТНК. Так, одна французская компания на основе инженерных инноваций сумела добиться того, что ее бетонные смеси застывают за 4-5 часов, в то время как обычно бетон схватывается через 12-18 часов. При этом в основе инженерных инноваций зачастую лежат научные инновации, также базирующиеся на системе дорогостоящих НИОКР. Тактика извлечения преимуществ на основе дополняющих инноваций заключается в создании системы их непрерывного генерирования.

Научные инновации заключаются в формировании новых знаний, их анализе и активном обсуждении. Инженерные (дополняющие) инновации вкупе с научными часто выводят на уровень прорывных технологий, которые могут быть коммерциализованы при наличии венчурного капитала и доступа к мировым рынкам.

Структуризация инноваций показывает особенности догоняющей модернизации, когда модернизирующаяся страна не вступает в открытую конкуренцию с технологически передовыми странами, а осуществляет последовательное проникновение в производственный процесс, адаптируя, улучшая, совершенствуя, развивая имеющиеся технологии (часто переданные им на основе международного аутсорсинга)¹ и, в конечном счете, добивается выхода вперед

по отдельным направлениям. Так, как правило, действовали новые индустриальные страны. Конечно, прорывные инновации выглядят предпочтительнее, престижнее, давая возможность в короткий период «пройти в ферзи». Однако есть ли предпосылки для таких инноваций и опережающей модернизации у России, тем более для активного экспорта новых и новейших технологий?

Современная конкурентоспособная национальная экономика требует не просто экспорта ноу-хау и технологий (как плодов «чистого разума»), не интеллектуального сырья, а доведенных «до ума», коммерциализированных технологий. И если в отношении первого у России более или менее неплохо, то в отношении второго явный провал. Поэтому переход от экспорта минерального сырья к экспорту интеллектуального сырья выглядит внешне предпочтительнее, а на деле означает еще большее расточительство.

Модернизация и «новая экономика»

В течение ближайших десятилетий Россия должна стать страной, развитие и благосостояние которой будет обеспечиваться не только сырьевыми, но и интеллектуальными ресурсами: продукцией наукоемкой экономики, экономики, основанной на знаниях, экспортом новейших коммерциализированных технологий и продуктов инновационной деятельности. Неиндустриализация в своей перспективной составляющей во многом и должна быть направлена на создание условий для перехода к «новой экономике». Государством определены пять основных стратегических направлений инновационного прорыва, экономической модернизации страны: энергоэффективность и энергосбережение, ядерные технологии, космические техно-

¹ В свое время известная фармацевтическая компания Pfizer отдала одну из молекул на ранней стадии разработки лекарства хорватской компании «Плива». «Плива» доработала ее и отдала на коммерциализацию Pfizer. В настоящее время многие знают о таком препарате как Сумамед, он принес многомиллиардные доходы Pfizer, а роялти «Плывы» от этих доходов были выше поступлений в казну Хорватии от туризма и пищевой промышленности.

Модернизация России

логии, медицинские технологии, стратегические информационные технологии.

Инновационный сектор экономики предполагает как заимствования извне, так и разработку собственных инноваций, как в производстве, так и в сфере менеджмента и маркетинга с последовательным переходом к приоритету собственных разработок. Модернизация вряд ли может осуществляться последовательно: сначала новая индустриализация, а затем, по достижении определенного результата, переход на преимущественно инновационные рельсы развития. Курс модернизации должен учитывать оба фактора: новая индустриализация должна сопровождаться и наращиванием усилий по переходу на инновационный путь развития. При этом оба направления должны подпитывать друг друга. Инновации здесь должны выступать как определенная комбинация производственных и интеллектуальных ресурсов.

Неоиндустриализация должна обеспечить восстановление самой способности к реальному промышленному производству, разработке высококачественных традиционных потребительских товаров, на основе новейших технологий. Новая индустриализация не может концентрироваться либо на производстве традиционной и модернизированной продукции, воспроизводстве передовых, инженерных, но не прорывных технологиях, либо только на высокотехнологичной продукции и разработке новейших технологий при недооценке эффективного производства товаров общего пользования. Страна, не умеющая делать должным образом простые изделия, будет делать новое, более сложное, либо плохо, либо только для выставки. Необходимо сочетание этих двух подходов с последовательным упором на второй. Правда, сочетание может быть разным. СССР продемонстрировал свою модель такого «сочетания»: атомные электростанции, атомные ледоколы, атомная бомба, водородная бомба, спутник, луноход и другое, с одной сто-

роны, и дефицит товаров массового спроса, тотальное отставание сельского хозяйства от нужд потребителя и т. п. – с другой. Конечно, в условиях глобализации проблема такого сочетания выглядит несколько иначе, в расчет необходимо принимать международные рынки и эффективные МРТ.

На первом этапе приоритет неоиндустриализации должен сопровождаться созданием необходимого инновационного климата в стране для подготовки к реализации инновационной парадигмы развития всего народного хозяйства. Но в основе должны лежать преимущественные усилия по реализации задач по неоиндустриализации. Идти вперед, как говорят китайцы, «на двух ногах», постепенно перенося центры тяжести и приоритеты.

Следует констатировать, что инновационный тип воспроизводства может быть определен как специфический вид интенсивного воспроизводства, характеризующийся высокой наукоемкостью. Только инновационно-интенсивный тип расширенного воспроизводства и экономического роста представляет возможности прорыва и заметного подъема производительности труда – исходного пункта экономической эффективности производства, главного способа повышения уровня и качества жизни всех членов общества. Модернизация российской экономики как раз и призвана обеспечить переход к инновационно-интенсивному типу экономического роста.

Инновационно-интенсивный тип воспроизводства представляет собой особую форму экономических отношений, возникающую по мере замены индустриальной экономики «новой экономикой». «Новая экономика» во многих своих проявлениях рождается на основе высокоразвитого индустриального общества, на основе инноваций индустриального развития. Однако сводить всю «новую экономику» к инновациям на основе даже высокоразвитых индустриальных основ вряд ли правомерно. «Новая экономика» предполагает воз-

Модернизация России

никновение революционных, прорывных технологий, производительных сил, не связанных напрямую с индустриальной базой. К этим технологиям можно отнести интернет-технологии, нано-, биотехнологии и ряд других. «Новая экономика» предполагает заниматься не просто переработкой продуктов труда (т. е. отделением от природного материала ненужных элементов), а формировать новые продукты путем комбинированного соединения элементарных частиц, используя которые можно добиваться высоких результатов, отличающихся в разы от результатов индустриальной экономики, в том числе в главном – в производительности труда.

Таким образом, инновационные экономические отношения можно разделить на два типа: инновации на базе индустриальной экономики и инновации, выходящие за пределы традиционного индустриального развития, имеющие особый постиндустриальный характер и особенности. По мере того, как инновационные экономические отношения первого типа становятся доминирующим фактором развития экономической системы, они все более дополняются инновациями «новой экономики». Поэтому сводить модернизацию только к неоиндустриализации на основе инновационных систем первого типа вряд ли правильно, поскольку это не дает видения перспективы, выявления тенденций и особенностей будущего развития. Конечно, на текущий момент в России основной упор должен делаться на восстановительный аспект модернизации – реиндустриализацию. При этом, однако, инновации должны рассматриваться не только как тот или иной по степени эффективности инструмент перехода к новой индустриализации, но и как самостоятельный расширяющийся сектор, который должен заложить базу для перехода от неоиндустриализма к действительному постиндустриализму – новой экономике.

Следует признать, что умаление роли и значимости «новой экономики» базируется на том, что еще не в полной мере сложились факторы для появления таких средств труда, которые принципиально изменили бы характер взаимодействия человека и природы в процессе создания материальных благ. Еще нет в массовом объеме и предметов труда, неорганического, неприродного происхождения. Общество не исчерпало резервов развития техники и технологий машинного производства и поэтому не перешагнуло пределы его исторических границ. В действительности современная НТР не завершена, она продолжается на базе индустриального развития. В то же время по отдельным направлениям границы индустриального общества нарушены, появились коридоры в новое общество, как характеризует его М. Кастельс, информационное общество. Это еще не «новая экономика», но уже и не индустриальная экономика.

«Новая экономика» не может появиться в одночасье. Ее развитие постепенно, поэтапно. В настоящее время «новая экономика» во многом базируется на крупном машинном автоматизированном, роботизированном машинном производстве, являясь, по сути, неоиндустриальной экономикой¹. Она характеризуется широким использованием новейших достижений науки в области техники и высоких технологий, организации, управления производством и его органической взаимосвязи с социальной сферой и природной средой, с растущей экономической политикой государства. Одним из примеров «новой экономики» этого этапа можно назвать опыт Японии. Однако и на этом этапе нельзя выводить всю «новую экономику» из неоиндустриального общества. Суть «новой экономики» в том и состоит, что она преодолевает границы последней в появлении новых производительных сил и формиру-

¹ Экономист 2008, № 6.

Модернизация России

ющихся, не свойственных индустриальной экономике производственных отношений в сфере менеджмента, маркетинга, индивидуальных, межфирменных коммуникаций.

Производительные силы «новой экономики» на начальном этапе ее становления и развития не являются определяющими для формирования ее в самостоятельном и самодостаточном качестве. Сфера «новой экономики» предстает как достаточно узкий сегмент, который в основном нацелен на поддержку и улучшение эффективности традиционного производства и бизнеса. В частности, ИКТ используются пока в целом именно в этом качестве. «Новая экономика» на начальном этапе своего возникновения не выходит за пределы подчиненного, сервильного состояния по отношению к традиционной экономике. Вместе с тем нельзя не видеть, что происходит ее развитие на собственной основе, формирующей новую структуру производства и соответствующую ему систему отношений. Однако все эти подвижки, несмотря на их явную новизну, резонансность, пока еще объективно имеют невысокую значимость в своем самостоятельном качестве, вне связи с традиционной экономикой и ее монопольным положением.

Если на первом этапе своего развития преобладает «новая экономика», вырастающая на почве неоиндустриального общества и обслуживающего его, то на втором этапе, в который она вступит со времени внедрения нового (шестого) технологического уклада (в 2015 г.), ее развитие будет все больше происходить на основе новых производительных сил (средств и предметов труда, интеллектуализированной рабочей силы) и формирования новых глобальных и глокальных сетей высоко интернационализованного производства, обмена и потребления. На этом этапе «новая экономика» перейдет от во многом еще сохраняющих национальную оболочку производительных сил к глобальным (глокальным). И только на третьем этапе своего развития

«новая экономика» станет определяющей и сможет комплексно характеризовать существующую в этот период формацию.

Поэтому забегание вперед в оценке нынешнего состояния «новой экономики» и ее влияния на существующую неоиндустриальную экономику может привести к определенным разочарованиям в ее воздействии на текущую ситуацию и потере перспективы.

При осуществлении модернизации необходимо четко представлять ее этапы, механизмы и перспективы, не подменяя одни актуальные требования другими, не менее актуальными проблемами. Кроме того, необходимо видеть специфику модернизации той или иной страны, в данном случае России, и соотносить необходимые шаги с этой спецификой. Ведущие страны мира уже вступили в этап развития «новой экономики», и у них свои проблемы роста и развития. Россия еще не вошла в этап развития «новой экономики», формируя пока предпосылки, элементы для ее развития. Соответственно, и цели модернизации экономики России состоят в ускорении создания таких условий и предпосылок по всей цепочке формирования нового строя: в государственном управлении, формировании основ «справедливого капитализма», демократизации общества и, конечно, новой индустриализации и последовательном формировании инновационного климата (создания механизма «принуждения к инновациям») и системы инновационных отношений, возвращении новых производительных сил.

Модернизация экономики России предполагает активное использование эффектов глобализации. Многие страны во второй половине XX в. сумели весьма продуктивно использовать эти эффекты на волне становления и развития глобализации. Это относится как к развитым странам, так и к новым индустриальным странам ряда волн «новоиндустриализма». Все это достаточно хорошо изучено

Модернизация России

и прокомментировано исследователями в России и за рубежом.

Однако глобализационный процесс развивается и обнаруживает новые механизмы и возможности, которые могут использовать страны, не оценившие до конца возможности первого этапа глобализации мировой экономики. Среди этих стран находится и Россия, которая, на мой взгляд, лишь в XXI в. начала более или менее эффективно учитывать императивы глобализации и ее новейшие стадии глокализации¹. Процесс глокализации, сопровождающий глобализацию мировой экономики, выдвигает целый ряд инструментов для эффек-

тивного вписывания в процесс формирования международных производительных сил и использование их себе во благо.

В посткризисный период мировая экономика переживает этап, когда формируется новая социально-хозяйственная парадигма. Пропустив два десятилетия на не вполне удачные реформы, Россия не может упустить шансы этого этапа, когда многие страны стоят на перепутье, выборе обновленных моделей своего роста и развития. Россия в эту «эпоху перемен» должна найти адекватный ответ как на внутренние проблемы развития, так и на глобальные вызовы.

¹ См.: Авдокушин Е.Ф. Формы и методы в глокализации мировой экономики. «Вопросы новой экономики» 2010, № 2.

Национальная инновационная система Японии

Е. Ф. Авдокушин,

председатель межрегиональной группы ученых института
исследования новой экономики, доктор экономических наук, профессор,
г. Москва

E-mail: AEF2005@yandex.ru

National innovation system of Japan

E. F. Avdokushin

В данной статье рассматривается исторический аспект развития национальной инновационной системы (НИС) Японии. Автор выделяет три этапа в развитии НИС Японии, дает подробную характеристику каждого этапа. Кроме того, профессор Е. Ф. Авдокушин анализирует имеющиеся проблемы, тормозящие инновационное развитие Японии на современном этапе, например, проблема интеллектуальной собственности, активное заимствование зарубежных технологий и ноу-хау, недостаточное внимание к фундаментальным исследованиям при чрезмерном увлечении прикладными, прагматический тип мышления японских исследователей и ряд других.

Ключевые слова: национальная инновационная система, инновационная политика государства, научно-технический прогресс, программа, исследования.

The article examines the historical aspect of the national innovation system (NIS) development in Japan. The author picks out three stages in the NIS development of Japan, gives a detailed characteristics of the each stage.

Besides, Prof. E. F. Avdokushin analyses the present problems, which impede the innovation development of Japan on the modern stage, for example, a problem of intellectual property, borrowing of foreign technologies and know-how, lack of attention to fundamental researches, Japanese researchers pragmatic type of thinking and some others.

Key-words: the national innovation system, the state innovation policy, the science-technological progress, a program, researches.

Национальная инновационная система (НИС) Японии так же, как и в ряде других стран, складывалась постепенно, поэтапно. В развитии НИС Японии в послевоенный период можно выделить три этапа, временные рамки которых включают: первый этап 50-е – 80-е гг. XX в.; второй этап 80-е – 2000-е гг.; третий этап – начало XXI в. по настоящее время. Каждый из этих этапов имеет свои подэтапы, основные черты, особенности, характеристики, которые определялись особенностями проводимой научной, технической, образовательной, социальной политики. Фактически формированием целостной, комплексной НИС японское руководство занялось лишь в 80-е гг. При этом первый этап формирования НИС, который определялся политикой послевоенного развития

страны, во многом представляет собой реализацию вполне комплексной, осмысленной инновационной системы, принесшей существенный эффект для японской экономики. Однако в условиях глобализирующейся мировой экономики сложившаяся инновационная система, основанная на массированных заимствованиях зарубежных технологий, стала себя исчерпывать, тормозя и набранный темп развития, и сохранение международной конкурентоспособности японской экономики.

В послевоенные годы, вплоть до 70-х гг. XX в., научно-техническая и инновационная политика Японии строилась на использовании двух подходов: во-первых, на заимствовании зарубежных научно-технических достижений (покупка лицензий, создание совместных предприятий, участие

Иноватика: международный опыт

в многонациональных исследовательских проектах) и, во-вторых, поощрении развития собственных исследований, прежде всего, на корпоративной основе. Вплоть до конца 80-х гг. XX в. преобладал первый подход, хотя его значимость в общей стратегии постепенно сокращалась. Японские экономисты полагают, что такая стратегия в условиях послевоенного дефицита финансовых ресурсов, научных кадров, слабости технико-технологической базы была оправдана извне, была эффективна и необходима для сохранения независимости страны¹. При этом политика заимствований передового опыта и знаний из-за рубежа имеет ряд прецедентов и отнюдь не свойственна только Японии или другим азиатским странам, заметно проявившим себя во второй половине XX в. на почве имитаторства. Так, например, в Западной Европе были сформулированы основные принципы естественных наук, которые позже были коммерциализированы в США.

В Японии научно-техническая и инновационная политика государства является составной частью промышленной политики. В стране еще в 60-е гг. XX в. в государственном масштабе сформировалась система ориентации и поддержки перспективных наукоемких и технологически интенсивных отраслей. В 1966 г. Министерство внешней торговли и промышленности разработало первую крупномасштабную национальную программу исследований и разработок. Программа была нацелена на финансирование разработок крупномасштабной промышленной технологии. С ней были скоординированы планы научных исследований государственных организаций, а также частных компаний и научно-исследовательских институтов. Тематика исследований постепенно обновлялась.

В 70-е гг. стали реализовываться две программы, связанные с достижением энергетической безопасности страны. Так,

программа «Саншайн» (1974 г.) включала разработку технологий использования новых энергетических источников: солнечной, геотермальной энергии, энергии водорода, ветра, приливов, океанских течений и др. Программа «Мунлайт» (начата в 1978 г.) способствовала достижению страной заметных успехов в снижении энергоемкости производства. В середине 1977 г. совет по науке и технике выпустил программный документ под названием «Об основах комплексной научно-технической политики на длительную перспективу», в котором были сформулированы основные меры для ускорения НТП в последующие 10 лет. Они включали:

- 1) усиление плановых регулирующих функций государства;
- 2) укрепление взаимодействия промышленных, академических и правительственных кругов в развитии исследований;
- 3) обеспечение финансирования НИОКР;
- 4) подготовку исследовательских кадров;
- 5) стимулирование фундаментальной науки;
- 6) обеспечение понимания и сотрудничества со стороны народа;
- 7) развитие науки и техники на местах;
- 8) эффективное отражение научно-технической информации;
- 9) усиление международной научной деятельности².

На основе этого документа в Японии были разработаны программы научно-технического развития по важнейшим направлениям. В результате сложились основные контуры научно-технического развития до конца XX в. и начала XXI в., определены стратегические задачи, составлены программы развития научно-технического прогресса и системы стимулирования внедрения его результатов.

В 80-е гг., на втором этапе формирования НИС Японии, стал последовательно формироваться курс на максимальную

¹ Япония. Экономика, общество и научно-технический прогресс. М.: Москва, 1988. С.31.

² Ежегодник по науке и технике. Выпуск 27, Токио, 1983. С. 8–9 (на японском языке).

Иноватика: международный опыт

научно-техническую самодостаточность, с упором на национальные инновации. В 1984 г. совет по науке и технике подчеркивал в своих рекомендациях то, что основой экономического могущества Японии должен стать ее собственный научно-технический потенциал.

Среди наиболее представительных японских исследовательских программ 80-х гг. XX в. центральной была разработанная Министерством внешней торговли и промышленности (МВТП) «Программа развития базовых технологий для новых отраслей». Управление по науке и технике Японии в этот же период реализовывало программу под названием «Гибкие исследовательские системы для развития созидательной науки и технологий». Целью программы было обнаружение ростков революционной технологии, попытки стимулировать открытия и изобретения, которые положили бы начало новым направлениям НТП. В отличие от программы МВТП здесь целевые установки не были четко определены. Была применена уникальная для Японии организация исследований, которая характеризовалась как система «проектных лидеров» или государственных венчуров.

Эта и целый ряд других государственных и государственно-частных программ заложили основу национальной инновационной системы Японии, формирование и развитие которой рассматривается как стратегия развития страны.

В 1985 г. совет по науке и технике опубликовал программный документ «Основы научно-технической политики», который в своем переработанном и дополненном издании (1992 г.) определил 7 главных направлений развития японской науки до конца XX века:

- 1) обеспечение гармонии в системе «наука и техника – человек и общество»;
- 2) поддержка занятых в сфере науки и техники;

- 3) увеличение расходов на НИОКР;
- 4) развитие научно-исследовательской инфраструктуры;
- 5) стимулирование оригинального мышления и творчества исследователей;
- 6) интенсификация международной научно-технической деятельности;
- 7) содействие научно-техническому развитию периферийных районов страны.

В конце 1995 г. в Японии был принят «Базовый закон о науке, технике и технологиях», в котором были сформулированы в концентрированном виде организационные принципы научно-технической деятельности в стране. В законе отмечалось, что наука, техника и технологии формируют основы развития как японского общества, так и человечества в целом. Главная задача состоит в том, чтобы обеспечить сбалансированное взаимодействие между различными направлениями науки и техники и тесное сотрудничество между участниками исследовательского процесса. Закон указывал на необходимость тесной кооперации между государственными НИИ, вузами и частным сектором, а также на обязательность поддержки и поощрения инициатив частного сектора при организации и проведении научных исследований. Одним из результатов реализации положений Закона стала активизация взаимодействия компаний с исследовательскими группами университетов. Число совместных проектов, выполненных компаниями и государственными университетами, возросло с 216 в 1985 г. до 11362 в 2005 г.¹

Следует отметить, что Закон требовал, чтобы основные положения государственной научно-технической политики регулярно корректировались, и это должно находить свое отражение в пятилетних «Базовых планах научного и технического развития», утверждаемых правительством после согласования с советом по научно-технической политике, заменившим совет по науке и технике.

¹ Indicators of Science and Technology, Tokyo, 2007, p. 105.

Иноватика: международный опыт

Третий этап формирования НИС Японии можно отнести к началу 2000-х гг., когда совет по научно-технической политике на основе анализа глобальных тенденций развития мировой экономики и актуальных проблем, стоящих перед японским обществом, выработал план национальной стратегии в области научно-технического развития. В основе стратегии – выдвижение в качестве основного национального приоритета по фундаментальным исследованиям и выделение двух крупномасштабных приоритетных областей. Первая из них включает четыре раздела: науки о жизни, информатику и телекоммуникационные нанотехнологии и материалы, экологию. Вторая область охватывает преимущественно прикладные исследования и технологии, включая энер-

гетику и ресурсы, промышленные технологии, производственную и социальную инфраструктуру, проблемы Земли и Космоса. Все названные разделы являются приоритетами инновационного развития и на исходе первого десятилетия XXI в.

В 2005 г. Национальный институт научно-технической политики (NISTEP) представил очередной прогноз мирового научно-технического развития на период до 2035 г., выделив в нем 130 главных инновационных направлений и установив соответствие между действующей в стране системой приоритетов инновационного развития и конкретизирующими их инновационными направлениями. В итоге была построена матрица «приоритеты – инновационные направления», часть которой представлена ниже (см. табл. 1).

Таблица 1

Матрица «приоритеты – инновационные направления»

Инновационные направления	Науки о жизни	Информатика и телекоммуникации	Экология	Нанотехнологии и материалы	Энергетика и ресурсы	Промышленные технологии	Инфраструктура	Земля и Космос	Прочие
Высокопроизводительные компьютеры		+							
Системы искусственного интеллекта		+							
Новые принципы информатики и связи		+							
Системы хранения информации		+		+					
Электроника для систем безопасности		+						+	

Иноватика: международный опыт

Молекулярная и органическая электроника		+		+					
Биоэлектроника	+	+		+					
Информатика для медицины	+	+							
Превентивная медицина	+								
Исследование мозга	+								
Нанобиология	+			+					
Технологии освоения Мирового океана				+				+	
Глубинные исследования Земли				+				+	
Космические транспортные средства								+	
Системы преобразования энергии				+		+			
Новые принципы атомной энергетики						+			
Возобновляемые энергетические источники				+		+			
Методы оценки ресурсов						+			
Технологии переработки отходов				+		+			
Предотвращение природных катастроф				+	+			+	

Иноватика: международный опыт

Наноанализ и наноизмерения					+				
Технология нано- и микрообработки						+			
Производственные системы человек-робот						+			
Новые транспортные системы							+		
Системы производства знаний									+
Методы оценки технологий									+

*Источник: * NISTEP Report №97. Tokyo. 2005, May, p. 88.*

Для успешной реализации национальных приоритетов, как отмечено в японском «Базовом плане научного и технического развития на 2006 – 2010 гг.», первоочередной задачей становится создание эффективной НИС, определяющим звеном которой являются высококвалифицированные кадры. Их подготовка, доведение до мирового уровня становится общенациональным приоритетом. В этой связи поставлена и другая, не менее масштабная задача – выработать меры, которые бы позволили японцам стать нацией, активно формирующей передовые знания и технологии.

В целом можно констатировать, что формирование НИС Японии осуществлялось посредством последовательного перехода от преимущественного импортирования передовых зарубежных технологий и ноу-хау к опоре на собственные оригинальные разработки и научно-технические достижения на основе отечественных фундаментальных исследований. Подавляющая часть фундаментальных исследований в Японии, как и в других развитых странах, ведется в уни-

верситетах и государственных лабораториях. Основную долю расходов на НИОКР в Японии несет частный сектор, заинтересованный преимущественно в их прикладном характере. Такой подход обеспечил Японии наибольшие успехи именно на тех направлениях технического прогресса, которые связаны с производством потребительских товаров массового спроса. В области фундаментальных исследований и немассового производства заметно отставание Японии от других развитых стран. Так, несмотря на усиление внимания в Японии к собственным фундаментальным исследованиям, отмечаемое с 80-х гг. XX в. увеличения их финансирования и стимулирования и, соответственно, снижения зависимости страны от импорта зарубежных технологий, эта зависимость все же сохранялась даже в начале XXI в.

Следует отметить, что хотя еще в 60-е гг. Япония по своему научно-техническому потенциалу отставала от большинства ведущих стран мира, уже к началу 80-х гг. она сумела фактически обойти Западную Европу и заметно сократить разрыв с США. Та-

Иноватика: международный опыт

кие выводы подтверждаются различными статистическими показателями, характеризующими отдельные аспекты научно-технического развития страны. В этой связи внимания заслуживают разработки японских экономистов, проведенные еще в 80-х гг. XX в., в отношении выявления синтетических показателей научно-технического потенциала и проведение на этой основе международных сравнений.

При разработке синтетического показателя японские экономисты выделяют два принципиально важных понятия: во-первых, технический уровень, при определении которого не имеет значения, используется ли в стране отечественная или импортированная техника и технология, и, во-вторых, потенциальные возможности научно-технических разработок, т. е. способность самостоятельно разрабатывать новые товары и производственные процессы или на принципиальной основе совершенствовать уже имеющиеся. Выделение этих двух понятий ведет к необходимости введения разграничения таких категорий, как «научно-технический потенциал» и «инновационный потенциал». Эти две категории родственны и взаимозависимы, однако не следует их отождествлять. Главное их отличие состоит в том, что инновационный потенциал, в сравнении с научно-техническим, включает в себя не только способность создавать научно-технические новшества, но и успешно внедрять их в производстве и реализации товаров и услуг. Таким образом, научно-технический потенциал является хотя и весьма важным, но лишь одним из компонентов потенциала инновационного.

Научно-технический потенциал страны может быть измерен путем сравнения используемых ресурсов и результатов их применения. К используемым ресурсам, как правило, относят расходы на НИОКР и/или численность научных работников. Результат, в свою очередь, измеряется количеством патентов и научных публикаций. Следует

заметить, что количество патентов, скорее, является показателем изобретательской, а не инновационной деятельности, поскольку в этом показателе не учитывается коммерческая реализация изобретений, патент вообще может быть не востребован. Количество научных публикаций также не дает полноценную возможность оценить рыночное применение выдвинутых в публикации идей и изобретений. Уровень развития человеческого ресурса, измеряемого таким показателем, как число людей с высшим образованием, также не совершенен. Он не учитывает качества образования и актуальности приобретаемых знаний, упускается из виду и развитие навыков в результате обучения на рабочем месте. Таким образом, при помощи перечисленных выше показателей можно охарактеризовать, и то не полностью, лишь научно-технический, но не инновационный потенциал страны. Оценка инновационного потенциала должна включать анализ количественных и качественных параметров, описывающих инфраструктуру страны, уровень развития информационно-коммуникационных технологий и производственной системы, качество образования, степень коммуникативности между различными субъектами инновационного процесса, их способность внедрять и успешно применять новые технологии, (в том числе заимствованные из-за рубежа), а также отдачу от инновационной деятельности.

Наиболее комплексной и проработанной системой качественной и количественной характеристики¹ инновационного потенциала страны является методология, применяемая Всемирным банком и именуемая «оценкой знания» (Knowledge Assessment Methodology – КАМ). Она использует более 80 количественных и качественных показателей развития страны по четырем основным параметрам «экономики знаний»:

- 1) экономическая система и институциональные особенности;
- 2) образование и человеческий капитал;

¹ Имеются методики измерения инновационного потенциала ЮНКТАД, ООН (ПРООН), Всемирного экономического форума, корпорации РЭНД и др.

Иноватика: международный опыт

3) уровень развития ИКТ;

4) текущий уровень инновационной активности.

КАМ применяется для подсчета двух индексов – индекса знаний (Knowledge Index – KI) и индекса «экономики знаний» (Knowledge Economy Index – KEI). KI используется для оценки способности страны создавать, внедрять и распространять знания. Он является индикатором общего потенциала страны в области развития знаний. KEI учитывает, насколько эффективно используются полученные знания для экономического раз-

вития. Если KI подсчитывается по трем из четырех указанных выше параметров – образования и человеческого ресурса, инновационной активности и ИКТ, то KEI включает и четвертый параметр – экономическую систему и институциональные особенности.

Индексы KI и KEI дают возможность исследовать инновационный потенциал страны в сравнении с другими государствами. Для оценки инновационного потенциала Японии сравним ее показатели в соответствии с параметрами «экономики знаний» с другими развитыми странами (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные индексы и параметры «экономики знаний», 2006 г.

Страна	KEI	KI	Экономическая система	Текущий уровень инновационной активности	Образование	ИКТ
США	8,74	8,90	8,26	9,42	8,38	8,91
Канада	8,68	8,73	8,51	9,05	8,52	8,63
Великобритания	8,67	8,77	8,36	8,62	8,44	9,25
Германия	8,48	8,57	8,19	8,80	8,07	8,85
Япония	8,42	8,60	7,88	9,27	8,15	8,36
Франция	8,21	8,34	7,81	8,46	8,44	8,13
Италия	7,66	7,85	7,07	7,14	7,84	8,58
в целом по G7	8,50	8,66	8,01	8,90	8,43	8,66

Источник: составлено по данным веб-сайта Всемирного банка <http://www.worldbank.org/kam>

В таблице 2 представлены индексы KEI и KI, а также показатели по четырем базовым параметрам экономики знаний. Согласно приведенным данным, по индексу KEI Япония занимает пятое, а по индексу KI – четвертое место среди стран «семерки», экономическая система – 5-е место, образование – 5-е место и ИКТ – 6-е место. Однако по инновационной активности она занимает второе место, уступая лишь США. Последний параметр имеет непосредственное отношение к формированию и развитию структуры

НИС Японии. Рассмотрим его более подробно на основе трех показателей, сведенных в таблице 3.

Япония является одним из лидеров по показателям научно-технического потенциала: расходы на НИОКР в середине 2000-х гг. составили 3,15% ВВП по сравнению с 2,21% ВВП в среднем по странам «семерки», абсолютная численность научных работников в Японии составляет 675330 человек, по сравнению с 401838,04 в среднем по странам «семерки», а на 1 млн. населения – 5287,0 против 3411,71¹.

Иноватика: международный опыт

Таблица 3

Текущий уровень инновационной активности, 2006 г.

Параметр	Показатель	Япония	В среднем по G7
Научно-технический потенциал	Численность научных работников, 2004 г.	675330,0	401838,04
	Численность научных работников на 1 млн. чел., 2004 г.	5287,00	3411,71
	Доля расходов на НИОКР в ВВП, 2004, в процентах	3,15	2,21
Результаты научно-технической деятельности	Роялти и лицензионные выплаты, млн. долл. США, 2004 г.	13644,30	8993,97
	Роялти и лицензионные выплаты на 1 млн. чел., млн. долл., 2004 г.	106,76	95,28
	Доходы от роялти и лицензионных выплат, млн. долл., 2004 г.	15701,30	13459,41
	Доходы от роялти и лицензионных выплат на 1 млн. чел., млн. долл., 2004 г.	122,86	107,69
	Число научных и технических публикаций, 2003 г.	60067,00	63623,29
	Число научных и технических публикаций на 1 млн. чел., 2003 г.	470,74	612,98
	Число патентов, зарегистрированных в USPTO, за 2001 – 2005 гг.	35468,80	22099,69
	Число патентов, зарегистрированных в USPTO на 1 млн. чел., за 2001 – 2005 гг.	278,03	146,45

Иноватика: международный опыт

Условия инновационной деятельности	ПИИ в процентах от ВВП, 2000 – 2004 гг.	0,74	2,98
	Приток ПИИ в процентах от ВВП, 2000 – 2004 гг.	0,17	2,23
	Интенсивность внутренней конкуренции, по семибалльной шкале, 2006 г.	5,90	5,81
	Сотрудничество между компаниями и университетами в научной сфере, по семибалльной шкале, 2006 г.	4,60	4,63
	«Утечка мозгов», по семибалльной шкале, 2006 г.	5,60	4,86
	Доступность венчурного капитала, по семибалльной шкале, 2006 г.	3,90	4,56

Источник: составлено по данным веб-сайта Всемирного банка <http://www.worldbank.org/kam>

Результаты научно-исследовательской деятельности соответствуют ее научно-техническому потенциалу. Так, по числу патентов, зарегистрированных Бюро патентов и торговых марок США, Япония является абсолютным лидером как по общему числу (35468,80 против 22099,69 в среднем по странам «семерки»), так и по отношению к численности населения (35468,80 и 278,03 на 1 млн. населения против 22099,69 и 146,45 соответственно)¹. Следует отметить, что приведенные сравнения в отношении количества патентов не учитывает их качества. По данным Банка развития Японии, в стране учитывается большое количество патентов на незначительные изобретения, в то время как число патентов на ключевые изобретения относительно невелико.

Относительно низкое количество научных и технических публикаций (470,74 про-

тив 612,98 на 1 млн. человек) при существенной численности научных сотрудников во многом объясняется тем, что в Японии значительная часть исследователей трудится в частных компаниях и перед ними, прежде всего, ставится задача патентования и коммерческой реализации изобретений, а не написание научных работ.

Традиционно являясь крупнейшим импортером технологий, Япония затрачивает значительные суммы в качестве роялти и лицензионных выплат, которые превосходят средний показатель по странам «семерки» как по абсолютной величине, так и в расчете на 1 млн. населения (13644,30 млн. долл. и 106,76 млн. долл. на 1 млн. человек против 8993,97 и 95,28 млн. долл. соответственно).

Вместе с тем доходы Японии от роялти и лицензионных выплат превосходят

¹ По данным веб-сайта Всемирного банка <http://www.Worldbank.Org/kam>

Иноватика: международный опыт

соответствующие расходы, и по этому показателю страна опережает большинство стран «семерки» – 15701,30 млн. долл. и 122,86 млн. долл. на 1 млн. жителей против 13459,41 и 107,69 млн. долл. соответственно. Это свидетельствует о том, что Япония прошла этап исключительного и преимущественного заимствования технологий и, развив собственную научно-техническую базу, превратилась в одного из крупнейших экспортеров технологий.

Определяющим фактором для функционирования НИС является инвестиционный климат. В его создании и поддержании Япония занимает достаточно высокие позиции. В частности, в Японии сравнительно невысокий уровень «утечки мозгов», что является определенным свидетельством существования благоприятных условий для японских научных работников.

Одним из определяющих механизмов в осуществлении инвестиционной деятельности является интенсивность конкуренции между национальными компаниями внутри страны, поскольку конкуренция заставляет их концентрироваться на инновационной политике. Чем напряженнее конкурентная борьба между компаниями внутри страны, тем выше у них потребность к инновациям. Интенсивность внутренней конкуренции, по оценке Всемирного банка, в Японии составляет 5,90 балла, что выше чем в среднем у «семерки» (5,81 балла).

С середины 90-х гг. XX в., как отмечалось выше, в Японии активизируется сотрудничество между университетами и частными компаниями, что способствовало коммерческой реализации новшеств, сделанных в учебных заведениях. Такое сотрудничество значительно повышает инновационный потенциал компаний, а также нацеливает ученых на исследования, которые могут быть востребованы рынком. Показатель, характеризующий уровень сотрудничества между университетами и частными компаниями, в Японии составляет 4,60 балла, что фактически соответствует сред-

нему значению по странам «семерки» – 4,63 балла по семибалльной шкале, предложенной Всемирным банком.

В то же время Япония отстает от развитых западных стран по такому показателю как доступность венчурного капитала (3,90 против 4,56 балла по семибалльной шкале). Это объясняется тем, что в отличие от большинства стран «семерки», где малые и средние предприятия и венчурные компании играют ключевую роль в инновационном процессе, в Японии его основными участниками являются крупные компании, а малому и среднему бизнесу, как правило, отводится роль субподрядчиков. Сдерживает развитие венчурного бизнеса и особенность японского менталитета, заключающаяся в страхе перед провалом и ответственностью, поэтому венчурный бизнес, характеризующийся высокой степенью риска, недостаточно развит в Японии.

На фоне ряда показателей, по которым Япония находится в числе лидеров по инновационной политике либо отстает, но в небольшой степени, обращает внимание весьма низкий уровень притока ПИИ в страну – 0,17 против 2,23 балла в среднем по странам «семерки». ПИИ, как известно, являются одним из основных источников поступления зарубежных технологий в виде лицензий. Их низкий уровень свидетельствует о том, что приток зарубежных технологий в Японию не соответствует потенциальным возможностям. Сходный вывод напрашивается и в отношении японского экспорта технологий: несмотря на значительные доходы от роялти и торговли лицензиями, малые объемы японских инвестиций в мировую экономику (0,74 против 2,98 балла в среднем по странам «семерки») говорят о том, что у Японии имеется значительный потенциал в деле экспансии технологий на мировых рынках.

Важным условием, предъявляемым к производственной системе предприятия, производящего инновационный продукт, является ее гибкость, возможность быст-

Иноватика: международный опыт

рой переналадки для производства другой продукции аналогичного типа и размера, поскольку от своевременного и относительно малозатратного запуска в серию во многом зависит успех инновации. Другим существенным условием является бездефектность производства, так как высокое качество – это ключевое свойство инновационной продукции. Японским компаниям удалось создать на своих предприятиях производственную систему, в полной мере отвечающую двум названным условиям. Гибкость производства достигается как за счет средств гибкой автоматизации, т. е. применения производственного оборудования, которое в случае необходимости может быть быстро переналажено для выпуска другой продукции аналогичных размеров и форм. Арсенал средств гибкой автоматизации довольно широк. Прежде всего, это станки с числовым программным управлением (ЧПУ), в том числе многоинструментальные (обрабатывающие центры), а также промышленные роботы, внутриводские транспортные средства (робокары) и др.

Японская робототехника, лидирующая в мире (по данным Всемирной федерации робототехники, в 2004 г. на страну приходилось 42 процента мирового парка роботов)¹, добилась существенных успехов в повышении производительности труда в японской промышленности и в его гуманизации. В начале XXI в. робототехника в Японии концентрируется на создании весьма сложных типов роботов – антропоморфных, т. е. человекообразных конструкций. Инновационные разработки в этой сфере осуществляет ряд японских компаний. В частности, компания Fujitsu разработала игрушечных медведей для домов престарелых. Медвежата-роботы, по словам вице-президента этой компании Сатори Хайаши, «узнают людей и выстраивают с ними отношения... Пожилые люди,

страдающие от одиночества, от расстройства памяти, могут общаться с медвежонком, и тот помогает им координироваться в жизни. Вряд ли мы заработаем деньги на этом проекте, но принесем пользу». Роботизированные игрушки – это лишь одно из направлений японских инноваций в общем процессе создания роботизированной инфраструктуры повседневной жизни. Инновационные разработки в Японии нацелены на формирование гуманного интеллектуального общества. Технологии в этом обществе будут использоваться даже в тех сферах, в которых еще не используются сегодня. Так, тот же Сатори Хайаши убежден, что медицинская история каждого человека с рождения будет храниться в вычислительных центрах, и система, возможно, начнет ежедневно регистрировать то, как часто вы совершаете пешие прогулки, что вы едите на завтрак и на ужин. Это позволит диагностировать заболевания пациентов с большей точностью и рекомендовать более качественное лечение². Характерно, что подобные инновации уже реализуются. В Японии осуществляется проект по хранению историй болезней, у каждого пациента есть микрочип.

НИС Японии в значительной степени нацелены на всестороннее использование потенциала человека. В этой связи научно-технические и организационные инновации в Японии концентрируются по четырем основным направлениям: во-первых, обеспечение экономики более производительными средствами труда и дальнейшее совершенствование трудосберегающих технологий. НТП и совершенствование организации труда по-прежнему остаются решающими факторами экономического роста. Во-вторых, создание такой техники и технологий, которые позволяли бы эффективно включить в экономический процесс дополнительные трудовые ресурсы, прежде всего, труд женщин и мужчин

¹ РБК – daily 30.6.2010.

² РБК – daily 30.6.2010.

старших возрастов. В-третьих, поиск решения проблем стареющего общества. Для Японии, а в перспективе для большинства развитых стран, это одна из важнейших проблем. В-четвертых, создание в помощь долгожителям различных средств, способных смягчить многие проблемы старости.

Нацеливая свою НИС на решение проблем, связанных с демографией, Япония стремится реагировать и на глобальные вызовы, в частности, на ужесточение конкурентной борьбы на мировых рынках. К началу 2000-х гг. стала проявляться тенденция к снижению международной КСП японской продукции. В результате по многим товарным позициям, включая персональные компьютеры, запоминающие устройства, принтеры, ЖСК и плазменные панели, мобильные телефоны и т. п. японские компании утратили значительную долю рынка.

Основными конкурентами Японии являются США и быстро прогрессирующий Китай. Отвечая на эти вызовы, Япония делает основной упор на развитие и приумножение своего интеллектуального капитала, стремясь на его основе совершенствоваться и развивать НИС.

В этой связи одной из проблем, тормозящих инновационное развитие Японии, является проблема интеллектуальной собственности. Рассматривая инновационную систему как важнейший национальный ресурс, японские специалисты изучили механизмы поддержки и наращивания интеллектуальной собственности в ряде развитых стран, прежде всего, в США¹. В результате было принято решение резко снизить уровень расходов на оформление патентной документации, закрепить патентные права не за изобретателями и правительством, как это обычно делалось, а за университетами и специальными посредническими лицензирующими организациями. Было предложено активно развивать

контрактную систему, которая ориентирует университетские исследования на заказы промышленных компаний, доверяя им право быть совладельцами патента, что снижает финансовую нагрузку на разработчиков.

Приоритетами в НИС Японии являются: 1) новые системы; 2) информатика и связь; 3) нанотехнологии и материалы; 4) технологии сохранения окружающей среды. В этих сферах, как считают японские специалисты, возможны прорывные новейшие решения, коммерциализация которых даст инноваторам серьезные преимущества перед конкурентами. Основываясь на такой позиции, для ускорения прохождения оформления патентов, в Японии были пересмотрены Патентный закон и Закон о торговых знаках². Кроме того, для создания эффективной системы из организаций-посредников, обеспечивающих передачу научно-технических достижений из университетских лабораторий и государственных НИИ в частный промышленный сектор, был принят Закон о трансфере технологий из университетов в промышленность и специальных мерах по оживлению промышленности и совершенствовании промышленных технологий.

Объектом особого внимания японского руководства является оформление прав на интеллектуальную собственность. В этой связи правовой основой обеспечения инновационного развития Японии в настоящее время является «Основной закон об интеллектуальной ответственности» (декабрь 2002 г.). Закон нацелен на то, чтобы организовать в масштабах страны «цикл интеллектуального созидания». Этот цикл должен включать в себя три важнейших составляющих, объединенных во взаимосвязанную систему: интеллектуальное созидание – приобретение и охрана прав на интеллектуальную собственность – коммерциализация интеллектуальной собственности. При этом последний этап стано-

¹ Глобальные вызовы – японский ответ. М: «Аиро-XXI», 2008. С. 234.

² Глобальные вызовы – японский ответ. М: «Аиро – XXI», 2008. С. 235.

Иноватика: международный опыт

вится источником средств для следующего аналогичного цикла¹.

В законе оговорено, что государство отвечает за разработку реализации общей политики, обеспечивающей формирование и воспроизводство цикла. Вместе с тем определенная ответственность за ее реализацию возлагается на региональные власти, которые должны отвечать за состояние кадровых ресурсов, организацию сотрудничества между компаниями и университетами. Университеты, в свою очередь, несут ответственность вместе с государством за создание благоприятных условий для деятельности исследователей и инженеров и наиболее эффективное использование их знаний и опыта.

Формируемая модель НИС нацелена на реализацию повышения степени конкурентоустойчивости среди развитых стран. Для этого при формировании инновационной системы в Японии делается упор не только на научно-технические и технологические факторы, но и в значительной степени на технологии в сфере организации и управления. В этой связи особое внимание уделяется разработке теории социальных сетей, а также теории, касающейся социальных взаимоотношений и социальной организации. Кроме того, важнейшим направлением в организационно-управленческих инновациях является разработка технологий управления совокупными рисками. Организационные инновации затрагивают и сферу научной и инженерной деятельности, в частности, рационализацию методов планирования, выполнения, контроля и оценки исследовательских проектов, которые могли бы повысить производительность труда в научной сфере в среднем на 50%.

В целом можно констатировать, что характерной особенностью НИС Японии является то, что она последовательно формируется и развивается с середины XX в., пройдя несколько этапов. При этом на каждом этапе правительственные органы и предприни-

мательские круги действовали достаточно слаженно, укрепляя финансовую, кадровую и материальную базу науки, одновременно держа в центре внимания постоянное обновление оборудования, совершенствование производственных и организационных технологий, развивая систему контроля качества, воспитывая у персонала органическую потребность к повышению квалификации и активному применению новых знаний.

Важной отличительной чертой НИС Японии является ее двухуровневость: государственный и частнопредпринимательский уровень. Оба уровня весьма активно взаимодействуют. При этом следует различать понятия государственная инновационная политика и государственная научно-техническая политика. Научно-техническая политика нацелена на повышение научно-технического потенциала страны в целом, включая развитие фундаментальной науки, системы образования и др. Инновационная политика ориентирована преимущественно на поддержку инновационной деятельности в частном секторе: на развитие прикладной науки, создание и совершенствование системы обеспечения частных компаний информацией о последних научно-технических достижениях, а также на облегчение процесса коммерциализации последних.

Важной отличительной чертой японской системы построения инновационной деятельности в частных компаниях является ее нацеленность на обеспечение максимально эффективного взаимодействия всех основных этапов инновационного процесса – НИОКР, производство, сбыт, маркетинг. Все эти составные части организованы таким образом, чтобы на протяжении всех стадий процесса разработки новой продукции – от начала разработки концепции до организации серийного производства – обеспечить активную генерацию, отбор и быстрое распространение инновационных идей и их успешную реализацию в продукции.

¹ Journal of Japanese Trade and Industry, 2003, № 3, p. 22.

Иноватика: международный опыт

Это достигается за счет используемого японскими компаниями принципа создания организационного знания. Его суть состоит в способности компании как единого целого (а не отдельных его сотрудников) создавать новое знание, распространять его по всей организации и воплощать в продукции, услугах, системах. Понять процесс создания знания организацией – значит понять процесс осуществления инноваций японскими компаниями. Японские менеджеры считают, что «знание», выражаемое словами и цифрами, это лишь верхушка айсберга, а знание в основном неформализовано, т. е. не является чем-то легко видимым и объяснимым. Неформализованное знание существует на уровне индивидуума и плохо поддается формализации, что затрудняет его передачу и использование кем-либо, кроме владельца. Под это определение попадают субъективное понимание, предчувствия и догадки¹. Кроме того, неформализованное знание тесно связано с действиями и опытом конкретного человека, так же как и его идеалы, принятые им ценности и испытываемые им эмоции, что обуславливает специфику методов передачи и распространения знания.

Основным средством обеспечения эффективного взаимодействия всех этапов инновационного процесса в крупных японских компаниях является формирование команд разработчиков из сотрудников различных подразделений компании. В японских компаниях нет монополии какого-либо отдела или исследовательской группы на создание знания. Таким образом, разработка инновационной продукции в японской компании – это результат активного взаимодействия всех групп, входящих в команду разработчиков.

Характеризуя в целом НИС Японии, следует констатировать, что прежняя модель, основанная на заимствованиях и дальнейшем совершенствовании зарубежных инноваций и технологий, себя исчерпала к началу 90-х гг. В настоящее время

Япония находится на стадии перехода к принципиально новой модели инновационного развития, которая призвана обеспечить ей позиции экономического и научно-технического лидера за счет коммерческой реализации национальными компаниями научных достижений и разработок, не применявшихся ранее конкурентами. Важнейшей особенностью новой НИС является реализация разработанной в стране концепции интеллектуального созидания.

Следует отметить, что, несмотря на заметные успехи Японии в формировании НИС и существенные результаты по ее реализации, пока кардинального перехода от прежней модели заимствования зарубежных достижений и их адаптации, локализации и совершенствования не произошло. Япония по-прежнему активно заимствует зарубежные технологии и ноу-хау. Следует отметить также и недостаточное внимание японских компаний к фундаментальным исследованиям при чрезмерном увлечении прикладными. Важным обстоятельством, тормозящим результативность НИС Японии, является, как отмечает российский исследователь Ю. Д. Денисов, «сознательный отказ от развития уникальных направлений, связанных с большим риском потерпеть неудачу, особенно если они не обещают выхода на массовое производство, сформировал в японских исследователях и разработчиках сугубо прагматический тип мышления, ориентированный на непрерывные доработки и улучшения изделий и процессов, созданных ранее»². Существуют и другие препятствия на пути дальнейшего научно-технического и инновационного развития, в частности, недостаточный уровень доступности венчурного капитала.

Вместе с тем НИС Японии имеет существенный потенциал, состоящий в социальной ориентированности ряда инновационных процессов, в противовес сугубо технократическим подходам ее развития.

¹ Нонака, И., Такэучи, Х. Компания – создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах / Пер. с английского. – М., ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. С. 17.

² Глобальные вызовы – японский ответ. М: «АИРО – XXI», 2008. С. 238.

Инновационное развитие – опыт Балтии и российская специфика

Д. Д. Катукوف,

аспирант института экономики Российской академии наук,

г. Москва

E-mail: vsei@vsei.ru

Innovation development – the Baltic Sea Region experience and the Russian specification

D. D. Katukov

Для поддержания постоянных творческих знаний необходима прогрессивная инновационная система. «Тройная спираль» – это новая концепция инновационной системы и стратегия развития, основанная на совместной работе трех партнеров – науки, бизнеса и правительства. Страны Северной Европы в регионе Балтийского моря работают в настоящий момент над созданием концепции «Пятой свободы» (свободное движение знаний), основанной на «Тройной спирали». Подобный опыт может помочь нашей стране в преобразовании российской экономики в инновационную экономику. Первый шаг к развитию сетевой экономики и Европейской сетевой экономики – это проект под названием Gate2RuBIN (Gate to Russian Business Innovation Networks) (Ворота в российскую бизнес-инновационную сеть).

Ключевые слова: сетевая экономика, информационная экономика, национальная инновационная система, концепция «тройной спирали», концепция «пятой свободы».

A prominent innovation system is needed to maintain permanent creation of knowledge. The Triple Helix is a new innovation system concept and development strategy based on collaborations among the three partners – science, business and government. The Northern European countries in the Baltic Sea Region are developing the Fifth Freedom concept (free movement of knowledge) based on the Triple Helix. These experiences can help Russia in transforming its economy into innovation-driven economy. The first step to the network economy and European networks is Gate2RuBIN project.

Key-words: neteconomy, information economy, the national innovation system, the «Triple Helix» concept, the «Fifth Freedom» concept.

Парадигма сетевой экономики выражает собой синтез идей, институтов и практик, получивших свое развитие в экономических, философских, социально-правовых, политологических и других теориях. Сетевая экономика – это этап развития постиндустриальной экономики, на котором информационные и другие высокие технологии посредством инновационных механизмов превращаются в решающий фактор роста, определяющий тенденции производственной и социально-экономической трансформации форм деятельности и организации социально-экономических систем. При этом весьма существенную роль играют социально-экономические технологии менеджмента и маркетинга, которые являются заводной частью всего механизма сетевой экономики. В итоге сетевая экономика

предстает как информационная экономика. Информационная экономика предстает как такой тип экономики, где главным производственным ресурсом становится человек, вооруженный возможностями информационно-коммуникационной системы. Производством, обработкой, распространением информации и производством коммуникационных систем (оборудование и коммуникационные услуги) начинает заниматься преобладающая часть активной рабочей силы. Экономика на всех уровнях подчинена сетевой логике, уменьшается количество жестких вертикальных связей, и, одновременно, увеличивается число гибких горизонтальных связей, что способствует всеобщей кооперации и лучшей адаптации к постоянно изменяющейся действительности.

Иноватика: международный опыт

Одной из важнейших характеристик сетевой экономики является ее инновационный характер. Сетевая экономика формирует особый инновационный климат, в котором создаются и работают коллективы профессионалов, нацеленные на создание новых продуктов по всей цепочке бизнес-процесса, на основе научных исследований, опыта, эксперимента. Для сохранения конкурентоспособности необходима интенсификация, непрерывность выработки новых знаний и, соответственно, возрастающая степень и эффективность их коммерциализации.

Многие страны вложили весьма значительные средства в формирование своего научно-технического потенциала, но не получили серьезной экономической отдачи от этих инвестиций. Причиной такой ситуации является тот факт, что научно-технические знания приносят наибольшую выгоду в том случае, когда они используются в рамках комплексной системы социальных институтов, учреждений и процессов, известной под названием национальная инновационная система (НИС).

В настоящее время развитие инновационных систем происходит в направлении усиления горизонтальных взаимодействий между государством, наукой и бизнесом. Основные участники инновационной системы все сильнее переплетаются, образуя так называемую «тройную спираль». Наука взаимодействует с государством и частным сектором, они оказывают взаимное влияние друг на друга и вместе определяют направление и скорость экономического развития (см. рис. 1).

Институциональные сферы университетов, промышленности и правительства в дополнение к выполнению своих традиционных начинают приобретать и новые, свойственные другим участникам инновационной системы, функции. Университеты все в большей мере адаптируют функции бизнес-сектора, открывая у себя службы по коммерциализации технологий и другие аналогичные структуры и создавая малые фирмы. Кроме того, университеты начинают играть роль, которая

Рис. 1. Модель «тройной спирали»

По данным: BSR InnoNet - The Baltic Sea Region Innovation Network - <http://www.nordicinnovation.net/>

обычно выполняется государством, когда они участвуют в развитии инновационной деятельности на региональном уровне. Таким образом, наука из отрасли по производству новых знаний превращается в необходимый компонент инновационной системы, органично встроенной в отрасли хозяйства, крупные корпорации и малые фирмы. В то же время государство перестает играть доминирующую роль в инновационном развитии.

Возникновение «тройной спирали» связано со следующими изменениями в науке, экономике и политике:

1. Произошла смена «ведущего звена» в цепи взаимодействий между участниками процесса создания инноваций, направляющих поступательное развитие общества. Особенностью этой сферы, по сравнению с прежними доминантами развития, является высокий уровень неопределенности: он охватывает все элементы «производственного цикла» знаний – затраты, результаты – и связи с внешней средой. Вследствие этой неопределенности взаимодействие участников инновационного процесса осуществляется методом проб и ошибок, контроль становится «рефлексивным», т. е. включает замкнутые контуры отрицательной обрат-

ной связи между производителями, потребителями и посредниками.

2. Появилась необходимость интенсификации связей между тремя участниками развития – государством, бизнесом и наукой – и создания новой основы построения этих связей – сетей коммуникаций. Эффективность сетевой организации любой деятельности состоит в том, что ее результат нелинейно растет при увеличении масштабов сети. Каждый узел сети, будь то производитель или потребитель продукции, получает дополнительный эффект уже от простого увеличения количества узлов. Наличие сети подразумевает необходимость преобразования функций государства, университетов (научных организаций) и фирм в инновационном развитии.

3. В ходе глобализации создаются особые условия для инновационной деятельности. Они проявляются по-разному, в том числе через деятельность транснациональных корпораций, наднациональных союзов и альянсов, которые имеют возможности проводить инновационную деятельность, используя многочисленные ресурсы. В результате в зависимости от функции организации и управления инновационной деятельностью, которые ранее выполнялись государством на основе иерархических структур, меняются как исполнители, так и механизмы.

Траектория устойчивого развития страны обеспечивается интеграцией компонентов «тройной спирали» так, чтобы отбор технологий и рынков осуществлялся на долгосрочную перспективу. При этом чем более дифференцированы компоненты в спирали, тем выше вероятность устойчивого развития. Соответственно, контроль государства должен быть направлен на установление рационального компромисса между дифференциацией и интеграцией. «Двойные спирали» между государством и рынком, наукой и бизнесом в современных условиях экономики знаний недостаточны для обеспечения динамичного развития, потому что не имеют механизмов контро-

ля по типу отрицательной обратной связи между всеми участниками.

«Тройная спираль» является отображением новых экономических реалий, в том числе экономики знаний (для обозначения нового уклада существует ряд однопорядковых терминов: постиндустриальная экономика, экономика знаний, инновационная экономика и, наконец, сетевая экономика, которая определяет современный этап развития (наиболее емко), глобализации, интеграции деятельности государств и корпораций, новыми средствами коммуникаций и технологий, и сетевыми формами организации. Все эти процессы привели к беспрецедентному ускорению процессов развития, которое было бы невозможно в старой индустриальной экономике, и к новому качеству экономического роста. В соответствии с изменившимися факторами развития должна была меняться и институциональная структура.

Концепция тройной спирали успешно реализуется усилиями стран ЕС в Балтийском макрорегионе. Он может рассматриваться как модель развития региональной кооперации, где могут быть опробованы новые идеи и подходы, которые со временем могут стать образцами лучшей европейской практики. Для этого 10 июня 2009 г. Еврокомиссия утвердила Стратегию Региона Балтийского моря.

Для создания в Балтийском макрорегионе динамичной инновационной зоны, состоящей из относительно небольших стран и инновационных сред разного уровня развития, главы правительств договорились укреплять транснациональное сотрудничество как на политическом, так и на предпринимательском уровне, таким образом, достигается лучшая маневренность, большая региональная связанность и устойчивый экономический рост. Для повышения инновационного потенциала в долгосрочной перспективе регионы должны привлекать инновационные компании и создавать эффективные службы поддержки инновационных технологий.

Иноватика: международный опыт

Ключевым проектом в рамках стратегии стала разработка программы Балтийского макрорегиона по инновациям и системам объединений малых и средних предприятий. Конкретной задачей проекта является содействие транснациональному сотрудничеству в области научно-исследовательской и предпринимательской деятельности, которое охватывает инновационные системы, системы объединений малых и средних предприятий. Эта программа будет способствовать созданию нового образа Балтийского макрорегиона, основанного на интеллекте, исследованиях, инновациях и сотрудничестве, и приведет к наращиванию потенциала, усилению международной конкуренции, увеличению объемов иностранных инвестиций и числа субъектов мирового класса в некоторых стратегических областях. Программа основывается на результатах и рекомендациях проекта BSR INNO-Net (Инновационная сеть Балтийского макрорегиона), завершено в 2009 г. и финансируемого в рамках инициативы PRO INNO Europe.

Однако основным и наиболее глобальным проектом является концепция «пятой свободы». Балтийский макрорегион может существенно улучшить свою экономическую позицию в мировой экономике, развив концепцию так называемой «пятой свободы» ЕС – свободного перемещения знаний (вслед за первыми четырьмя – свободным перемещением товаров, услуг, капитала и граждан), основанную на:

- увеличении международной мобильности исследователей, студентов, ученых и университетского преподавательского состава;
- создании более открытого и конкурентного рынка труда для европейских исследователей;
- облегчении и продвижении использования интеллектуальной собственности, созданной в общественных исследовательских организациях, с целью увеличения трансфера технологий в промышленность;
- поощрении открытого доступа к знаниям и открытым инновациям;

- запуске первоклассных исследовательских площадок нового поколения.

В процесс реализации концепции вовлечены многочисленные структуры макрорегиона. Политики, бизнес и академии договорились эффективно сотрудничать в вопросах определения существующих препятствий и формулировки решений. Балтийский макрорегион фактически реализует концепцию «тройной спирали», однако не на сугубо национальном, а на региональном уровне.

Позволив исследователям, ученым, знаниям и технологиям перемещаться свободно из страны в страну в масштабах региона и создав так называемый Североевропейский Рынок Знаний, макрорегион мог бы получить беспрецедентные инновационные и конкурентные преимущества в масштабе мировой экономики. Концепцию «пятой свободы» предполагается применить сперва в рамках Балтии, а затем, если она докажет свою эффективность, начать ее реализацию в масштабах всего Евросоюза. Концепция «пятой свободы» уже официально включена в новую Лиссабонскую стратегию развития.

Балтийский макрорегион и стратегия его развития представляют одну из первых попыток создания глобальной сети обмена знаниями, инновациями, рабочей силой. Подобная сеть представляет собой новый качественный уровень интеграции. Даже несмотря на то, что стратегия все еще требует практической апробации, России необходимо обратить пристальное внимание на Балтийский макрорегион, ведь сотрудничество с ним и последующая интеграция могут позволить России значительно повысить свою конкурентоспособность и эффективно использовать свой технологический и инновационный потенциал.

В России идет официальная дискуссия о выборе между модернизацией (с целью избавления от ресурсозависимости) и инновационной экономикой. Той политики и тех стратегий, которые можно наблюдать в Северной Европе, в России пока еще нет. Организационная структура регулирования инно-

Иноватика: международный опыт

вационной деятельности в России является централизованной, с сильными элементами ведомственности и формальными горизонтальными взаимодействиями. Координационные органы представляют собой, по сути, усложненные бюрократические структуры, а фактически связи между государством и остальными участниками «тройной спирали» организованы по вертикальному принципу в зависимости от административного ресурса. В целом государство не имеет ясно выраженных критериев перехода к сетевой экономике, что обусловлено отсутствием практического интереса к восполнению провалов рынка в этой области, поскольку доходы государства формируются из других источников.

Российский бизнес пока недостаточно инновационно восприимчив, что проявляется в низкой инновационной активности предприятий с точки зрения объемов, периодичности и результатов проводимых ими НИОКР или тех научных исследований, которые они заказывают у сторонних организаций. Пока общие условия, регулирующие взаимоотношения между государством и бизнесом, не благоприятны для инноваций на любых типах предприятий. Однако тесные пересечения существуют у государства и тех предприятий, в которых значительна доля государственной собственности, и именно эти предприятия пользуются режимом «максимального благоприятствования». Большая часть таких предприятий является сырьевыми, они имеют самые большие возможности лоббирования своих интересов, и ими накоплены уже достаточные ресурсы для того, чтобы развивать инновационную деятельность. Однако перспективы взаимодействия этого сектора с остальными для трансфера технологий невелики.

Особенностью науки в России является относительная изолированность научных организаций и вузов не только от бизнеса, но и друг от друга. Характерно также, что международное сотрудничество в российской науке не очень распространено и сильно локализовано. В целом принципы построения отно-

шений науки и государства практически не претерпели изменений с советских времен. Наиболее тесные связи государства и науки, как и в случае с бизнесом, складываются с государственным сектором науки. Отсутствие общей политики по отношению к инновационной деятельности в целом обуславливает то обстоятельство, что научная компонента в тройной спирали, по сути, является наиболее слабой из имеющихся, с точки зрения ее взаимодействий с другими компонентами. В российской действительности можно выделить только «двойные спирали» отношений четырех основных видов:

1. Государство – фундаментальная наука.
2. Государство – сырьевые отрасли промышленности.
3. Государство – остальной бизнес.
4. Наука – бизнес.

Несмотря на то, что связка наука-бизнес является самой слабой, именно здесь формируются зачатки сетевой экономики. Инициатива исходит из частного сектора – в России формируются не просто отдельные инновационные фирмы, а целые инновационные сети, созданные по образу и подобию европейских сетей. Более того, эти сети активно интегрируются в сети ЕС в контексте рамочных программ, которые являются ключевым инструментом развития науки и экономики ЕС.

Основные задачи совершенно новой и не существовавшей ранее Рамочной программы повышения конкурентоспособности и инноваций (Competitiveness and Innovation Programme – CIP) – стимулировать инновационную деятельность, повысить конкурентоспособность европейского бизнеса, особенно малых и средних предприятий, развивать энергоэффективность и использование альтернативных энергоресурсов, ускорить развитие доступного для всех информационного общества. Ее бюджет составляет 3,6 млрд. евро (как и 7РП, она рассчитана на 2007 – 2013 гг.). В рамках этой программы реализуется ряд инициатив и проектов, в том числе упомянутая выше инициатива

Иноватика: международный опыт

PRO INNO Europe и проект создания новой Европейской сети поддержки предпринимательства (Enterprise Europe Network – EEN).

Важной особенностью программы EEN является то, что в ней предусмотрена возможность участия в сети организаций из третьих стран, однако без финансовой поддержки со стороны ЕС. Для этого организация, представляющая конкурсную заявку, должна продемонстрировать обеспечение ее деятельности в сети со стороны национальных источников. Кроме того, как показывает практика, третьи страны обычно представлены в EEN одним участником, так называемым корреспондентским центром. Это практически впервые открыло потенциальную возможность для российской инфраструктуры поддержки бизнеса и инноваций для интеграции в новую европейскую сеть на равных условиях с соответствующими европейскими организациями. В течение 2007 г. три сетевые российские организации – Союз инновационно-технологических центров России (Союз ИТЦ, координатор), Российская сеть трансфера технологий (RTTN) и Российское Агентство поддержки малого и среднего бизнеса (РАПМСБ) – объединили свои усилия для подготовки заявки на участие в EEN. Вместе они представляют более 100 организаций инновационной инфраструктуры и поддержки малого и среднего бизнеса более чем 40 регионов РФ. В июне 2008 г. Еврокомиссия приняла положительное решение по этой заявке. Российский проект в Европе носит название Gate2RuBIN (Gate to Russian Business Innovation Networks). Данный проект – это шлюз в российскую бизнес-инновационную сеть для европейских партнеров и обратно – в интегрированную европейскую бизнес-инновационную инфраструктуру для России. Общая цель проекта – содействие развитию бизнес-технологической кооперации малых и средних предприятий и научных организаций России и ЕС, приводящей к повышению их конкурентоспособности.

Достижение этой цели предполагает решение в рамках проекта Gate2RuBIN трех глобальных задач:

1. Повышение информированности российских и европейских малых и средних предприятий о законодательных условиях, рынках, возможностях сотрудничества и государственной поддержке международной бизнес-кооперации России и ЕС.

2. Выявление проектов и поиск партнеров для международного технологического сотрудничества на основе постоянного скрининга компетенций и потребностей.

3. Выработка рекомендаций для правительственных структур по улучшению и гармонизации механизмов поддержки международного сотрудничества малого инновационного бизнеса России и ЕС.

Следует отметить, что проект Gate2RuBIN обладает уникальной спецификой, а российский центр EEN значительно отличается от своих европейских партнеров. Традиционный европейский центр EEN – это консорциум организаций, которые непосредственно оказывают услуги клиентам в конкретном регионе. В отличие от него российский центр – объединение структур, которые являются координаторами своих сетей (имеющих национальный характер), входящее в EEN интегрированной сетью.

Работа проекта Gate2RuBIN за 18 месяцев 2008 – 2009 гг. характеризуется следующими ключевыми индикаторами:

- охват клиентов: около 4000 компаний и НИИ;
- предложения для бизнес-кооперации: 225;
- предложения для технологической кооперации: размещенные в европейской базе EEN - 75 (всего подготовлено 223, некоторые в стадии контроля качества);
- выражений интереса к бизнес- и технологическим предложениям (из России/из ЕС): более 500;
- установлено партнерств: 10 (плюс более 15 на стадии переговоров).

Иноватика: международный опыт

Основной результат этой работы – установленные партнерства. На сегодняшний день при содействии центров Gate2RuBIN их клиентами подписано 10 соглашений о партнерстве с европейскими компаниями и научными организациями. Эти соглашения касаются бизнес-кооперации, технологической кооперации, совместного участия в 7РП и задокументированы в соответствии с требованиями EEN. При поддержке центров Gate2RuBIN их клиентами было достигнуто более 80 соглашений о межрегиональном («внутрироссийском») сотрудничестве. Около 1050 клиентов получили от центров индивидуальные консультации по различным вопросам, связанным с трансфером технологий и интеллектуальной собственностью.

Gate2RuBIN – это долгосрочная инициатива развития для центров-участников. Она означает, прежде всего, развитие национальной интегрированной сетевой бизнес-инновационной инфраструктуры, гармонизированной с европейским инновационным пространством. В этом смысле проект имеет ярко выраженную ориентацию на международное сотрудничество. Вместе с тем, как показывает опыт RTTN, работа в рамках международных проектов и сетей значительно повышает профессионализм и качество услуг инновационных центров внутри России, для внутренней сетевой работы, межрегионального технологического сотрудничества.

Предстоящее присоединение России к 7РП в качестве ассоциированного члена, несомненно, повысит важность и внимание к инфраструктуре поддержки участия российских организаций в европейских проектах со стороны государственных органов. То же касается возможного присоединения России к Рамочной программе СІР. Gate2RuBIN – пилотный проект этой программы, который призван отладить механизм подобного широкомасштабного сотрудничества. Реализация этих возможностей зависит от качества работы пилотных центров, координирующей команды проекта, а также эффективности их взаимодействия.

Таким образом, по мнению автора, образование инновационных сетей, их взаимодействие и интеграция с инновационными сетями Европы может существенно поспособствовать преобразованию экономики в России в экономику, основанную на знаниях и инновациях путем технологической и бизнес-кооперации, привлечения иностранных инвесторов, эффективного поиска потребителей инновационных продуктов, установления партнерских отношений с иностранными фирмами-инноваторами, обмена знаниями, учеными и кадрами, а также путем непосредственного участия в Рамочных программах ЕС.

Список литературы

1. Государство, наука и бизнес в инновационной системе России / Дежина И. Г., Киселева В. В. – М.: ИЭПП, 2008. – 227 с.
2. Лукша, О. П. Российская бизнес-инновационная сеть – новый широкомасштабный проект сотрудничества России и Европейского Союза / О. П. Лукша, Г. Б. Пильнов, Д. Б. Рыгалин, А. Э. Яновский // Инновации. – 2008. – № 11. – С. 25–33.
3. Проект Gate2RuBIN [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [2010]. – Режим доступа: <http://www.gate2rubin.ru/>
4. Baltic Sea Agenda «Northern European Knowledge Market – Creating a single market for knowledge in the Baltic Sea Region» [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [2009.]. – Режим доступа: <http://www.bdforum.org/>
6. Competitiveness and Innovation Framework Programme (CIP) [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [2010]. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/cip/>
7. Enterprise Europe Network [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [2010]. – Режим доступа: <http://www.enterprise-europe-network.ec.europa.eu/>
8. State of the Region Report 2009 [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – [2009]. – Режим доступа: <http://www.bdforum.org/>

На пути к новой парадигме мирового хозяйства¹

В. Б. Михайленко,

заместитель директора по экономическому развитию

ООО «Наталка ПРО»,

г. Москва

e-mail: vsei@vsei.ru

On the way to a new paradigm of the world economy

V. B. Mihailenko

Перед мировым сообществом встает проблема парадигмального сдвига. На фундаменте постиндустриального общества зарождается новый универсум. Чтобы определить контуры зарождающегося экономического миропорядка, необходимо выявить основные процессы, в русле которых сегодня происходят трансформации, найти точки их соприкосновения и на основе полученного знания определить направление дальнейшего развития мирового сообщества.

Ключевые слова: мировое сообщество, парадигмальный сдвиг, постиндустриальное общество, экономический универсум, трансформации, развитие.

The world association faces the problem of the paradigm dislocation. A new world is generating on the basis of the postindustrial society. To define the outlines of the generating economic world it is necessary to reveal the main processes directing the modern transformations, to find the contiguity points and on the basis of the knowledge to determine the way of the world society further development.

Key words: world association, paradigm dislocation, postindustrial society, economic world, transformations, development.

Описывая трансформацию мировой парадигмы, нельзя не сказать о позициях Российской Федерации в современном мироустройстве. Какова готовность России с учетом современных тенденций к приходу новейшей парадигмы мирового хозяйства?

В данный момент Российская Федерация имеет следующие показатели развития в сфере ИКТ и инновационной экономики. Индекс развитости ИКТ (The Networked Readiness Index, NRI 2008–2009), опубликованный в ежегодном отчете Всемирного экономического форума совместно с международной бизнес-школой INSEAD на тему конкурентоспособности мировых государств, определяет российскую экономику на 74-е место из 134 стран (лидерами стали Дания, Швеция, США, Сингапур, Швейцария). Оценка измеряет готовность национальной экономики к эффективному использованию ИКТ с учетом

трех факторов: среда развития ИКТ, готовность трех основных сторон (граждан, бизнеса и национального правительства) к эффективному использованию ИКТ и уровень фактического использования ИКТ.

По данным Фонда информационных технологий и инноваций (ITIF), в рейтинге инновационных экономик РФ занимает 35-е место из 40, активность венчурного инвестирования определяется в Российской Федерации 28-й позицией, степень развития бизнес-среды 30-й, активность научных публикаций 33-й, по уровню развития широкополосного доступа и инвестиции в инновации у РФ – 35-я позиция, электронное правительство и климат для бизнеса – 38-е. По некоторым показателям Россия занимает неплохие позиции, как например: уровень высшего образования 1-е место, торговая активность – 3-е место, а научные исследования находятся на 15-м месте².

¹ Окончание. Начало в номере № 3, 2010 г.

² Данные представлены в отчете: «ИТ в органах государственной власти 2009» // На пути к е-правительству. Россия теряет ИТ-конкурентоспособность? CNews Analytics 2009.

Во всех ключевых процессах мирового хозяйства мы не являемся лидерами. Слабые стороны Российской Федерации в реализации геоэкономической доктрины выражаются в отсутствии достаточного опыта оперирования в глобальной экономике. Долгое время наше государство было изолировано от мирового сообщества. Мы пропустили начальные этапы становления экономической интеграции государств и распределения экономических зон влияния. Вышли на сцену, когда баланс сил уже установился, роли распределены, лидеры обозначены. Вдобавок, смута 90-х годов сильно ослабила промышленную мощь России и практически заморозила дальнейшее техническое совершенствование, а предпринимаемые действия основывались на советской интерпретации «международных экономических отношений», в рамках которой не учитывались многие существенные аспекты геоэкономической концепции. В результате национальная экономика Российской Федерации зависла в индустриальных координатах, заняв место мирового сырьевого поставщика, при отсутствии развитой инновационной системы вторичной обработки продукции для извлечения добавленной стоимости в сфере материального и нематериального производства и сфере услуг.

Первичное обращение внимания правительством РФ на необходимость модернизации внешнеэкономической модели было еще в 1996 г. в «Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию». Однако идеи данного обращения не получили дальнейшего развития. Повторное возвращение к концепции геоэкономического оперирования состоялось в октябре 2007 г. на VIII съезде партии «Единая Россия» и отражено в «Плане Путина – достойном будущем великой страны». Одновременно, за время экономических реформ Российской Федерации начатых с распадом СССР, в России сформировалось сообще-

ство ученых, понимающих суть происходящих в мировой экономике трансформаций и отмечающих необходимость структурной перестройки российской экономики. Среди них такие имена, как Э. Г. Кочетов, В. Л. Сельцовский, М. А. Бендиков, В. С. Паньков, Е. Ф. Авдокушин, П. С. Завьялов, М. П. Миронов, О. М. Юнь, Б. М. Смитиенко, Н. Н. Иноземцев, Ф. Г. Пископель, И. Э. Фролов, В. С. Сизов и многие другие. На основе научного материала данных ученых сформирована российская геоэкономическая школа, изучающая вопрос интеграции отечественной экономики в мировое хозяйство.

Последним ярчайшим событием в данном вопросе со стороны правительства России стала статья Президента Д. А. Медведева «Россия, вперед!», опубликованная 10 сентября 2009 г. в интернет-издании «Газета.Ru» и последующее за ней Послание Президента к Федеральному Собранию Российской Федерации, состоявшееся 12 ноября 2009 г. Еще существует «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации», утвержденная Президентом РФ В. Путиным 7 февраля 2008 г., ФЦП «Электронная Россия», существующая с 2002 г. и идущая ей на смену долгосрочная целевая программа «Информационное общество» до 2018 г.

Как видно, вопрос о необходимости формирования новой концепции внешнеэкономической деятельности с учетом доминирования геоэкономической концепции, развития информационно-коммуникационных технологий и инновационной экономики сдвинулся и набирает остроту. Для его исполнения необходимо решить ряд существенных проблем, вызванных отсталостью национальных секторов экономики от общемировых стандартов.

В сфере ИКТ Россия обладает квалифицированными специалистами, по профессионализму не уступающими мировым лидерам в данной сфере. Однако на рынке ИКТ для бизнеса, который сегодня является на-

и более емким и динамично развивающимся среди всех секторов ИКТ, российские компании не заметны. Это связано с недостатком опыта работы с иностранными компаниями, непониманием их нужд, специфики бизнеса и международного законодательства, а также узнаваемости отечественных компаний на мировой арене. Российские ИКТ-компании на практике не знакомы со спецификой геоэкономической деятельности и не могут предложить востребованных решений для нужд ТНК. Также серьезную конкуренцию России оказывают развивающиеся страны (Индия, Китай, Филиппины, Бразилия), которые уже достаточно продолжительное время присутствуют на мировом рынке, имеют некоторый опыт, известность и заняли свою нишу в сферах оффшорного программирования и производства комплектующих для микроэлектроники. При этом уровень оплаты программиста или рабочего завода в данных регионах в полтора два раза ниже, чем в России, что дает им ценовое конкурентное преимущество. В такой ситуации российская ИКТ-отрасль оказалась меж двух огней. С одной стороны, мы не можем выходить на высокотехнологичный рынок ИКТ-услуг в связи с отсутствием необходимого опыта работы в данной сфере и наличия готовых к внедрению технологических инноваций. С другой стороны, ниша оффшорного программирования и производство комплектующих на основе чужих инновационных технологий уже занята, и конкуренция в данном секторе достаточно проблематична для российских предприятий. В данных условиях единственно возможным выходом может стать господдержка отечественных ИКТ-компаний в направлении лоббирования вовлечения их в международные сделки с участием Российской Федерации. При таком исходе российский ИКТ-сектор сможет получить необходимый опыт, технологии и известность на мировом рынке.

В НИОКР благодаря накопленному в период СССР научному потенциалу Российская Федерация до сих пор среди стран-лидеров в данной сфере. В России сосредоточено 10-12% мирового научного потенциала, по количеству ученых на душу населения РФ находится на третьем месте, уступая Японии и США, но при этом доля России в выпуске наукоемкой продукции составляет всего 0,3% от общемирового объема (в США данный показатель равен 15%). Большая часть нашего «умного богатства» формализована в фундаментальных теориях, которые в современных условиях, при отсутствии формулы их коммерческого применения воспринимаются как «полуфабрикат». В стране практически полностью отсутствует структура коммерциализации знания. Нет отлаженной модели взаимодействия коммерческого капитала со структурами НИОКР для трансформации накопленного знания в инновацию. В результате доля инновационной продукции в общем объеме промышленных товаров Российской Федерации равняется 7% (для сравнения в Португалии более 37%, в Финляндии – 58%). Инвестиции в инновации составляют менее 1% ВВП, тогда как в странах «большой восьмерки» – в среднем 2,2% (Япония – 3,2%). Также стоит отметить устаревшую систему государственного финансирования НИОКР. Например, в США научно-исследовательские разработки только на 5% оплачены государством, а на 95% – коммерческими структурами, тогда как в России ситуация абсолютно противоположна¹.

Понятно, что в данный момент во всех ключевых процессах, формирующих новый мировой порядок, Российская Федерация находится в роли догоняющих, но при этом сохраняя хороший задел на второе дыхание, с помощью которого можно совершить рывок в лидеры гонки.

¹ Статистические показатели были представлены на CNews Forum 2008 и опубликованы: «Четыре пути оптимизации в условиях кризиса» // CNews 2008, декабрь, № 12/41. С. 16–22.

Теоретические аспекты

Постиндустриальной парадигме, с учетом влияния вышеописанных процессов, присущи следующие аспекты.

Глобальность. Все процессы, которые сегодня происходят, имеют свое распространение практически на все территории и государства. Мировая экономика представляет собой наднациональный организм, образованный тесными экономическими сплетениями национальных и транснациональных интересов. Внутри этого организма все взаимосвязано и взаимозависимо.

Геоэкономика. Экономические интересы, распространяющиеся поверх национальных границ, определяют решающее значение в формировании глобального экономического ландшафта.

Корпоративность. Основными субъектами в глобальной экономике выступают государства, корпорации и международные институты. При этом самыми активными по степени участия в глобальной экономике и степени влияния на геоэкономическое пространство являются корпорации. В координатах виртуальной экономики корпорации выступают не только как носители геоэкономических интересов, но также становятся виртуальными «правительствами/государствами», объединяющими вокруг себя сетевые сообщества.

Информационность. Основной ресурс современной экономики – информация, которая одновременно объект массового потребления и важный экономический ресурс. Эффективная работа с информацией – фундаментальный источник конкурентоспособности и власти в мировой экономике¹.

Сетевые коммуникации. Основой эффективности геоэкономических взаимодействий выступает возможность беспрепятственного обмена информацией через структуру, построенную на сетевом принципе организации.

Постоянство времени. В едином виртуальном пространстве существует одно время для всех. Специфика разделения времени, присущая территориально разделенному пространству, более не существует. Информационные потоки, отражающие геоэкономические (также социальные, культурные, политические) процессы постоянны и непрерывны. Они не кончаются и не приостанавливаются. Один поток замещается другим или же один поток входит в другой.

Инновационность. Знание, формализованное в инновацию, – неотъемлемое составляющее производственного процесса. Конкуренция на мировых рынках требует непрерывности инновационного совершенствования. Под влиянием идеологии экономики знания происходит ускорение инновационного обновления мировой экономики.

Скорость. ИКТ позволяют осуществлять множество функций одновременно и взаимосвязанно. Процесс, который раньше требовал длительное время на завершение полного цикла, сегодня может осуществляться в доли секунды. Данный феномен имеет глобальный характер, ускоряя как отдельные геоэкономические процессы, так и мировую экономику в целом.

Сервисность. Приоритетным направлением извлечения прибыли взамен материального и нематериального производства стало предоставление сервисов. Наиболее совершенными являются инновационные сервисы, позволяющие дополнительно извлекать интеллектуальную ренту.

Труд. На основе ИКТ организация может привлекать работников по всему миру, используя трудовые ресурсы в регионах с наиболее выгодными условиями. В результате возникла глобальная конкуренция трудовых ресурсов в сферах нематериального производства и в сфере услуг. При этом для компании исчезла необходимость раздувать штат сотрудников на случай боль-

¹ См. Подробнее: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура (Пер. с англ. под научн. ред. О. И. Шкаратана). М.: ГУ ВШЭ, 2000.

шого количества работы, а привлекать необходимый персонал по требованию, на определенный период, когда необходимы дополнительные трудовые ресурсы. Сам сотрудник может одновременно работать в нескольких компаниях и, тем самым, более продуктивно использовать личное время.

Управляемость. Достаточно компьютера и выхода в сеть, чтобы контролировать и управлять неким геоэкономическим процессом, совокупностью процессов или всей воспроизводственной цепочкой. ИКТ предоставляют такие качества, как прозрачность деятельности, возможность комплексного мониторинга и контроль.

Информационно-сетевые координаты. Субъекты мирового хозяйства и само мировое хозяйство трансформируются по идеологии ИКТ. Субъекты мирового хозяйства трансформируются в сетевые виртуальные организации. Геоэкономическая деятельность осуществляется в информационно-сетевом виртуальном пространстве. Мировая экономика, мировой универсум перетекает в координаты информационной сетевой виртуальной парадигмы.

Все три описанных процесса в равной степени важны в формировании парадигмы постиндустриального общества. Однако специфика влияния, оказываемая данными процессами, различается по сути. Как было сказано, первым процессом, который активно участвовал в трансформации международных экономических отношений, является глобализация, начавшаяся с экономической интеграции и интернационализации. Результатом стало появление глобальной экономики, которая определяет связанность и единство совокупности национальных хозяйств и, как следствие, доминирование геоэкономических интересов. В данный момент в силу политических, законодательных или иных причин, не подключенным в глобальный воспроизводственный цикл остается небольшое количество стран, которые в случае благоприятных условий могут быть в кратчайшие сроки вов-

лечены в координаты геоэкономического пространства. Фактически глобализация, как фаза формирования пост-индустриального общества, в настоящий момент завершена. В рамках образовавшегося наднационального геоэкономического пространства активно протекают уже другие процессы иной направленности.

Знание, являясь неотъемлемой составляющей конкурентоспособности, также занимает важное место в модели постиндустриальной экономики. Однако радикальные инновации, которые способны повлиять на мироустройство, возникают не слишком часто, а их появление еще не означает значительных трансформаций мировой парадигмы. Распространенные сегодня инкрементальные инновации, конечно, ускоряют приход и количество радикального знания, однако основное их назначение – постоянное непрерывное совершенствование объекта (процесса, товара, услуги), на который они нацелены. Из чего следует, что главное влияние «концепции знания» на мировую экономику выражается в ускорении темпов последовательного нерадикального технологического обновления. Сообщения о появлении новых технологий, новых товаров и новых услуг сегодня приходят практически каждый день. Также повсеместное использование аналитических приложений (информационных технологий накопления и обработки данных) вкупе с бизнес-приложениями (системами, опосредующими бизнес-функции) ведет к постепенной автоматизации деятельности компании и снижению присутствия человека в этом процессе. По факту – это направление создания искусственного интеллекта в бизнесе. В случае если такое произойдет, то это будет являться той радикальной инновацией, которая изменит мировую парадигму. Однако в ближайшее время такое вряд ли осуществимо.

Что касается аспектов информационного общества, то под влиянием ИКТ происходит трансформация субъектов мирового

хозяйства (корпораций, государств, международных институтов) и самого мирового хозяйства в направлении комплексной информатизации и использования сетевых моделей организационной структуры с целью взаимодействия на базе информационного обмена. Геоэкономическая деятельность осуществляется через функциональные приложения, которые взаимодействуют между собой в сетевом виртуальном пространстве. Корпорация, освоившая комплексную интеграцию и автоматизацию своих функций на ИКТ, становится одним целым, независимо от регионального распределения экономических интересов. Через виртуальную экономику и своего виртуального клона организация действует в реальной геоэкономической среде, которая в свою очередь является наднациональным (надтерриториальным) пространством, местом для размещения которого больше всего подходит также виртуальная среда. Соответственно, вместе с основными субъектами мирового хозяйства виртуальная среда стала местом для геоэкономического пространства и глобальной экономики в целом. Процесс непрерывного усовершенствования (инновационного внедрения) стал также возможен благодаря коммуникациям и информационным технологиям. В некоторой мере он является частью парадигмы информационного общества. Также под влиянием идеологии информационного общества претерпели изменение такие аспекты, как труд, управляемость, время и др.

Можно сделать вывод, что основные радикальные изменения в мировом хозяйстве происходят в данный момент по идеологии ИКТ, и в ближайшее время мы будем наблюдать именно влияние процесса информатизации.

Соотнесение процессов глобализации, эволюции НИОКР и информатизации показывает, что многие существующие сегодня концепции вышли за рамки постиндустриального общества. Например, экономика знаний, которая предполагает иную модель

извлечения выгоды с применением инноваций, не рассматриваемая в рамках постиндустриальной парадигмы. Сервисная экономика, оставляющая позади сферу материального и нематериального производства как основных источников формирования мирового дохода с переориентацией на предоставление сервисов. Информационное общество с его аспектами и происходящие в данный момент под влиянием его идеологии трансформации привычных категорий (время, труд, структура организации, управление, коммуникации и т. д.) никак не вписываются в координаты постиндустриальной парадигмы в том виде, в каком она была сформулирована изначально. В этом случае необходимо либо пересмотреть понятие постиндустриального общества, расширив его концептуальную составляющую, либо принять тот факт, что мы приближаемся к новой модели мироустройства.

Индустриальное и постиндустриальное общества не имеют значительных радикальных отличий, позволяющих их разделять по парадигмам мирового развития. Постиндустриальный капитализм является естественным продолжением индустриального, с некоторыми корректировками и эволюционными подвижками. В таком контексте постиндустриализм представляется переходной стадией от индустриализма на пути к новой парадигме мирового хозяйства.

Результатом анализа системы мирового хозяйства является модель постиндустриального общества и возможное направление его дальнейшего развития, представленная на рис. 4.

Модель состоит из двух контуров: 1) основополагающих процессов (глобализация, информатизация и эволюция НИОКР) и 2) производных данных процессов в экономической формации (геоэкономика, сетевое взаимодействие, инновационность). В результате «вращения» контуров относительно друг друга формируется «космос» миро-

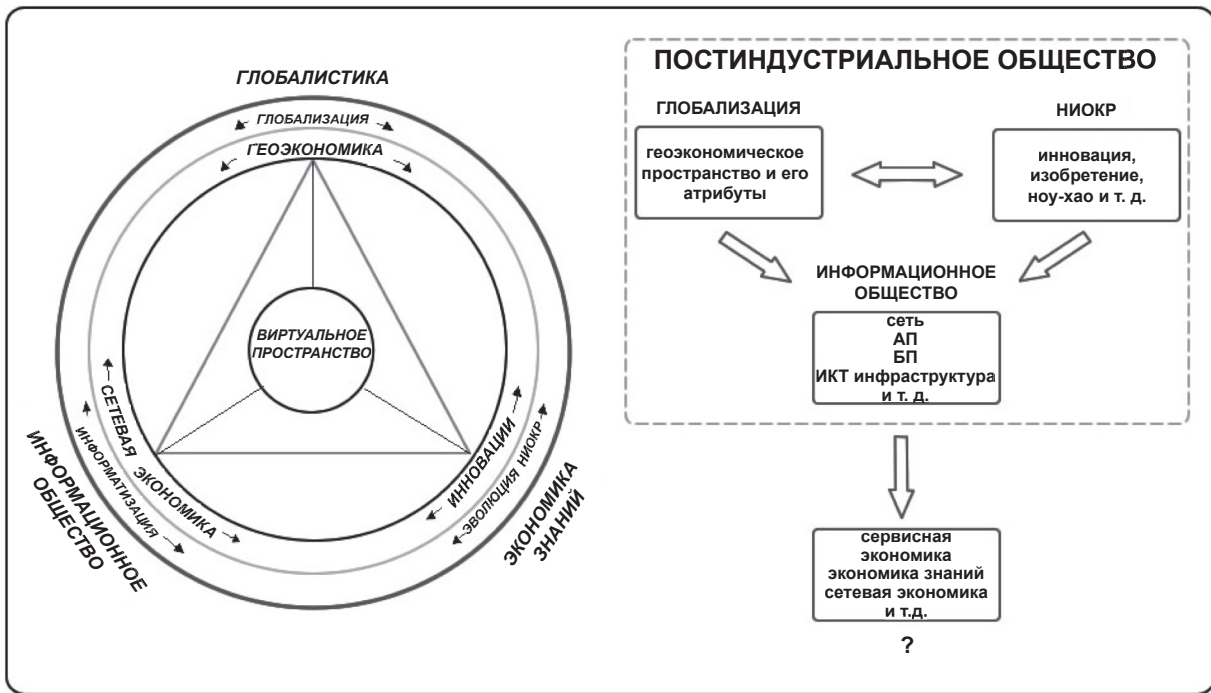

Рис. 4. Синкретическая модель мирового хозяйства и направление дальнейшего развития

вой экономики: остальные составляющие аспекты постиндустриальной парадигмы. Кульминацией развития постиндустриальной модели мировой экономики является формирование виртуального пространства, которое в итоге впитывает и объединяет в себе те же основополагающие процессы мировой системы – глобализацию (геоэкономическое пространство), эволюцию НИОКР (инновации) и информатизацию (сетевые взаимодействия). Основным источником фундаментальных изменений при этом являются аспекты идеологии информационного общества. Под их влиянием в мировой экономике рождаются концепции, выходящие за рамки постиндустриальной парадигмы (сервисная экономика, экономика знаний, сетевая экономика, клиентоориентированность и др.), основанные на одновременном использовании информации как основного экономического ресурса и продукта потребления.

Фундаментом радикальных трансформаций является симбиоз глобализации и НИОКР, опосредованные через призму информационного общества. ИКТ выступает

именно как механизм, опосредующий геоэкономические взаимодействия с присоединением инновационной составляющей. Если в настоящее время знание и геоэкономическая доктрина занимают важнейшее значение в стратегии освоения мировой экономики, то решающую роль в развитии данных процессов играет ИКТ. При этом информационное общество является источником фундаментальных изменений не только на уровне мировой экономики, но и для всего мирового универсума.

Кроме информатизации, в активной стадии развития сегодня находятся процессы, связанные с экономикой знания. Принимая во внимание тот факт, что знание и информация непосредственно связаны, существует вероятность дальнейшего развития мирового хозяйства под синергетическим влиянием информационных технологий и экономики знания.

Аналитические приложения используются для генерирования инноваций. Некоторые инновации генерируются автоматизированно. Другая сторона инновации – это прогноз. Прогноз того, куда движется и как

изменится тот или иной процесс в перспективе. В соответствии с данным прогнозом создается инновация – метод подстройки под обстоятельства. Сегодня информация распространяется по всей планете в одно мгновение. Стоит чему-то случиться – как через небольшой промежуток времени об этом становится известно во всем мире. Однако в данный момент информация все еще следует за объектом, и в этом заключается фундаментальный критерий нашего общества. С развитием возможностей информационных технологий, возможностей вычислительных мощностей и усовершенствованием алгоритмов обработки информации, применяемыми аналитическими приложениями, прогнозы, сделанные ими, становятся все точнее. Новая парадигма мирового хозяйства и мироустройства начнется в тот момент, когда прогнозы, сделанные аналитическими приложениями, будут в подавляющем большинстве сбываться (особенно в долгосрочной перспективе). В тот момент фундаментальная основа мироустройства радикальным образом изменится на противоположенную – информация пойдет впереди объекта. Что и будет являться критерием новой эпохи.

* * *

Основным источником фундаментальных изменений мировой экономической парадигмы выступают информационно-коммуникационные технологии. Сегодня деятельность ТНК опосредована через ИКТ на 80%, что говорит о практически завершённой фазе активного развития информатизации. В ближайшее время нам предстоит либо стать свидетелями зарождения новой концептуальной парадигмы, либо в рамках существующей концепции информационного общества мы найдем адекватную форму адекватно меняющемуся миру.

Основной фундаментальный актив мировой экономики – коммуникации и информация – находится в прямой зависимости от технологической базы. В ближайшее время планируется выпустить на рынок 256 ядерные процессоры (в данный момент для массового производства число ядер ограничивается восьмью), что совершит очередную технологическую революцию в процессе обработки и передачи информации. И потому, возможно, уже завтра мы проснемся в новом мире!

Китайско-африканские отношения: ресурсы и политика

Р. И. Томберг,

аспирант Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН,

г. Москва

E-mail: itomberg@mail.ru

Chinese-African relationship: resources and policy

R. I. Tomberg

В статье рассматриваются механизмы политического и торгово-экономического сотрудничества КНР со странами африканского континента на современном этапе. В центре внимания – взаимодействие в области разработки энергоносителей. Дается оценка преимуществ, недостатков и перспектив китайско-африканских отношений.

Ключевые слова: КНР, Африка, экономика, торговля, энергоресурсы, инвестиции, международные организации, Всемирный банк, ООН, нефть, высокие технологии.

The article examines the mechanisms of PRC political and trade-economical collaboration with the African countries on the modern stage. In the focus is interaction in the field of power repositories. The author gives his estimation of the Chinese-African relationship advantages, disadvantages and perspectives.

Key-words: PRC, Africa, economics, trade, power resources, investments, international organizations, World Bank, UNO, oil, high technologies.

Второй год глобальной экономической рецессии Китай преодолел успешнее, чем все остальные страны мира. КНР продемонстрировала уверенный рост ВВП в 2009 г.: китайская экономика перевыполнила правительственный план (рост на 8%), увеличившись на 8,7%, причем в IV квартале темпы роста ускорились с 9,1% до 10,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹. Согласно прогнозам Всемирного банка, увеличение ВВП КНР в 2010 г. составит 9%².

Российские эксперты уверены, что Китай не только успешно вышел из кризиса, но и существенно упрочил свои позиции в мировой экономике. «Китай не только уверился в своей способности выдерживать удары мирового кризиса, но и попытался использовать ситуацию для укрепления своих экономических и на их основе политических позиций. Китай вбросил больше \$300 миллиардов в мировые финансы по

разным каналам. Всё это приводит к тому, что Китай становится видимым, значимым. У Китая появляются глобальные интересы», – считает заместитель директора ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН В. Михеев³.

В связи с этим актуален анализ крупных сдвигов в мировой экономике и политике, связанных с новой ролью Китая. Исключительно динамичный и продолжительный подъем китайского хозяйства в силу его масштабов (в реальном выражении на эту страну приходится около 25% мирового промышленного производства, китайская экономика обошла японскую и заняла второе место в мире после США)⁴ создал беспрецедентную ситуацию в глобальной экономике. Современный Китай оказывает значительное, в ряде случаев решающее, воздействие на состояние отдельных товарных рынков, международные транспортные и финансовые потоки.

¹ «Ведомости», 22.01.2010.

² «Деньги», № 3 (758), 25.01.2010.

³ «Голос России», 03.03.2010.

⁴ «Жэньминь жибао», 22.01.2010.

Неизменно высокая динамика и устойчивость хозяйственного роста в КНР проявляются, помимо прочего, в быстром наращивании внешнеэкономических связей – тенденции, особенно заметной в новом веке. Одной из движущих сил данного курса правомерно считают угрозу сырьевого и топливного голода.

Стремительное нарастание валютных резервов КНР (их объем по итогам I квартала 2010 г. достиг \$2,5 трлн.)¹ обостряет необходимость масштабного поиска новых сфер их приложения. Как полагает директор Института мировой экономики и политики АОН Юй Юндин, «Китай вполне в состоянии и должен расширить прямое инвестирование в Азию, Африку и Латинскую Америку. Инвестирование средств Китаем в строительство инфраструктуры большинства развивающихся стран имеет большой потенциал. Кроме того, в настоящее время существует хорошая возможность для приобретения зарубежных компаний китайскими предприятиями»².

Глобальный финансовый кризис только благоприятствовал реализации этой стратегии: пострадавшие от глобальной рецессии и сильно нуждавшиеся в деньгах западные акционеры были вынуждены продавать китайцам свои доли в добывающих компаниях. Китайские компании потратили в 2009 г. \$60 млрд. на скупку зарубежных добычных активов, углеводородов и цветных металлов³. Если на протяжении нескольких предыдущих десятилетий КНР активно использовала собственные недра, чтобы обеспечить высокий уровень производства, то отныне китайские предприятия смогут в возросшей степени работать на импортном сырье. Китайская нефтегазовая компания с ограниченной ответственностью PetroChina (дочерняя компания государственной China National Petroleum

Corporation (CNPC) намерена в течение ближайших 10 лет направить до \$60 млрд. на разработку зарубежных нефтегазовых месторождений с целью довести ежегодную добычу нефти и газа до 200 млн. тонн в нефтяном эквиваленте⁴. Инвестиционные планы PetroChina могут быть расценены как начало нового витка экспансии Китая на международные энергетические рынки. С 1992-го по 2009 г. китайские нефтяные компании инвестировали в свое развитие \$44,4 млрд., причем львиная доля – \$25,4 млрд. – пришлась на PetroChina; \$12,6 млрд. потратила Sinopec, еще \$3,4 млрд. – CNOOC⁵. При этом в последние годы приоритет все ощутимее отдается международному направлению. Летом 2009 г. Sinopec сделала две крупные инвестиции, купив Addax Petroleum за 8,9 млрд. долл. и Angola Block – за \$1,3 млрд. В общей сложности начиная с декабря прошлого года китайские нефтяные компании инвестировали за рубеж не менее \$13 млрд.

Согласно провозглашенной стратегии в качестве первого шага Пекину необходимо расширять свое влияние на мировых сырьевых рынках. Этот шаг является продолжением политики интенсификации ТЭК, начавшейся в 2000-х гг. С начала века КНР стала позиционировать себя как серьезного игрока на мировом рынке энергоресурсов. Вовлечение крупнейшей экономики в международные рыночные процессы в области ТЭК в том числе способствовало глобальному росту цен на нефть и газ. Последние данные МЭА свидетельствуют о высоком уровне интеграции Китая в мировую энергетику. По данным экспертов агентства, Поднебесная за 2009 г. потребила 2,252 млрд. тонн нефтяного эквивалента (угля, нефти, газа и электроэнергии), обогнав лидера прошлых лет США примерно на 4%⁶. Официально Китай не согласился с такой оценкой однако

¹ Пресс-релиз Народного банка Китая, 12.04.2010.

² People's Daily, 04.03.2009.

³ www.energytribune.com, 15.04.2010.

⁴ EnergyLand.info, 15.05.2010.

⁵ RBC Daily, 30.03.2010.

⁶ РБК, 30.07.2010.

иной статистической информации не предложил. Вместе с тем в связи с неуклонным ростом спроса на нефть зависимость КНР от импортной нефти в I полугодии 2010 г. увеличилась до 55,14%.

Одной из первоочередных целей экспансии китайских сырьевых компаний становится богатая разнообразными ресурсами Африка. Благодаря определенным механизмам взаимодействия (строительство крупных объектов, инфраструктуры, развитие всестороннего сотрудничества по государственной линии, обмен делегациями на высоком уровне) КНР заняла нишу, освободившуюся после ухода из Африки СССР. Об этом свидетельствует и совпадение временных рамок – товарооборот Китая со странами Африки (по оценкам самих китайцев) с 1991 г. по 2000 г. возрос в 6 раз – до \$10 млрд., в то время как товарооборот России за этот период сократился¹.

В конце марта 2010 г. китайская компания Sinopet объявила о приобретении за \$2,5 млрд. 55% в проекте по добыче нефти на шельфе у берегов Анголы — Sonangol. Это приобретение необходимо Sinopet для увеличения добычи нефти. 45% этого месторождения уже принадлежат китайской компании China Sonangol International Holding. Вместе с этим с начала 2010 г. КНР повысила закупки нефти в Анголе на 75% – до 880.000 баррелей в сутки². Это позволило африканской стране обогнать Саудовскую Аравию и стать крупнейшим поставщиком данного топлива в Китай в первой половине 2010 г.

Сотрудничество в области добычи ресурсов закономерно сказывается на общих показателях торговли с африканскими странами. С 2000-го по 2008 г. товарооборот между КНР и Африкой вырос в несколько раз и достиг \$107 млрд.³ Таким образом, Китай стал вторым торговым партнером афри-

канского континента после США⁴. А прямые иностранные инвестиции КНР в африканские страны по итогам 2008 г. достигли \$5,49 млрд., то есть почти 9,8% всех зарубежных инвестиций Китая пришлось на Африку⁵.

Экономика и политика

За экономикой следует политика. Несмотря на то что дипломатические связи и экономическое сотрудничество Китайской Народной Республики с государствами Африки имеют уже более чем полувековую историю, уровень отношений, достигнутый за последнее десятилетие, можно без преувеличений назвать беспрецедентно высоким, а их характер – всесторонним, многоступенчатым и многоотраслевым. Из 53 стран континента 49 имеют дипломатические отношения с КНР, причем с Сенегалом, Чадом и Малави они были установлены в 2005, 2006 и 2008 гг. соответственно. На сегодняшний день только 4 африканских государства официально признают суверенитет Китайской Республики (Тайвань): Буркина-Фасо, Гамбия, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд.

Одним из ключевых механизмов китайско-африканского взаимодействия стал форум сотрудничества Китай-Африка, в состав которого помимо КНР входят все 49 африканских стран, имеющих дипломатические отношения с Пекином. Целью создания инициированного китайской стороной форума стала централизация и укрепление политических и экономических связей, проведения коллективных консультаций, многостороннего диалога и взаимовыгодного сотрудничества между развивающимися странами по модели Юг-Юг. Первый форум стартовал в Пекине в октябре 2000 г. при участии делегаций из 44 стран Африки. Второй по счету форум прошел в Аддис-Абебе три года спустя.

¹ Дегтерев, Д. Китай-Африка: важные аспекты отношений // МЭиМО, № 5, 2005. – С. 84.

² Reuters, 21.07.2010.

³ The Washington Post, 09.11.2009.

⁴ The Economist, 15.10.2009.

⁵ Жэньминь жибао, 02.11.2009.

Если первые две встречи были посвящены разработке и принятию Декларации Форума сотрудничества Китай-Африка и Программы китайско-африканского сотрудничества в области экономического и социального развития, то в ноябре 2006 г. в Пекине стороны перешли к практической составляющей взаимодействия.

В соответствии с принятой программой развития экономических связей до 2009 г. Китай предоставил странам Африки льготные кредиты на сумму \$3 млрд., экспортные кредиты на \$2 млрд., а также создал фонд содействия китайским инвестициям в размере \$5 млрд. Кроме того, Китай пообещал списать долги в размере \$1,3 млрд. 33 беднейшим странам континента (и сделал это к началу 2007 г.), постепенно открыть свои рынки для африканских товаров (впрочем, преимущественно сырьевых), а также обучить в китайских вузах 150 тыс. студентов из африканских стран¹. Для сравнения, в том же 2006 г. Всемирный банк выделил на нужды всех африканских стран к югу от Сахары более скромную сумму – лишь \$2,3 млрд.² Пекинский саммит заложил основы китайско-африканского стратегического партнерства нового типа, ориентированного на равенство и взаимодоверие в политике, взаимовыгодность и общие преференции в экономике, взаимное обогащение культур, дал мощный импульс развитию сотрудничества в таких областях, как сельское хозяйство, инвестиции, торговля, финансы, инфраструктурное строительство, энергетика, ресурсы, наука и техника.

Дальнейшие планы китайских вливаний в африканскую экономику были озвучены членами китайской делегации, возглавляемой премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао, во время 4-го форума китайско-африканского сотрудничества, который прошел в ноябре 2009 г. в египетском курортном городе

Шарм аль Шейх. Пекин пообещал выделить \$10 млрд. льготных кредитов, создать фонд с уставным капиталом в \$1 млрд. для кредитования средних и мелких африканских компаний³. Кроме того, Китай решил ввести нулевую пошлину для 95% товаров из беднейших стран Африки, а также списать долги самым безнадежным должникам континента. Гуманитарная программа сотрудничества предполагает предоставление медицинского оборудования на \$73 млн. 30 больницам, строительство 50 школ и сооружение 100 объектов по производству «чистой» энергии из возобновляемых источников⁴.

В обмен на эти вложения китайские компании получают эксклюзивные права доступа к минеральным ресурсам, а также выгодные контракты на возведение объектов инфраструктуры в ряде африканских стран. В условиях крайне нестабильного положения доллара в конце 2009 г. для КНР, держащей значительную часть своих резервов (\$2,4 трлн.⁵) в американских ценных бумагах, инвестиции в экономику африканских стран стали удачным антикризисным решением.

Все эти планы и уже осуществляющиеся проекты свидетельствуют о том, что африканское направление внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности КНР приобрело стратегическое значение, становится важным фактором глобальной политики и мировой экономики⁶.

Важно отметить, что Китай, во-первых, не ожидает сверхсрочных дивидендов от инвестиций в Африку, а во-вторых, не предъявляет политических требований к своим кредиторам. Инвестиции часто идут напрямую центральным правительствам; большая их часть идет на оплату услуг китайских же компаний (которые обеспечивают реализацию инвестиционных программ по инфраструктуре, строительству, геологоразведке и

¹ China Daily, 7.12.2006

² Engdahl, F. William «China and USA in New Cold War over Africa's Oil Riches» // www.globalresearch.ca 20.05.2007,

³ ИА Синьхуа, 09.11.2009

⁴ The New York Times, 09.11.2009

⁵ РБК, 15.01.2010

⁶ Север - Юг - Россия 2007: ежегодник. Отв. ред. В.В. Сумский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 226-233.

т. д.) и закупку китайских товаров и технологий. Подобная схема очень выгодна КНР. Странам-партнерам же достается практически бесплатная инфраструктурная база и доступ к высоким технологиям. Однако местные компании лишаются значительной части прибыли (так как заказы получают китайские компании), а население не получает должного количества рабочих мест.

Китай нуждается в Африке как в политическом, так и в экономическом плане. После «холодной войны», несмотря на тенденцию понижения регионально-политического статуса самого африканского континента, значение Африки в дипломатической стратегии КНР только усилилось. В таких вопросах, как ситуация в Тибете, права человека, вступление в ВТО и реформирование ООН, Китай всегда получал мощную поддержку африканских стран. С момента основания Китайской Народной Республики Африка была важнейшей площадкой для мероприятий китайской дипломатии. Как отмечает китайский исследователь Чжоу Гуантай, «история и практика подтверждает, что большинство африканских государств – истинные друзья КНР, развитие африкано-китайских отношений имеет огромное стратегическое значение для повышения международного влияния Китая и укрепления его дипломатических позиций»¹. Тем не менее, в 21 в. стратегия КНР на континенте приобрела больший рыночный прагматизм: политическая составляющая китайско-африканских отношений уступила пальму первенства экономической.

Суммарные нефтяные резервы африканских стран – 16,6 млрд. тонн², что составляет 10% общемировых запасов. По этому показателю Африка уступает лишь Ближнему Востоку и Евразии. При этом новые месторождения открываются ежегодно. Лидеры по доказанным запасам нефти – Ливия (5,7 млрд. тонн), Нигерия (4,8 млрд. тонн),

Ангола (1,8 млрд. тонн), Алжир (1,5 млрд. тонн), Судан (0,9 млрд. тонн).

Газовые ресурсы африканского континента значительны. Они насчитывают 14,65 трлн. куб. м³, что составляет 7,9% запасов мировых запасов. По доказанным запасам природного газа Нигерия и Алжир (5,22 и 4,5 трлн. куб. м соответственно) во всем мире уступают лишь России (43,30 трлн. куб. м), Ирану (29,61 трлн. куб. м), Катару (25,46 трлн. куб. м), Туркменинии (7,94 трлн. куб. м), Саудовской Аравии (7,57 трлн. куб. м), ОАЭ. (6,43 трлн. куб. м).

Необходимо отметить, что в сфере энергетики КНР является крупным партнером таких африканских стран, как Ангола, Судан, ДР Конго, Нигерия, Экваториальная Гвинея и Чад. В 2008 году более 60% экспорта африканских стран в КНР приходится на энергоносители, еще 13% – на неэнергетическое минеральное сырье⁴. Около 30% импорта нефти в КНР поступает из Африки. В 2006 году Ангола, обогнав Саудовскую Аравию, стала основным поставщиком нефти в КНР⁵.

Впрочем, очевидно, что углеводороды являются не единственным африканским сырьем, в котором нуждается Китай. Интерес также представляют руды и металлы: железо, цинк, кобальт, медь, уран и бокситы, которые импортируются из Замбии, Зимбабве, ЮАР, ДР Конго, Мавритании, Габона и Марокко. Несмотря на то что сам Китай располагает значительными запасами цветных металлов, большинство китайских месторождений – это бедные и не приспособленные к искусственному обогащению руды. Разрыв между ростом спроса на цветные металлы в силу бурного промышленного роста КНР и предложением в силу сокращения внутренних запасов может вызвать серьезную проблему для экономики страны. В 2007 г. экономика КНР потребляла 30% добываемого в мире

¹ Чжоу Гуантай, «Заметки о китайско-африканских контактах». Пекин, 2003. С. 136.

² BP Statistical Review of World Energy Report 2009. С. 6.

³ BP Statistical Review of World Energy Report 2009. С. 22.

⁴ «Африка и Китай», Оpec.ru, 14.10.2009.

⁵ «Синьхуа» ИА, 15.12.2006.

цинка, 25% свинца, 22% меди, 27% стали и 25% алюминия, и эти показатели постоянно растут¹.

Древесина, ввезенная из Габона, Камеруна, Сьерра-Леоне и ДР Конго, является основным сырьем для китайской мебельной и бумажной промышленности. Китай – крупнейший покупатель табака из Зимбабве, ведущей статьи экспорта в стране². Фрукты и рыба из Западной и Центральной Африки также являются для КНР крупной статьей импорта.

Значение, отведенное Африке в концепции энергобезопасности КНР, на данный момент уступает странам Персидского залива, Центральной Азии и России. Однако в плане продовольственной безопасности континент играет ключевую роль. Притом, что в стране проживает 22% мирового населения, на Китай приходится лишь 7% от общего объема пахотных земель. В последнее десятилетие в силу экономического и социального развития жители КНР стали больше и лучше питаться. Так, среднестатистический китаец стал потреблять в два раза больше мяса и на треть больше зерновых³. Решение этой проблемы власти Китая видят в аренде земельных угодий для выращивания риса за границей, главным образом в Африке. С 1995 г. китайские компании развивают сельскохозяйственную инфраструктуру таких стран, как Мозамбик, Танзания, Малави, Ангола и Гвинея-Биссау. К концу 2008 г. подобных проектов насчитывалось 72, а китайские инвестиции в эту сферу достигли \$134 млн.⁴. Несмотря на критику со стороны западных природоохранных организаций, в целом китайские инвестиции эффективно решают вопросы продовольственной безопасности в самих африканских странах. Правительство Сенегала, столкнувшееся в 2008 г. с рядом волнений, причиной которых стал голод,

выразило заинтересованность в сотрудничестве с КНР в аграрной сфере.

Отношения стратегического партнерства между КНР и ЮАР ввиду их комплексного, многостороннего и многоотраслевого характера иллюстрируют отношения Китая с континентом в целом и, кроме того, значительно способствуют укреплению африканского государства в качестве региональной державы. Несмотря на то что страны установили официальные дипломатические отношения сравнительно недавно – в 1998 г., китайско-южноафриканское сотрудничество стало развиваться стремительными темпами и в различных направлениях. Кроме того, в 2000-х гг. ЮАР внесла коррективы во внешнеполитическую и внешнеэкономическую стратегию, прежде сильно ориентированную на Европу и Северную Америку. Нельзя исключать, что на такое решение Претории повлияло сближение с Пекином. В 2007 – 2008 гг., когда ЮАР была временным членом Совета Безопасности ООН, ее мнение о событиях в Дарфуре, Зимбабве и Бирме было почти идентично точке зрения Китая. Также поменялся подход к таким понятиям, как «права человека» и «процессы демократизации», что резко отразилось на имидже страны в западной прессе, которая вследствие этого утратила звание оплота либерализма на континенте. По крайней мере, сейчас самое демократическое государство Африки, по мнению Запада, это Гана⁵.

Впрочем, охлаждение отношений с США и Евросоюзом было компенсировано укреплением сотрудничества с Бразилией, Индией, особенно в рамках форума трехстороннего диалога Индия-Бразилия-ЮАР (The IBSA Dialogue Forum), и, конечно, Китаем. В сентябре 2007 г., когда по итогам третьего заседания межгосударственной

¹ China Brief, Volume: 8 Issue: 3, 29.02.2008.

² Жэньминь жибао, 19.04.2009.

³ China Brief, Volume: 9 Issue: 11, 27.05.2009.

⁴ Жэньминь жибао, 02.11.2009.

⁵ The Washington Post, 09.01.2009.

двусторонней комиссии КНР и ЮАР было заявлено, что стороны договорились вернуть торгово-инвестиционное сотрудничество в области горной промышленности, инфраструктурного строительства, машиностроения, швейной отрасли, производства бытовой техники, переработки сельскохозяйственной продукции, туризма и финансов. Именно эту дату можно назвать точкой отсчета нового уровня взаимодействия между Китаем и ЮАР.

В 2008 г. было открыто 154 совместных предприятия, и Китай вложил в нефинансовый сектор экономики Южной Африки \$500 млн.¹ При этом инвестиции идут и в обратном направлении – в 2006 г. ЮАР вложила \$200 млн. в ресурсный и потребительский сектора экономики КНР. В конце 2007 г. состоялась крупнейшая сделка в истории двух стран: Industrial and Commercial Bank of China купил 20% акций Standard Bank за \$5,6 млрд.² За последние десять лет товарооборот между двумя странами увеличился с \$800 млн. до \$17,8 млрд.

Преимущества и недостатки сотрудничества

Африка тоже нуждается в Китае. С моральной точки зрения, в эпоху нынешней глобализации экономики африканские страны, напуганные перспективой «обнищания» и «отторжения», также очень высоко ценят роль и статус Китая как мировой державы и надеются добиться его симпатии и поддержки. Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, КНР всегда была на стороне стран континента, поддерживала проведение в жизнь их требований и разумных предложений (например, предоставить Африке постоянное место в Совете Безопасности ООН). Африка, в свою очередь, приветствовала новую роль КНР – стремительно растущей экономической державы, которая не

скрывает амбиций стать главным инвестором и контрагентом континента во внешней торговле.

Правительство Китая регулярно предоставляет Африке правительственные кредиты на выгодных условиях, поощряет и продвигает сотрудничество на основе совместного капитала между китайской и африканской промышленностью. Кроме этого, тысячи африканцев обучаются в китайских вузах. Гуманитарная помощь со стороны Китая всегда ценилась на континенте. Основная причина этого – отсутствие политического давления на страны, которые принимают помощь. Характерная черта китайского присутствия – готовность сотрудничать с любым правительством, невзирая на его идеологию или международный имидж. Что касается энергоресурсов и других видов сырья, то появление такого мощного потребителя, как экономика КНР, увеличивает спрос на мировом рынке, стимулируя рост цен. Повышенный спрос на сырье для африканских стран – это хорошая возможность увеличить свои бюджеты и инструменты внутреннего социального развития.

Сотрудничество с КНР дает африканским странам следующие преимущества:

1. Доступ к финансам.
2. Доступ к современным технологиям и вооружению.
3. Доступ населения к дешевым потребительским товарам китайского производства.
4. Создание инфраструктурных объектов при минимальных затратах.
5. Долгосрочное партнерство, которое укрепляется даже в условиях глобального экономического кризиса.
6. Политическая поддержка на международном уровне.
7. Укрепление имиджа местных властей за счет помощи со стороны КНР.

¹ Жэньминь жибао, 09.02.2009.

² Reuters, 25.10.2007.

8. Дополнительный заработок чиновников и местных элит за счет проектов с участием китайских компаний.

9. Поддержка местного малого и среднего бизнеса со стороны КНР, создание зон экономического сотрудничества (в Замбии, Египте, Маврикии, Нигерии и Эфиопии).

10. Снижение и устранение таможенных пошлин.

11. Списание прошлых долгов.

12. Возможность заработка для местного населения.

13. Активная помощь по гуманитарной линии (медицина и образование).

При рассмотрении стратегии взаимодействия КНР с Африкой можно выделить несколько особенностей.

Во-первых, несмотря на негативную реакцию со стороны западных стран и ряда международных организаций, КНР оказывает финансовую и материально-техническую поддержку так называемым «маргинальным» режимам, в числе которых Судан, Зимбабве, а также с недавних пор Гвинея.

Во-вторых, Африка – это единственный на сегодняшний день регион, где практически открыто идет противостояние США, «сверхдержавы настоящего» и «сверхдержавы будущего», как некоторые эксперты называют Китай. Примером почти прямого столкновения интересов является Судан, куда очень хотят проникнуть американские Exxon Mobil и Chevron, особенно ввиду строительства нефтепровода стоимостью \$3,7 млрд. с пропускной способностью в 160 тыс. баррелей в сутки, который по плану пройдет из Доба в центральном Чаде, вблизи суданского Дарфура, в Камерун, к берегу Атлантического океана¹. Разумеется, китайская CNPC, являющаяся крупнейшим иностранным инвестором в Судане и входящая в 3 из 4 нефтедобывающих консорциумов страны², не станет без борьбы уступать свои лидирующие позиции.

В-третьих, важным аспектом торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Африкой являются подрядные услуги. Отличительной чертой работы китайских предприятий в таких сферах, как строительство, энергетика и горнодобывающее дело, является схема, при которой компании из КНР получают госзаказ на работу за границей, доступ к иностранным ресурсам, а также возможность трудоустроить китайских граждан за рубежом в рамках данного госзаказа. При этом основным потребителем создаваемой инфраструктуры и конечного продукта производства также является китайская сторона.

У жителей африканского континента вызывает беспокойство несправедливая система оплаты труда африканских рабочих и служащих на китайских предприятиях и завоз рабочей силы из Китая. В 2007 г. около 750 тыс. граждан КНР работало или постоянно проживало в африканских странах³ при переизбытке местных кадров низкой квалификации. А также неэквивалентный обмен своих невозобновляемых природных ресурсов на китайскую конечную продукцию или полуфабрикаты. Кроме того, большинство стран континента имеют отрицательный баланс торговли с КНР.

Несмотря на позитивную в целом, динамику, в китайско-южноафриканских отношениях присутствуют некоторые противоречия экономического характера. Китайские компании составляют серьезную конкуренцию южноафриканским в сферах, в которых те прежде были традиционными региональными лидерами⁴. Это вооружение, текстильное производство, строительство, автомобильная промышленность и бытовая техника.

Можно выделить следующие черты негативного влияния китайской «экспансии» в Африке:

¹ «В борьбе за нефть Судана», Орес.ru, 02.12.2009.

² Независимая газета, 12.01.2010.

³ The New York Times, 18.08.2007.

⁴ China Brief, Volume: 8 Issue: 13, 24.06.2008.

1. Отсутствие контроля над инвестициями.

2. Подрыв целого ряда местных отраслей экономики (в первую очередь легкой промышленности) за счет высокого уровня продукции китайских компаний при ее низкой себестоимости, что делает местные компании неконкурентоспособными.

3. Минимальное предоставление рабочих мест местному населению (используется привезенная из КНР рабочая сила).

4. Плохие условия труда и низкая зарплата для местных рабочих (в некоторых случаях местным кадрам, чтобы успешно работать в китайской компании у себя же на родине, рекомендуется учить китайский язык).

5. Частые экологические нарушения в процессе работы китайских компаний.

Идеология сотрудничества

Африка является регионом, где КНР проводит испытания своего геополитического потенциала. При этом Пекин не устает повторять принципы своего «мирного восхождения», подчеркивая этим «неагрессивность» собственной внешней политики. В арабском мире, как пишет египетский социолог Ануар Абдель-Малек, в мирной китайской экспансии видят уважение суверенитета и невмешательства во внутренние дела, а «китайские эксперименты с экономической либерализацией и постепенными политическими реформами рассматриваются как пример для подражания»¹. Такого же мнения придерживаются и многие лидеры стран Африки южнее Сахары. В рамках африканской стратегии Китай постоянно указывает на общность их исторических судеб как объектов эксплуатации со стороны развитых стран Запада. Одновременно, подчеркивая свой статус развивающейся страны, он предлагает совместное развитие.

Такой подход со стороны КНР доказывает свою состоятельность: страны Афри-

ки охотно принимают китайский капитал, поддерживают китайские инициативы на международном уровне. Примеры тому – вступление Китая в ВТО, победа кандидатуры Пекина на проведение Олимпиады в 2008 г., а также блокирование вступления Тайваня в ООН. Китай, словно примеряясь к роли глобального лидера будущего, уже сейчас ищет союзников и испытывает различные модели поведения, свойственные амбициозным государствам, в тех регионах, где на данный момент наблюдается наименьшая конкуренция. КНР не голословно позиционирует себя в качестве лидера развивающегося мира, а при помощи многочисленных программ помощи и развития реально способствует улучшению жизни в самых отсталых и бедных регионах. Кроме того, ряду стран, прежде слишком зависимых от США и международных финансовых институтов, сотрудничество с Китаем представляется как шанс для диверсификации государственной внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии.

У идеологической привлекательности китайской модели развития для государств Африки есть несколько причин. Во-первых, во время диалога с африканскими нациями КНР используют риторику равенства и взаимовыгодного партнерства. В отличие от стран Запада Китай не выглядит колонизатором в глазах африканцев. Во-вторых, китайско-африканское сотрудничество имеет давнюю историю. Китай с 1950-х гг. начал оказывать техническую и гуманитарную помощь странам Африки, уже получившим или борющимся за нее независимость. Пример того времени – железная дорога Танзания – Замбия, строительство которой было полностью профинансировано и осуществлено Китаем. Объект, сданный в эксплуатацию в 1975 г., до сих пор является ключевой транспортной артерией в Восточной Африке. В-третьих, западная модель экономического развития, по сути, не работала

¹ Al-Ahram Weekly, 14.10.2004.

в большинстве стран Африки. Вполне вероятно, что китайская модель развития более применима в условиях развивающихся стран. В-четвёртых, в 2008 – 2009 гг. КНР стала локомотивом по вытягиванию мировой экономики из глобальной рецессии. При этом имидж США как страны, спровоцировавшей кризис и сильнее всего от него пострадавшей, резко упал.

Следует отметить, некоторые эксперты уверены, что перенос китайской модели на африканскую почву невозможен. Старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, кандидат исторических наук Э. Лебедева считает, что причинами этому являются «коррупционность элиты и отсутствие у нее политической воли, слабость и не-эффективность африканского государства, его неспособность сочетать социальный контроль над населением с обеспечением стимулов для развития частного капитала, не говоря уже об определенной цивилизационной специфике африканских народов»¹.

Деятельность Китая в Африке много лет подвергается резкой критике извне. Ведущие западные СМИ характеризуют политику КНР на континенте при помощи подобных громких заголовков: «Why Africa Welcomes the 'New Colonialism'?» и «China's New Colonialism» («Почему Африка приветствует новый колониализм?») и «Новый колониализм Китая»². На таком фоне термин «экспансия», принятый в отечественной науке для отражения современных китайско-африканских отношений, можно считать нейтральным. Негативной оценке европейских и американских аналитиков подвергается тактика действий китайских компаний, при которой правительство КНР под видом займов и инвестиций дает госзаказы своим же китайским компаниям, которые выполняют их не на

родине, а в Африке. Кроме того, Китай часто обвиняют в поддержке «недемократических» режимов Роберта Мугабе и Омара аль-Башира.

Разумеется, страны Запада воспринимают наступление Китая в Африке как угрозу собственным позициям в регионе. Вот характерное мнение британского исследователя Йена Тэйлора: «Китай пришел в Африку, потому что другие регионы были для него закрыты. На Ближнем Востоке, столь богатом углеводородами, доминируют американцы, поэтому Пекину ничего не оставалось, кроме как искать регион, в котором мало кто был на самом деле заинтересован. Ему пришлось идти в Африку и договариваться как с демократами, так и с диктаторами. И сейчас, когда Китай здесь усилился, это вызывает серьезные опасения в Вашингтоне и в европейских столицах, которые привыкли к тому, что именно они оказывают влияние на дела в Африке. Тут же появляется третья сила, из-за которой весь геополитический расклад меняется»³.

К западной критике китайско-африканского сотрудничества иногда, как уже отмечалось, присоединяются сами африканцы.

В свое оправдание Китай указывает, что, не обуславливая свое торгово-экономическое сотрудничество с африканскими странами какими-либо требованиями, он тем самым демонстрирует свою приверженность общепризнанным принципам невмешательства во внутренние дела суверенных государств. В то же время он не скрывает, что рассматривает поддержку африканских государств на международной арене как важный фактор, который позволит закрепить за Китаем роль лидера и выразителя интересов развивающихся стран в условиях глобализации. При этом Пекин стремится не просто эксплуатиро-

¹ Север - Юг - Россия 2007: ежегодник. Отв. ред. В. В. Сумский, В. Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2008. – С. 226–233.

² The Times, 09.11.2009 и Foreign Policy, 25.09.2009.

³ Тэйлор Й., Китай и Африка: столкновение и компромисс (на английском языке). (Ian Taylor, «China and Africa: Engagement and Compromise», New York, 2007 – p. 48).

вать ресурсы Африки, но и делать инвестиции, которые помогли бы африканским странам обрести более прочную экономическую основу и достичь поставленных ими целей развития.

Высшему руководству КНР не привлекать отвечать на критические стрелы, пущенные в его адрес. Во время 4-го форума китайско-африканского сотрудничества премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил следующее: «В течение долгого времени звучат обвинения в том, что Китай пришел в Африку грабить ее ресурсы и практиковать неокOLONиализм. Я считаю эти обвинения несостоятельными»¹. И позже добавил, что «Китай заинтересован в экономически независимой Африке»².

Выводы

У сотрудничества Китая и Африки отличная перспектива. Несмотря на впечатляющие результаты, показанные в 2008 – 2009 гг., это далеко не пик китайско-африканских отношений. Пока КНР по каким-либо причинам не начнет снижать темпы индустриального роста и промышленного производства, африканские страны будут оставаться ключевыми поставщиками сырья для китайской экономики. И здесь стоит снова обратиться к цифрам. По итогам 2009 г. КНР импортировала 199 млн. тонн нефти, тогда как внутренняя добыча «черного золота» достигла 189 млн. тонн, таким образом, в минувшем году зависимость Китая от внешних поставок составила 51,3%³. По прогнозам экспертов, зависимость китайской экономики от импорта нефти продолжит расти. Если в 2006 г. этот показатель составлял 45%, то к 2020 г. он может достичь отметки в 65%⁴. Уже в 2010 г. планируется, что импорт нефти увеличится на 10% по сравнению с 2009 г. Важно отметить что, в 2009 г. добыча нефти в самой КНР упала на

0,5% по сравнению с предыдущим годом, несмотря на все попытки увеличить этот показатель⁵. Показатель импорта увеличился с 3 млн. барр. в день в январе до 5 млн. барр. в день в декабре. Нефть в этом случае – лишь один из примеров, подтверждающих складывающуюся тенденцию.

В период финансового кризиса Китай за счет гигантских золотовалютных резервов утвердился как ключевой игрок на сырьевых рынках Африки. Благодаря прагматичной стратегии, основанной на риторике взаимовыгодного партнерства, а также оказываемой без всяких политических условий огромной финансовой и материально-технической помощи, которая была успешно противопоставлена принудительной демократизации, навязываемой США и подконтрольными им международными финансовыми институтами, КНР стал восприниматься как главный друг и союзник для целого ряда африканских наций.

Однако в долгосрочной перспективе нельзя прогнозировать лидерство КНР на континенте. Нестабильность и децентрализация, свойственные большинству стран региона, делают африканскую стратегию КНР очень рискованной. За последние годы у китайских компаний накопился печальный опыт столкновений с повстанцами в Нигерии и Эфиопии, с природоохранными организациями в Габоне и Танзании, с бастующими рабочими в ЮАР, ДР Конго и Марокко. Помимо внутренних факторов, есть еще и внешние. Постепенно выходящие из рецессии США и страны Евросоюза едва ли смиряются с ослаблением своих позиций в Африке. Кроме того, отношения стратегического партнерства с континентом небезуспешно выстраивают Индия, Бразилия, Япония и Турция. Хорошие шансы вернуться в Африку есть и у России.

¹ ИА «Синьхуа», 09.11.2009.

² Associated Press, 09.11.2009.

³ ИА «Синьхуа», 22.01.2010.

⁴ «Нефть и капитал», 22.01.2010.

⁵ Energy Tribune, 26.01.2010.

Роль STEM-образования в «новой экономике» США

А. В. Фролов,

доцент кафедры экономики зарубежных стран и внешнеэкономических связей экономического факультета МГУ, кандидат экономических наук,

г. Москва

E-mail: vsei@vsei.ru

STEM-education role for US «new economy»

A. V. Frolov

Автор анализирует образование в области науки, технологии, механизации и математики (так называемое STEM-образование) как предмет особой важности в большинстве стран с растущим инновационным потенциалом. Основные аспекты системы образования STEM служат примером острой необходимости ее внедрения в США.

Внедрение системы образования STEM продиктовано мировой «новой экономикой» быть конкурентоспособным как внутри страны, так и на международной арене. Некоторые аспекты исследуемой проблемы могут быть интересны студентам и научным сотрудникам учреждений среднего и высшего профессионального образования, а также могут быть полезны для инновационной политики государства.

Ключевые слова: образование, новая экономика, STEM-образование, инновации, конкурентоспособность, образовательные реформы, нанонауки, нанотехнологии, образовательные учреждения, ученые.

The author analyses education in Science, Technology, Engineering and Mathematics fields (so called STEM-education) as a subject of growing importance in most countries with progressing innovative potential. Major aspects of STEM-education in the USA serve as basic samples of relevance. STEM-education is shown as a compulsory pre-requisite of both national and international competitiveness under the global “new economy”. Some aspects of this subject herewith can be of interest to students and researchers in secondary and higher schools, human resources (human capital) and government innovative policy.

Key-words: education, new economy, STEM-education, innovations, competitiveness, educational reforms, nanosciences, nanotechnologies, educational schools, researches.

Инновационное развитие образования – залог успешного перехода к «новой экономике» и ее развития. Наиболее перспективной формой инновационного образования в большинстве развитых стран признается так называемое STEM-образование. Несмотря на то что это направление в образовании успешно развивается с середины XX в., потребности новой экономики определили новый «виток» в развитии STEM, его современные формы, методы и сферу применения. Ему уделяется большое внимание в Великобритании, Австралии, Канаде, США и других странах. Актуальность изучения разнообразного опыта STEM в мире неуклонно возрастает.

Особенно интересным при решении задач STEM становится анализ стыковки

элементов НИС (национальная инновационная система) разных стран: школа – университет; университет – частная корпорация; государственная научно-техническая политика – частные корпорации и университетские лаборатории. Многоаспектность рассмотрения всех вопросов STEM позволяет лучше обосновать практику развития этого направления в системе образования России, правильно организовать международное сотрудничество российских университетов.

Опыт США в развитии STEM-образования

Область STEM, то есть образования в области науки (**S**cience) – технологий (**T**echnology) – инженерного дела

(**E**ngineering) – математики (**M**athematics), сокращенно – **STEM**. Эта область признана в США в качестве базовой технологической основы развитого общества: и Национальным Советом по исследованиям (National Research Council), и Национальным Научным Фондом (National Science Foundation, NSF). Степень подготовки рабочей силы в области STEM является индикатором способности нации поддерживать свое развитие. Обеспеченность страны кадрами с хорошей подготовкой в области STEM – ключевая задача всей системы образования в США. В последнее время этому вопросу уделяется особое внимание в силу ряда причин: экономический кризис, обострение вопросов конкурентоспособности США.

Экономический кризис 2008 – 2009 гг. в США показал особую незащищенность малообразованной части населения: основная волна увольнений пришлась на рабочих с низким образованием (половина из 30 наиболее растущих и востребованных профессий в Америке требует как минимум степени бакалавра). При этом требования к уровню образования кадров, особенно в инженерной и математической областях, повышаются. К 2016 г. 4 из каждых 10 новых профессий потребуют дополнительного образования или обучения [1].

Для стимулирования процессов обучения необходима более эффективная образовательная среда. Существующая система к этому не готова. Учитывая масштабность накопившихся образовательных проблем, Президент США Б. Обама обращает внимание на актуальность и срочность проведения реформы образовательной системы США [2].

По мнению некоторых экономистов, сложность проведения образовательной реформы США связана с тем, что, с одной стороны, образование становится ключевым фактором развития всей инновационной экономики. С другой стороны, обострение проблем социального государства, особен-

но в условиях экономического кризиса, ведет к сужению финансовых возможностей государства, сокращению государственных расходов на образование и, как следствие, к снижению качества образования, перекладыванию финансового бремени на студентов и их семьи, а следовательно, к сокращению доступности высшего образования [3].

Активизация развития STEM может стать ключом к решению многих образовательных проблем, усилению массового характера образования в сочетании с его гибкостью, росту возможностей экономии финансов.

Недоучет роли STEM-образования в современных условиях подрывает конкурентоспособность страны. Доля STEM-дисциплин составляет в национальной системе образования США 17%, тогда как в Японии – 64%, в Китае – 52%, в Южной Корее – 40%, России – 33%, Индии – 23%. С меньшей долей американского STEM в образовательной системе США в сравнении с другими странами связывается ухудшение показателей США в естественных и математических науках. Например, по данным 2009 г., по математическому образованию уровня 8 класса США скатились с 1-го на 9-е место в мире (1).

США сейчас отстают от большинства стран мира по доле выпускников в области науки и технологий. В результате США находятся на 29-м месте из 109 стран по показателю доли молодежи с математической или научной степенью среди всей молодежи в возрасте 24 лет (4). По мере того, как экономика США становится все более наукоемкой, кадров подготавливается все меньше.

Таким образом, STEM может стать важным фактором поддержания конкурентоспособности США. Причем, образование должно развиваться от детского сада до пенсии, проходя сквозь образовательную связку: школа – вуз – профессиональная переподготовка (так называемая «образо-

Образование для новой экономики

вательная труба» – educational pipe-line); через все этапы исследовательской работы, всю структуру рабочей силы, все элементы НИС США: частный сектор, университеты, государственные структуры. В то же время, все звенья образовательной цепочки должны способствовать повышению уровня и усилению качества самого STEM.

Поля STEM и STEM-дисциплины в США

Американские авторы часто используют термин «поля STEM». Они представлены на рис. 1.

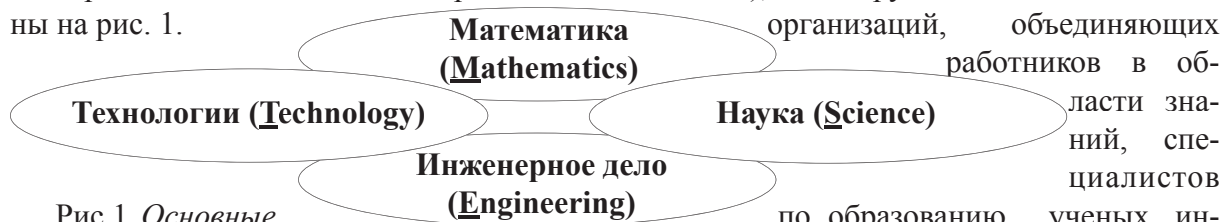

Рис. 1. Основные поля (области, сферы; от. англ. – fields) STEM-образования

Выделенные поля «питают» такие популярные сейчас и перспективные в будущем специальности, как биомедицина, компьютерные и информационные технологии, нанотехнологии, математическая биология, биоинформатика, компьютерная безопасность. Несмотря на то что непосредственно к STEM-дисциплинам не относится, например, экономика (МВА, финансы и др.), знание STEM-дисциплин повышает эффективность и в этой области знаний. STEM также способствует развитию таких дисциплин, как международное дело, образование и человеческие ресурсы, социально-поведенческие науки, наука об окружающей среде.

В настоящее время департаментом труда США выделяются 14 секторов рынка труда, требующих усиленной STEM-подготовки. К ним относятся автомобилестроение, строительство, финансовые услуги, национальная безопасность, транспорт, аэрокосмическая область, биотехнологии, гостиничное дело, розничная торговля, область передовых промышленных техноло-

гий, энергетика, здравоохранение, область информационных технологий. Даже в условиях экономического кризиса востребованными остаются специалисты по следующим специальностям STEM: химия, компьютерные науки, инженерное дело, математика, физика, астрономия. Прогнозируется дальнейший рост спроса на специалистов по этим дисциплинам [8].

В США деятельность в рамках STEM координируется так называемой коалицией STEM-образования (STEM Education Coalition), в которую входят более 1 тыс. организаций, объединяющих работников в области знаний, специалистов по образованию, ученых, инженеров и технических работников.

Участвующие организации ставят своей задачей обеспечение качественного STEM-образования на всех этапах образовательного процесса, начиная от детского сада и заканчивая академиями (так называемая «образовательная труба» – educational pipe-line). На каждом этапе вносится вклад в общий результат – в качество STEM-подготовки. Например, если ребенка обучить основам математики к 5 годам, то он с большей гарантией получит доступ к высшему образованию и любым другим формам профессионального развития.

Сопредседателями коалиции являются Американское химическое общество (American Chemical Society) и Национальная научная Ассоциация учителей (National Science Teachers Association). Заседания коалиции происходят ежемесячно в здании Американского химического общества (Вашингтон).

Примечательно, что STEM-направление имеет в США давнюю историю. Активизация этого направления началась после запуска советского спутника в 1957 г. («эффект спутника») и дальнейшая история программы фактически отражает циклы

Образование для новой экономики

развития американской прикладной и фундаментальной науки.

В 2006 г. Национальная Академия наук США выразила озабоченность состоянием STEM-образования в США. Комиссия по науке, инженерному делу и общественной политике Академии разработала список 10 необходимых мероприятий для развития STEM-образования в той мере, в какой это необходимо для XXI в. Три наиболее важных рекомендации из них таковы:

- увеличить потенциал американских талантов посредством улучшения научно-математического образования в формате K-12 (с детского сада по 12-й класс школы), т.е. дошкольного и школьного;

- повысить квалификацию учителей посредством их дополнительного обучения в области математики и технологий;

- увеличить поток абитуриентов, подготовленных для того, чтобы поступать в колледжи и вузы для получения STEM-образования.

В январе 2006 г. Дж. Буш объявил о начале комплекса мероприятий под общим названием «Инициатива развития американской конкурентоспособности». Суть инициативы заключалась в том, чтобы бороться с недостатками федеральной поддержки образовательных процессов и достижения существенного прогресса на всех уровнях STEM. Конкретно планировалось увеличение федерального финансирования передовых НИР-программ, включая удвоение федерального финансирования передовых исследований в физических науках посредством департамента энергетики, и увеличение числа выпускников американских вузов в области STEM-дисциплин.

НАСА также внедрило программы и учебный план для развития STEM-образования с целью пополнить кадры ученых, инженеров и математиков для освоения космоса в XXI в., создало бизнес-соревнование, которое спонсируется Техасским консорциумом космических грантов (Texas Space Grant Consortium). В рамках это-

го проекта студенты конкурируют друг с другом по составлению карьерных планов развития обучающейся молодежи таким образом, чтобы заинтересовать школьников средних и старших классов изучать STEM-дисциплины, а также стимулировать преподавателей STEM-дисциплин привлекать своих студентов к активной практике в STEM.

Национальный Научный Фонд США реализует несколько программ в области STEM-образования. В том числе программы для школьников формата K-12, таких как Программа «Глобальный вызов» (The Global Challenge Award ITEST Program).

STEM в рамках образовательной реформы Б. Обамы

Актуальность STEM-образования возрастает по мере формирования новой инновационной модели США, как в рамках долгосрочной стратегии администрации Б. Обамы, так и в пакете антикризисных мер среднесрочного характера (ARRA, 2009).

6 июля 2009 г. Конгресс США принял Закон «О координации действий в области STEM-образования» (STEM Education Coordination Act of 2009). В соответствии с ним директор офиса научно-технологической политики (OSTP) должен создать комитет при Научно-Технологическом Совете (National Science and Technology Council), наделенный функцией координации федеральных программ и мероприятий в области поддержки STEM-образования. Федеральные программы, охваченные действием этого закона, следующие: программы департамента энергетики, STEM-программы NASA, программы Национальной администрации океанических и атмосферных исследований, программы департамента образования и других федеральных агентств.

Директор офиса научно-технологической политики управляет данным комитетом с целью:

Образование для новой экономики

– координировать действия перечисленных федеральных агентств в сфере STEM-образования;

– разрабатывать, внедрять и обновлять каждые 5 лет стратегический план STEM-образования. Этот план должен содержать конкретные приоритетные годовые и долгосрочные цели, определять единые методы измерения прогресса в достижении поставленных целей;

– описывать подходы всех участвующих агентств к оценке эффективности их программ и действий, а также влиять на роль конкретных агентств в программах и мероприятиях, предназначенных для достижения названных целей;

– создавать, периодически обновлять и поддерживать конкретный список федерально спонсированных образовательных программ в области STEM. Комитет должен вести документацию об оценках эффективности подобных программ и мероприятий, в том числе процент участия в них наименее представленных меньшинств. Комитет инструктирует директора в области стимулирования и мониторинга усилий участвующих федеральных агентств, направленных на эффективную реализацию задач стратегического плана STEM-образования.

Закон требует ежегодной отчетности директора перед Конгрессом по вопросам реализации стратегического плана. Подобный Отчет перед Конгрессом должен содержать следующую информацию:

1) описание программ и мероприятий STEM-образования за предыдущий и текущий фискальные годы, а также данные о предложенных программах и мероприятиях в рамках президентского бюджетного запроса по всем участвующим федеральным агентствам;

2) уровни финансирования данных агентств по данным направлениям за прошлый фискальный год и в рамках президентского бюджетного запроса;

3) описание результатов выполнения плана;

4) описание способов, которыми участвующие федеральные агентства будут распространять информацию о возможностях получения федеральной поддержки в области STEM-образования для желающих ею воспользоваться [5].

В программе STEM Администрация Б. Обамы делает упор на 2-годичное высшее образование (в так называемых «комьюнити колледжах» (*амер.: community colleges*), то есть муниципальных колледжах двухгодичного образования, в которых обучается преимущественно молодежь штата). Дело в том, что в ближайшие годы потребность в выпускниках с дипломами младшего специалиста (степень, полученная в двухгодичном колледже США, позволяет продолжить обучение для получения степени бакалавра) будет расти в 2 раза быстрее потребности в специалистах, не получивших образование в колледже. Местные власти заинтересованы в развитии данных образовательных учреждений. Президент Б. Обама поставил цель: к 2020 г. Америка должна стать страной с высочайшей долей выпускников колледжей в мире [6].

2-годичное высшее образование станет эффективным, только если будут созданы следующие условия:

- научно-педагогический сектор будет обладать достаточной базой для качественного обучения специалистов в сжатые сроки (предложение учебных программ и методик, обеспеченное кадрами преподавателей – менеджеров учебного процесса);

- частный сектор будет нуждаться в специалистах в области новых, перспективных технологий (спрос на специалистов);

- школьный участок «образовательной трубы» (то есть система K-12) будет готовить STEM-квалифицированных школьников для последующего обучения по интенсивным программам университетов (рассчитанным на 2-годичный курс);

- у выпускников Community Colleges будет мотивировка для продолжения обра-

зования в сочетании с ростом практического применения уже полученных знаний и навыков.

При выполнении этих условий сектор 2-годичных вузов будет работать на новую экономику эффективно и оправдывает соответствующие инвестиции всех участников НИС.

Преимственность STEM-подготовки: связь школ и университетов

С начала 50-х гг. в США много внимания уделялось взаимосвязи школ и университетов для усиления механизма подготовки в области STEM. За 50 лет наработаны разнообразные контакты системы K-12 с университетами (прежде всего с исследовательскими университетами). В 1997 г. Национальный Научный Фонд США добавил новый критерий для оценки качества заявок на финансирование исследовательских проектов, поступающих от университетов. Это критерий наличия в проектах предложений по использованию исследований для усиления связей с системой K-12 – так называемый критерий «ширины последствий» от научной разработки, часто называемый «эффектом распространения вширь» (англ. – outreach effect).

Школы и университеты получают взаимную выгоду от сотрудничества, но современная связь этих элементов «образовательной трубы» требует существенного укрепления. Дело в том, что официальной системы, узаконивающей такие связи на уровне национальных стандартов (учебный план), так и не было создано. Однако формирование новой экономики и международная конкуренция требуют создания именно такой системы. Немалые успехи в этом направлении достигнуты в области нано технологий в рамках Национальной нанотехнологической инициативы (ННИ).

В рамках ННИ были выбраны шесть ведущих исследовательских университетов для создания шести Национальных научных центров нанотехнологии (National

Nanoscience Engineering Centers – NSEC): при Университетах Райс (Rice), Корнелл (Cornell), Колумбийском и Гарвардском университетах, Северо-Западном университете и Политехническом Университете Ранселаера (Rensselaer).

Эти вузы устанавливают связи со школами, помогая им вводить новые дисциплины (STEM-направления), готовя талантливых школьников для продолжения образования в этих вузах с целью дальнейшей научной и/или исследовательской работы в связке «исследовательский университет – наноиндустрия». Школьникам дается возможность изучать физику, химию, основы нанотехнологии, в том числе и в форме ЭО (электронного обучения), знакомиться с лабораторными исследованиями (практическое обучение и демонстрации) университетов.

Организационно данная работа строится из нескольких блоков. В работе объединены несколько участников. Во-первых, сами ученые-исследователи (для которых часто весьма непросто разработать доходчивые материалы для школьников). Во-вторых, факультеты университетов (отвечают за организацию инновационных методов обучения для школьников). В-третьих, школьная система (ответственная за субсидированное обучение всем необходимым дисциплинам и навыкам в сочетании с дополнительными предметами по нанотехнологиям).

Таким образом, на учебный план школьной системы K-12 влияют:

1. Операционная система (учителя, администрация школ, суперинтендант).
2. Политики в сфере образования (советы по образованию местных органов и штата).
3. Законодательная система (Конгресс и законодательства отдельных штатов).
4. Структура финансирующих органов (местные органы, совет правления школы, системы отдельных штатов, федеральное правительство).

Образование для новой экономики

Для NSEC и Национального нанотехнологического координирующего офиса (National Nanotechnology Coordinating Office – NNCO) выделены пять рекомендаций:

1. Каждый из Национальных научных центров нанотехнологии (NSEC), возглавляемый одним из шести выбранных университетов, должен устанавливать и развивать личные отношения с людьми, ответственными за разработку новых национальных стандартов учебного плана школ с учетом STEM-дисциплин (в том числе для конкретного штата, где базируется Национальный нанотехнологический координирующий офис), и помогать этим процессам на общенациональном уровне.

2. Каждый из Национальных научных центров нанотехнологии должен разработать четкие стандарты нанонауки и нанотехнологий для того, чтобы добавить их в последующие варианты изменения учебного плана детсадовско-школьной системы K-12. NNCO должен сбалансировать эти стандарты между шестью центрами, чтобы они подчинялись единой логике, но сохраняли творческое разнообразие, присущее каждому из университетов.

3. Каждый Центр должен разработать систему поддерживающих курсов по программе нанодисциплин для учителей системы K-12 и совместно с ними для школьников.

4. Каждый Центр вместе с координирующим офисом должен предлагать свои стандарты и курсы вниманию политиков и финансирующих органов и организаций при любой возможности.

5. Каждый Центр должен работать со школьными департаментами подготовки учителей и соответствующими структурами университетов с целью подготовки новых компетентных в нанодисциплинах учителей системы K-12.

В более узком и одновременно в более актуальном для новой экономики смысле развитие STEM особенно важно для исследова-

тельских университетов. STEM позволяет усилить эффективность их деятельности – раньше и шире привлекать молодежь к практике исследовательской работы в ключевых областях новой экономики, активно вовлекать корпорации и государственные исследовательские структуры, усиленные STEM-переподготовленными кадрами в процессы наращивания фундаментально-прикладных работ в русле новейших инновационных технологий.

Школы и университеты США предлагают разнообразные формы и методы сотрудничества в области STEM. Так, активно работают Ассоциации школьных правлений, например Иллинойская Ассоциация школьных правлений (Illinois Association of School Boards), Национальная Ассоциация школьных правлений (NSBA – Nat School Boards Association). Создаются, к примеру, Ассоциации школьных комитетов (одна из наиболее популярных – Массачусетская Ассоциация школьных комитетов – Massachusetts Association of School Committees). Ассоциации регулярно проводят конференции, в рамках которых обсуждаются актуальные вопросы STEM:

- поддержание учебного плана высокого качества (например, расширение учебного плана за счет классов on-line в Системе «Starnet» Западного Университета Иллинойса – Western Illinois University);
- дизайн и реализация учебных программ на нескольких языках;
- виртуальная школа @ Liverpool (дистанционное и on-line обучение);
- научно-математические ресурсы штата для школы;
- развитие Программы академических и научных успехов;
- создание системы академических достижений (успеха) посредством систематического обновления учебного плана;
- встраивание внеклассного обучения в структуру расписания средних и старших классов;

Образование для новой экономики

- технология обучения – достижение лучших стандартов технологического оснащения обучения.

Темы конференций Национальной ассоциации школьных правлений также касаются актуальных для STEM вопросов: широкополосных сетевых возможностей, проблем дистанционного обучения, вовлечения технологий XXI в. для использования ресурсов домашнего обучения, развития персонала школ и школьного права, электронного обучения (образования) как инструмента подготовки городских учителей (Центр образовательных технологий Университета Джона Хопкинса – Hopkins University).

Как видно, тематика конференций достойна внимания не только школьного персонала, но и профессорско-преподавательского состава вузов. В рамках экономики знаний эти вопросы важны для всех активных слоев населения, особенно для тех, кто связан с НИОКР и высокотехнологичным менеджментом. Самые интересные темы конференций готовятся университетами и часто совмещаются с обучением руководителей школ. Приведем пример наиболее интересных курсов для школьных учителей (в рамках системы K-12) и других форм работы со школами, организованных шестью нанотехнологическими центрами США (NSEC), о которых говорилось выше.

Так, программа Гарвардского университета предусматривает следующее.

- Каждый семиклассник в г. Кембридже посещает Гарвард в ходе учебного года. Каждую пятницу, 30-40 школьников и 3-4 учителя в течение одного дня обучаются в Гарварде по программе, похожей на студенческую (с лекциями, обедом, послеобеденными лекциями, показательными лабораторными и семинарами). Для этого задействованы преподаватели и студенты. Самые талантливые школьники таким образом знакомятся с университетской жизнью уже в школе.

- Действует программа переподготовки учителей при университете. Учителя работают вместе с профессорами и аспирантами университета над научными темами. Это длится 4-6 недель летом, и контакты продолжаются в течение учебного года.

- Старшекурсники приходят в школу и работают с учителями, учителя в свою очередь приводят старшеклассников в лабораторию Гарварда (например, в те, где есть гигантские микроскопы для нанопрезентаций и опытов).

- Летние исследовательские программы Гарварда рассчитаны на старшекурсников из разных колледжей. Там отбираются лучшие кандидатуры для поступления в университет, причем приглашаются представители меньшинств и даже иностранцы (в частности, через вузы в Пуэрто-Рико). Растут интернациональные контакты и с другими «прилегающими» странами.

- Для школьников организуются курсы лекций. Ведущие лекторы помогают выбрать тему научных исследований и развиваться в этом направлении уже со «школьной скамьи».

- налажено сотрудничество с Музеем наук г. Бостона, где работает служба вопросов-ответов и есть возможность получить копии лучших лекций по Интернету.

В Колумбийском Университете также существует двухгодичная программа подготовки учителей (в летнее время и в течение учебного года), есть программы курирования научной ориентации школьников, в которых задействованы аспиранты и старшекурсники.

В Университете Северо-Запада (Northwestern) реализуется миссия усиления пожизненного интереса всех возрастных групп населения к нанотематике. С этой целью реализуются следующие долгосрочные проекты.

- Программа развития опыта исследований для учителей (совместно с другим вузом США), рассчитанная на

Образование для новой экономики

2-годичное обучение с использованием летних месяцев.

- Сотрудничество с Музеем науки и промышленности г. Чикаго – специальная экспозиция с чтением лекций и консультированием.

- Программы (летние 9-недельные, исследовательские) для старшеклассников и национальных меньшинств.

- Отдельные программы для испаноговорящих, афро-американцев, в кооперации с Обществом чернокожих инженеров и Обществом испаноговорящих инженеров США.

- Модульная Программа функциональных наноструктур (развивается с 1993 г.), рассчитанная на профессиональную ориентацию старшеклассников и отличающаяся прикладными аспектами подготовки специалистов.

Другие университеты также предлагают интересные курсы для K-12 системы, в частности, в области нано- и биоинженерии. Они справедливо считают, что нанознания вскоре будут также важны, как сейчас – знания о полимерных материалах. Подобные курсы рассчитаны на 2-3 года, и в итоге к окончанию школы молодежь получает солидный и системный багаж знаний.

Таким образом, сотрудничество школ и исследовательских университетов США в рамках STEM-образования – важный ключ к более эффективной новой экономике.

Новые инициативы администрации

Б. Обама в области STEM

В сентябре 2010 г. советниками Президента США (ведущие ученые и бизнесмены передовых направлений инновационного развития) был подготовлен специальный отчет о развитии STEM-образования в интересах всей экономики США. Он переводится так: «Готовить и воодушевлять: система образования от детского сада до окончания школы (K-12) по STEM-дисциплинам (наука, технологии,

инженерное дело, математика) для будущего Америки» [7].

Авторы Отчета предлагают двухстороннюю модель трансформации системы STEM-образования. По их мнению, в США надо готовить школьников так, чтобы они обладали устойчивым фундаментом знаний в STEM-области и могли применять эти знания в личной жизни и в профессиональной карьере. И кроме этого, надо *вдохновлять и стимулировать* школьников так, чтобы у них была мотивация изучать эти дисциплины не только в школе, но и в вузе, и чтобы у многих из них присутствовало стремление к дальнейшему карьерному росту в STEM-областях.

В этом отчете также даются рекомендации для Администрации Президента по методам эффективного решения данной двуединой задачи. Эти рекомендации связаны с пятью важнейшими приоритетами:

1. Улучшение федеральной координации и усиление федерального лидерства в STEM-области.

2. Поддержка движения штатов США по обеспечению единого национального стандарта в области STEM-дисциплин.

3. Подготовка и стимулирование преподавателей STEM-дисциплин, ответственных за подготовку и стимулирование интереса школьников к STEM-областям знаний.

4. Создание условий для того, чтобы школьники и студенты всех уровней могли на практике повышать свои навыки и, соответственно, повышать интерес к этим областям.

5. Поддерживать усилия штатов и школьных округов по превращению школ в гибкие обучающие структуры, соответствующие потребностям новой экономики знаний.

Главным институциональным новшеством является рекомендация по активизации развития научно-математических школ.

На сегодняшний день в США примерно 100 научно-математических школ. В связи

Образование для новой экономики

с их потенциалом следует обратить внимание на два момента:

1. Практика показывает, что эти школы являются мощным средством подготовки выпускников с глубокими знаниями и сильной приверженностью к науке и математическим методам. Это ведет к гораздо более высокому уровню их последующего поступления в колледжи и получения специальностей в разнообразных научных областях (4). Математические школы – одно из наиболее эффективных средств борьбы с дефицитом STEM-специалистов.

2. Развитие научно-математических школ является институциональной инновацией, которая доказала свою эффективность в подготовке растущего количества ученых и инженеров.

Очевидна необходимость увеличения числа подобных специализированных школ. В связи с этим Конгрессу США рекомендуется ежегодно в течение 5 лет инвестировать на дело создания и развития этих специализированных школ 180 млн. долл. Средства рекомендуется размещать через организационную структуру ННФ (National Science Foundation). Причем эти средства должны быть объединены со средствами штатов и локальных школьных округов, а также со средствами местной промышленности. Только при таком объединении усилий будет достигнута цель утроения количества принимаемых студентов в эти школы, которое к 2012 г. сможет достигнуть 140 тыс. человек.

Заключение

С учетом состояния и перспектив STEM-образования в США, его бурной интернационализации и применительно к образованию в России можно обратить внимание на несколько моментов:

– в ближайшем будущем университеты, не отвечающие международным STEM-стандартам подготовки, будут все быстрее проигрывать в конкуренции с другими вузами. Ключ к пониманию этой тенденции –

глобализация современной экономики, развитие ГИС (глобальной инновационной системы), формирование единого поля высшего образования;

– фрагментарность STEM-подготовки делает более популярным зарубежное образование даже тогда, когда в этом нет экономической необходимости. В России технические вузы пока конкурентоспособны и могли бы давать более качественное инженерное образование, подтягиваясь до уровня международных стандартов, а не отдавать это направление в образовании «на откуп» иностранным вузам;

– важно заранее учесть опыт США, Великобритании и Австралии, где диспропорции в структуре STEM-дисциплин уже очевидны и расходы государства часто просто неэффективно «распыляются», так как в рамках STEM-дисциплин готовится, к примеру, слишком много физиологов-психологов и слишком мало физиков и инженеров (диспропорции подготовки специалистов STEM-направлений). Важно учиться формировать структуру дисциплин на базе сбалансированной научно-технической политики государства и с учетом мировых тенденций развития новой экономики;

– отсутствие потребности в STEM-труде, характерной для новой экономики, создает сложности в формировании взаимосвязанной системы кадрового «орошения» НИС. Как только развитие НИС станет длинным приоритетом РФ, важность такого «орошения» станет очевидной и для нас. К сожалению, подобные системы «кадрового орошения» нельзя купить за рубежом, импортировать через таможню и смонтировать за 1-2 квартала руками иностранных специалистов. И потому важно предпринимать шаги в сторону STEM-образования уже сейчас, так как процессы формирования НИС – долгосрочны и специфичны. Знание тенденций и подходов к STEM-образованию в других странах позволяет России заблаговременно готовить себя к любой из возможных ролей (и подчиненной, и лиди-

Образование для новой экономики

рующей – в зависимости от отрасли) в сфере глобального инновационного пространства, глобальной новой экономики;

– для России развитие STEM-образования и государственное планомерное влияние на этот процесс важнее, чем для промышленно развитых стран, так как приходится все чаще подстраиваться под технологии, уже используемые в развитых странах, что требует особой готовности национальных специалистов, включая способность быстро переучиваться. Без STEM-подготовки мирового уровня это особенно затруднительно. Наша страна все активнее и масштабнее привлекает технологии иностранных компаний. Требования технологической безопасности, а также стандартов совместимости отечественного и импортного оборудования (различного странового происхождения) вынуждают особенно качественно готовить и переобучать специалистов в STEM-ключе. Например, современное полиграфическое оборудование в Москве – преимущественно из Германии, управляется компьютерными программами ФРГ, и оперировать им может только грамотный специалист с хорошим STEM-фундаментом, так как обновление программ и технологий приходится производить чуть ли не ежегодно в целях повышения экономической эффективности оборудования. Полиграфическая отрасль весьма консервативна в плане обновления технологий, но даже здесь ускоряются все процессы обновления инженерно-компьютерных стандартов.

Список литературы

1. http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-of-the-President-to-the-Hispanic-Chamber-of-Commerce/

2. http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-the-National-Academy-of-Sciences-Annual-Meeting/.

3. Кочетков, В. В. Социальное государство как антикризисная парадигма в США / В. В. Кочетов // США: экономика, политика, культура. – 2009. – № 9. – С. 49–59;

4. William E. Kirwan The Research University of the Future. March 22, 2010 – <http://www.aau.edu/>

5. Addressing the STEM Challenge by Expanding Specialty Math and Science High Schools. March 20, 2007. Robert D. Atkinson – Математические школы как одно из средств борьбы с дефицитом STEM-специалистов – <http://www.itif.org/publications/addressing-stem-challenge-expanding-specialty-math-and-science-high-schools>

6. http://www.washingtonwatch.com/bills/show/111_HR_1709.html

7. Remarks by the President on Innovation and Sustainable Growth. September 21, 2009. http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-on-Innovation-and-Sustainable-Growth-at-Hudson-Valley-Community-College.

8. REPORT TO THE PRESIDENT. PREPARE AND INSPIRE: K-12 EDUCATION IN SCIENCE, TECHNOLOGY, ENGINEERING, AND MATH (STEM) FOR AMERICA'S FUTURE. Executive Office of the President, President's Council of Advisors on Science and Technology. SEPTEMBER 2010. PREPUBLICATION VERSION. <http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/microsites/ostp/pcast-stemed-report.pdf>

8. http://en.wikipedia.org/wiki/STEM_fields

История российского предпринимательства

Предпринимательство в современной России¹ (Формирование российского предпринимательства в условиях зарождения рыночной экономики 1991 – 1998 гг.)

А. А. Бессолицын,
заведующий кафедрой истории российского предпринимательства
Московской финансово-промышленной академии,
доктор экономических наук, профессор,
г. Москва
E-mail: a_bessolitsyn@mail.ru

Business undertakings in modern Russia

A. A. Bessolitsyn

Автор предлагает анализ процесса зарождения предпринимательства и рыночной экономики в России с 90-х гг. XX в. Предполагалось, что переход к рынку возродит в России активную предпринимательскую деятельность. Однако практика показала, что предпринятые правительством меры, такие как «шоковая терапия», отпуск цен, приватизация государственной собственности, реорганизация сельского хозяйства и некоторые другие привели лишь к отрицательным результатам: обесценивание российских денег, разрушение производственных связей, спад объемов отечественного производства, распад колхозов, дефолт 1998 г. Однако автор выделяет и некоторые положительные результаты данных экономических реформ.

Ключевые слова: рынок, экономика, предпринимательство, приватизация, собственность, предприятия, акции, дефолт.

The author proposes the analysis of private business undertakings and market economy origin in Russia since 1990-s of the 20-th century. It was proposed that market would revive an active entrepreneur activity in Russia. But the practice revealed that all the government deeds, such as “the shocking therapy”, free prices, agriculture reorganization and some others turned only to negative results: the Russian money depreciation, production links destroying, volume production decrease, default. But the author has pointed out also some positive results of these reforms.

Key-words: market, economics, private business undertakings, property, enterprise, shares, default.

С окончанием «перестройки» и крушением СССР начинается процесс перехода к «нормальному» рынку и легитимной частной собственности. Однако необходимые условия для перехода от плановой к рыночной экономике на этом этапе в России еще не были созданы. Поэтому переход к рыночным отношениям начался сложно и противоречиво. Главными его направлениями стали: либерализация, изменения отношений собственности, формирование рыночной инфраструктуры, демонаполизация экономики, реформирование социальной сферы, формирование открытой экономики, обеспечение устойчивого экономического роста, стабилизация.

Новые подходы к экономической политике были обнаружены президентом РСФСР Б. Н. Ельциным еще в октябре 1991 г. в выступлении на V Съезде народных депутатов России. Они включали три крупные рыночные меры: разовое введение свободных цен; либерализацию внешнеторговой деятельности; приватизацию и акционирование в промышленности и сельском хозяйстве. По сути, речь шла о создании новой системы экономической жизни, основанной на частной собственности, предпринимательстве и рыночных отношениях.

Предполагалось, что переход к рынку возродит в России активную предприни-

¹ Публикация новой главы, подготовленной к очередному переизданию учебного пособия «История российского предпринимательства» (ред.)

История российского предпринимательства

мательскую деятельность. Поэтому 1992 г. стал первым годом официально провозглашенных рыночных реформ и вошел в историю страны как период грандиозных, но так и не оправдавшихся надежд. Своеобразие российских реформ в экономике заключалось в том, что рыночные отношения в торговле и в финансовой сфере начали утверждаться до приватизации государственной собственности как основы этих отношений, что породило стихийность экономических процессов.

15 декабря 1991 г. было создано «правительство реформ» во главе с Е. Т. Гайдаром, которое приступило к осуществлению курса, получившего название «шоковая терапия». Курс «младореформаторов» на «шоковую терапию» открыл шлюзы для частнопредпринимательской деятельности, пробудив надежды значительной части российского населения на быстрое достижение Россией западных стандартов уровня жизни и других атрибутов общества потребления и свободного предпринимательства. Обещая выход из кризиса уже к осени 1992 г., правительство самоустранилось от какой-либо активной экономической политики, ссылаясь на то, что без государства и, соответственно, без правительства рыночная стихия (саморегулирование) сама все расставит по своим местам. Провозглашалось, что зарождающимся рыночным силам не надо мешать, а предпринимательские усилия широких масс населения решат все проблемы. Во главу угла была поставлена масштабная приватизация, которая, как утверждалось, должна будет создать широкие слои собственников, умеющих работать и в то же время отстаивать свои интересы, т. е. сформировать российский средний класс.

Первым шагом реформ стал отпуск цен 2 января 1992 г., в результате чего были обесценены деньги на счетах предприятий и вклады в Сбербанке примерно 75 млн. граждан России. Тем не менее эти меры позволили окончательно легализовать рыночные отношения, насытить потребитель-

ский рынок, предпринять попытку структурной перестройки промышленности, спасти страну от экономического паралича. Появились десятки тысяч частных магазинов и киосков, что позволило в течение одного года преодолеть товарный дефицит. Начался переход к внутренней конвертируемости рубля, стал легальным обмен иностранной валюты на рубли.

С конца 1992 г. в России началась массовая приватизация предприятий государственной собственности. Надо отметить, что реально процесс приватизации начался уже в 1991 г. и до октября 1992 г., по сути, протекал стихийно и не регламентировался никакими нормативными документами, что создавало благоприятные возможности для разворовывания государственной собственности. Только с 1 октября 1992 г. началась выдача приватизационных чеков (ваучеров), которая давала право гражданам России на часть приватизируемого государственного имущества. Номинальная стоимость ваучера составляла 10 тыс. рублей и стоила, по выражению А. Б. Чубайса, «две волги». Однако эта стоимость носила чисто условный характер и исходила из остаточной балансовой стоимости госимущества по состоянию на 1990 г. без учета инфляции и стоимости земли.

В ходе проведения приватизации часть населения действительно стала реальным собственником своих предприятий. Но чаще всего было наоборот, когда подлинными хозяевами приватизируемых предприятий становились не трудовые коллективы. Признавая этот факт Е. Т. Гайдар, который в этот период возглавлял правительство, практически снимает с себя ответственность за негативные последствия приватизации, отмечая, что «*де факто приватизация состоялась уже на исходе перестройки*».

Поэтому, по его мнению, «*основными социальными группами, резко разбогатевшими в данный период, являлись: часть чиновников и директорский корпус, руково-*

История российского предпринимательства

дители «избранных» кооперативов, по тем или иным причинам получившие изначально крупные государственные деньги, «комсомольский бизнес». Именно эти группы аккумулировали первые капиталы, с которыми они спешно создавали «независимые банки», компании по торговле недвижимостью, захватывая (точнее, формируя) самый выгодный рынок»¹.

Тем не менее приватизация имела еще ряд негативных последствий как для экономики страны, так и для общества.

Поскольку в результате разгосударствления экономики происходило разрушение производственно-технических связей, то это, в свою очередь, привело к резкому спаду объемов и эффективности отечественного производства и росту социальной напряженности в обществе. Благодаря использованию чековых продаж в эти годы осуществлялась приватизация части собственности таких крупнейших компаний, как «Газпром», «ЕЭС России», «Ростелеком», нефтяных компаний, среди приватизированных предприятий находились предприятия черной и цветной металлургии, предприятия машиностроения, морские и речные пароходства и многие другие. По сути, прежняя общенародная собственность перешла в руки ограниченного круга лиц, в силу разных причин оказавшегося ближе других к этой собственности.

Что касается дохода от приватизации государственного имущества, то он был незначительным. За первое пятилетие реформы с 1992-го по 1996 г. он составил всего 0,13 – 0,16% в общем доходе бюджета. Например, доходы России от приватизации более 22 тыс. промышленных предприятий составили всего 347,2 млн. долл., или по 15,5 тыс. за штуку².

Первый этап ваучерной приватизации завершился к 1 июля 1994 г. В результате 70% мелких предприятий было привати-

зированы и находились в малом бизнесе. Такими объектами, в первую очередь, стали предприятия оптовой и розничной торговли, общественного питания и бытового обслуживания.

На втором этапе приватизации в 1995 – 1996 гг., проводившемся в виде свободной купли-продажи на биржах и торгах акций предприятий по рыночной стоимости, в частную собственность перешло еще 15 тыс. предприятий государственного сектора. С 1997 г. приватизация продолжалась преимущественно в виде продажи акций и целых предприятий на торгах для пополнения государственного бюджета. А всего за 1992 – 2001 гг. изменили форму собственности 138 тыс. государственных и муниципальных предприятий, что позволило наладить производство конкурентоспособной продукции и увеличить оборот розничной торговли³.

Таким образом, формально возник широкий социальный слой частных собственников. По итогам массовой приватизации 40 млн. граждан России стали формальными акционерами. Однако концентрация богатства оказалась в руках немногих так называемых «эффективных собственников», или «олигархов», интегрировавшихся в бизнес-группы. Центрами такой интеграции до 1998 г. были банки, а наиболее влиятельные олигархи составили так называемую «семибанкирщину» по названию наиболее крупных и влиятельных финансовых групп. Этот термин возник в 1996 г. по аналогии с *семибоярщиной* эпохи малолетнего Ивана Грозного и включал на самом деле восемь финансовых групп, контролировавших в 1990-е годы более 50% российской экономики и совместно влиявших на принятие важных внутривластных решений в России. Эту группу составили: ЛогоВаз (Б. Березовский), Менатеп (М. Ходорковский), Альфа-Групп (М. Фридман и П. Авен), Мост Групп (В. Гусинский),

¹ Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 1997. С. 159–160.

² Никулин Н.М. История предпринимательства в России. М.: МГИМО, 2007. С. 197.

³ Шумилов М. И., Шумилов М. М. История России: конец XIX – начало XXI веков. СПб.: «Олеариус Пресс», 2008. С. 549.

История российского предпринимательства

Онэксимбанк (В. Потанин), СБС-Агро (А. Смоленский), Инкомбанк (В. Виноградов), Российский кредит (В. Малкин).

Такая ситуация возникла потому, что российский капитализм сформировался не путем открытого и честного предпринимательства, а посредством узаконенного воровства. Всего за несколько лет многоотраслевая промышленность России оказалась в руках частных, контролирующих рынок и ценообразование. В собственности государства оставались лишь земля, природные ресурсы, железные дороги, предприятия жилищно-коммунального хозяйства, медицина и образование.

Масштабная чековая приватизация увела российское общество от неэффективной государственной экономики, но она не привела к росту производства и его структурной перестройке. Кроме того, либерализация цен и приватизация сама по себе не привели к созданию конкурентной среды, что не способствовало структурной перестройке экономики. Наоборот, произошел обвальный спад производства, усиление сырьевой ориентации экономики, сокращение собственного рынка для отечественных производителей. Такая ситуация сохранялась вплоть до кризиса 1998 г.

Приватизация затронула и сельское хозяйство. Произошла реорганизация колхозов и совхозов, в ходе которой две трети из них были распущены, а бывшие колхозники и работники совхозов стали собственниками земельных долей. Это стимулировало процесс создания фермерских хозяйств. В 1992 г. насчитывалось уже 182,8 тыс. таких хозяйств, и к 1997 г. их численность возросла до 279 тыс. Однако на долю фермеров приходилось всего 5% сельскохозяйственных угодий страны. Более половины из них имели менее 20 га земли, что сдерживало развитие фермерского производства в деревне¹.

Наиболее массовой формой предпринимательской активности в рассматриваемый

период явилось развитие индивидуально-частного предпринимательства, выразившегося в челночном движении. «Челноки» (своеобразный аналог «мешочника» периода нэпа) ехали в Китай, Турцию, Польшу и другие страны и везли оттуда товары массового спроса, которые реализовывали на оптовых рынках Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов России. В Москве такими рынками являлись Лужники, Петровско-Разумовский, Черкизовский оптовый рынок и др.

В челночное движение были вовлечены значительные массы городского населения: попавшие под сокращение рабочие и инженерно-технические работники перепрофилированных предприятий военно-промышленного комплекса, научные сотрудники многочисленных НИИ и преподаватели вузов, оказавшиеся на рубеже 1980-х – 1990-х годов в сложном материальном положении и т. п. В общей сложности численность «челноков» и тех, кто их обслуживал (водителей, продавцов и т. д.), достигла к 1996 г. 30 млн. человек, а это составляло более 40% трудоспособного населения России².

Торговля и посредничество давали их участникам доход, в те годы просто несопоставимый с доходами от других некриминальных видов деятельности и, тем более, с мизерными зарплатами работников бюджетной сферы. Функционировали каналы транспортировки самих «челноков» за границу и закупаемых ими товаров обратно в страну. Движение получило черты организованности: образовались десятки легальных фирм, которые занимались доставкой грузов из-за границы. Они же открывали свои агентства во многих странах и организовывали туда шоп-туры. В Турции, Китае возникли целые крупные поселения, жители которых стали специализироваться на мелкооптовом снабжении российских «челноков» местной продукцией. Быстрая оборачиваемость мелких торговых капи-

¹ Шумилов М. И., Шумилов М. М. Указ.соч. С. 550.

² Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб.: Алетейя, 2007. С. 352.

История российского предпринимательства

талов превращала их в капиталы средних размеров. Более того, мелкая торговля быстро реагировала на нарастающую социально-экономическую дифференциацию российского общества, группируясь в нишах обслуживания как массовых потребителей, так и потребителей с высоким уровнем доходов. Достаточно быстро рядом с мелкими торговыми палатками стали возникать элитные магазины, владельцы и работники которых нередко начинали с «челночной» деятельности.

В начале 1990-х гг. биржи, банки, страховые фирмы, крупные частные и полугосударственные акционерные предприятия возникали по всей России в огромных количествах. Люди впервые в жизни обрели свободу самостоятельной предпринимательской деятельности, получили право от своего имени ставить подпись и печать на финансовых документах, что ранее было абсолютной монополией государственных чиновников. Во многом новое российское «учредительство» объяснялось не экономическими причинами, а законами социальной психологии в их приложении к очевидной для России ситуации кардинального общественного перелома. Многие новые, тем более малые, предприятия создавались не в силу экономической целесообразности, а лишь в надежде их организаторов на некую абстрактную «лучшую жизнь», без какой-либо программы долгосрочного развития. В определенном смысле психологические ожидания скорого процветания доминировали над трезвым экономическим расчетом и даже здравым смыслом.

В 1990-е гг. предпринимались активные усилия по централизованному возрождению и реформированию различных видов и форм кооперативных ассоциаций. Помимо уже принятых на излете перестройки законов, в постперестроечной России были приняты новые законы, регулирующие кооперативное движение: «О потребитель-

ской кооперации в Российской Федерации» (июнь 1992 г.), «О сельскохозяйственной кооперации» (1995 г.), «О внесении изменений и дополнений в закон «О потребительской кооперации в Российской Федерации» (июнь 1997 г.) и т. д. Возникло несколько некоммерческих общественных организаций (Лига кредитных союзов, Союз сельских кредитных кооперативов и др.), которые попытались объединить деятельность кооперативных организаций. Однако значительных успехов в рассматриваемый период добиться не удалось. Под эгидой Лиги кредитных союзов на 1 января 1998 г. было зарегистрировано 289 кредитных союзов, в основном городских. Сельские кредитные кооперативы остаются весьма малочисленными – в 16 регионах страны специалисты насчитали всего 41 такую ассоциацию, объединяющую около 1500 фермеров и мелких предпринимателей¹.

Стремлением возродить общественно-политическую активность предпринимательского сообщества явилось учреждение летом 1990 г. *Российского союза промышленников и предпринимателей* (РСПП) как общественной организации, представлявшей интересы деловых кругов. В Уставе РСПП в качестве целей организации были заявлены: консолидация усилий промышленников и предпринимателей России, направленных на улучшение деловой среды, повышение статуса российского бизнеса в стране и мире, содействие модернизации экономики. В организацию вошли более 100 отраслевых и региональных объединений, представляющих ключевые сектора экономики: топливно-энергетический, машиностроение, оборонно-промышленный, инвестиционно-банковскую сферу и др. Первым президентом РСПП с 1990 по 2005 гг. был А. Вольский.

В то же время следует заметить, что среди участников РСПП активную роль играли и продолжают играть некоторые бывшие

¹ Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 7.

История российского предпринимательства

члены *семибанкирицины*, а также современные олигархи. Поэтому в общественных кругах эту организацию чаще именуют как «Союз олигархов».

Позднее, уже после кризиса 1998 г. возникли такие общественные организации предпринимателей, как Деловая Россия (2001) и «Опора России» (2002), представляющие интересы малого и среднего бизнеса.

Своеобразным завершением рассматриваемого периода стал дефолт 1998 г., когда правительство С. В. Кириенко объявило о решении в одностороннем порядке ввести 90-дневный мораторий на банковские расчеты с Западом и выплаты по вкладам в Сбербанке России. Это привело к параличу банковской системы и затяжному кризису, выход из которого начался уже в новом веке.

Основными причинами дефолта явились: огромный государственный долг России, кризис ликвидности, низкие мировые цены на сырье, составлявшее основу экспорта России, а также популистская экономическая политика государства и строительство пирамид ГКО (государственный краткосрочные обязательства).

Его последствия серьезно повлияли на развитие экономики и страны в целом, как отрицательно, так и положительно. Курс рубля по отношению к доллару упал за полгода более чем в 3 раза – с 6 рублей за доллар перед дефолтом до 21 рубля за доллар 1 января 1999 г. Было подорвано доверие населения и иностранных инвесторов к российским банкам и государству, а также к национальной валюте. Разорилось большое количество малых предприятий, лопнули многие банки. Банковская система оказалась в коллапсе минимум на полгода. Население потеряло значительную часть своих сбережений, упал уровень жизни. Тем не менее девальвация рубля позволила российской экономике стать более конкурентоспособной.

Таким образом, в результате преобразований на рубеже XX – XXI вв. в России в

целом сложился новый капиталистический уклад, основанный на частной собственности. Он характеризовался нестабильностью, слабой защитой прав собственности, ущербностью деловой этики, низкой культурой предпринимательской деятельности, невысокой инвестиционной привлекательностью и т. д.

Положительным результатом экономических реформ, проведенных в 1990-е гг., стала легализация частной собственности и предпринимательства, отход от директивных методов управления, бесплатная приватизация жилья, ликвидация товарного дефицита.

Тем не менее негативным результатом экономического развития в постперестроечный переходный период стало возникновение противоречия между формированием рыночной инфраструктуры на производстве, в финансовой сфере и в сельском хозяйстве и обнищанием значительной части населения, резким углублением социального неравенства, появлением безработицы и других болезней рыночной экономики.

Начавшийся новый период, связанный с деятельностью сначала президента В. В. Путина (2000 – 2008 гг.), а с 2008 г. – президента Д. А. Медведева, еще не является законченным периодом, поскольку главная экономическая задача – создание условий для ускоренной модернизации страны пока не может считаться завершенной.

Несмотря на то что новый период охватывает целое десятилетие, реализовать заявленную программу не удалось. Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., высветил недостатки и слабые стороны современной российской экономики. Попытка решить задачи модернизации за счет высоких цен на энергоносители (прежде всего – нефть и газ) в так называемые «тучные годы», хотя и позволила сформировать «подушку безопасности», однако за последние два года эта «подушка» исчезла, и проблема структурной перестройки экономики опять встала в повестку дня.

История российского предпринимательства

Русская православная церковь как собственник земли: история и современность

С. А. Трушков,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Вятского социально-экономического института, кандидат исторических наук, доцент,
г. Киров

The Russian Orthodox Church as a land owner: history and contemporaneity S. A. Trushkov

В статье исследуется один из аспектов хозяйственной деятельности Русской православной церкви, связанный с владением и использованием ею земельных угодий. Рассматривается вопрос о возможности в наше время возвращения Русской православной церкви принадлежащих ей ранее земель.

Ключевые слова: церковное землевладение, секуляризация монастырских земель, реституция собственности Русской православной церкви.

The author researches one of the aspects of the Russian Orthodox Church economical activity dealing with the land possession and usage. It is being discussed to return some lands to the Russian Orthodox Church on the modern stage.

Key-words: church land property, secularization of the monastery lands, restitution of the Russian Orthodox Church property.

Многие века российской истории, вплоть до 1917 г., Русская православная церковь являлась крупным хозяйствующим субъектом, владеющим на праве собственности значительными земельными угодьями. С одной стороны, церковь благодаря своему могуществу усиливала свое политическое влияние, а с другой стороны, именно духовно-политическое влияние позволяло ей укреплять свое экономическое положение.

Для церкви существовало два способа получения земли:

- 1) пожалование государственных земель царскими указами;
- 2) пожертвование отдельных имений феодалами, за что получавшие земли приходы или монастыри брали обязательство вечного поминовения душ дарителей.

Многие века монастыри являлись первопроходцами в освоении незаселенных земель. Часто из нескольких основанных в лесу скитов вырастали достаточно крупные монастыри, обладавшие необходимыми ре-

сурсами для очистки от леса прилегающих земель и заведений на них хозяйства.

Бывали и случаи, когда крестьяне, основав новое поселение на неосвоенных землях, испытывали трудности в их обработке и сами обращались в монастырь с просьбой об опеке. И в тех местностях, куда «приходили» монастыри, появлялись дороги, мосты, расчищались посевные площади, создавались новые населенные пункты, словом, возникало реально обустроенное жизненное пространство. Известный вятский историк А. А. Спицын утверждал: «Заселение севера и северо-востока России много обязано деятельности иноческих обителей: вятские монастыри превратили в цветущую пашню много пустых земель, которых иначе еще долгое время не коснулась бы соха трудолюбивого пахаря» [1].

Поэтому развитие церковного и особенно монастырского землевладения в России проходило весьма динамично и, как правило, безболезненно в социальном плане, не вызывая серьезных протестов со сторо-

История российского предпринимательства

ны крестьянства. Темпы роста церковного землевладения стали особенно бурными в XIV–XVI вв., в результате чего церковь превратилась в крупнейшего в стране собственника земли.

В начале XVII в. до 1/3 всех земель сельхозназначения в Европейской России принадлежало церкви. Такие серьезные экономические позиции стали фундаментом её общественно-политического могущества, фактически церковь превратилась в «государство в государстве».

В итоге к середине XVII в. государство столкнулось с острой проблемой наполняемости бюджета. Основу доходов казны составляли налоговые поступления с крестьянских дворов, но почти треть из них были расположены на церковных землях, т. е. находились вне зоны доступа для царских фискальных служб.

В связи с этим именно «помазанники Божии» – русские цари – развернули масштабное наступление на церковное землевладение и, в конечном итоге, отобрали у Русской православной церкви гораздо больше земель, чем впоследствии большевики.

Первым шагом этого наступления стало включение в общегосударственный свод законов – Соборное Уложение 1649 г. – положения о запрете дальнейших пожертвований земли монастырям. Учитывая расширение границ государства, увеличение численности населения и постоянную распашку новых, прежде необрабатываемых земель, процент церковного землевладения начал неуклонно снижаться. К середине XVIII в. церковь владела лишь 15% земель сельхозназначения в Европейской России.

Одновременно государство фактически ввело «внешнее управление» монастырскими вотчинами: царь Алексей Михайлович создал Монастырский приказ, контролировавший хозяйственную деятельность монастырей. В начале XVIII в. Петр I использовал Монастырский приказ в качестве структуры, обеспечивавшей перекачку церковных ресурсов государству

на нужды, связанные с ведением Северной войны.

Постепенно у государственного руководства вызревала мысль о необходимости проведения секуляризации монастырских земель. Следует сказать, что данная идея встречала полную поддержку монастырских крестьян. Если первые века существования монастырских вотчин знаменовались относительным «классовым миром» между монахами и подвластными им крестьянами, то в XVIII в. ситуация изменилась.

Подражая светским феодалам, монастыри резко увеличили уровень эксплуатации крестьян. С крестьян требовали исполнения барщинных работ и уплаты разнообразных натуральных и денежных поборов, объем которых постоянно рос. Например, крестьяне Савво-Сторожевского монастыря в своей челобитной указывали, что платят монастырю до 30 видов денежных и натуральных поборов [2]. Не отставал от братьев и Хлыновский Успенский монастырь, в хранилища которого одного только меда ежегодно поставлялось около 250 пудов [3].

По всей России отмечались многочисленные факты злоупотреблений и лихоимств со стороны управлявших отдельными монастырскими вотчинами приказчиков. В итоге критическая масса крестьянского недовольства росла. 50-е гг. XVIII в. ознаменовались рекордным числом бунтов монастырских крестьян, причем их основным требованием был переход на положение государственных крестьян. Таким образом, в вопросе о секуляризации позиции государственной бюрократии, дворянства и самих монастырских крестьян отличались редкостным единодушием.

В итоге в 1764 г. Екатериной II была проведена секуляризация монастырских земель. Монастыри потеряли 8,5 млн. десятин земли и около 2 млн. крестьян.

Однако уже сын и преемник Екатерины II – Павел I – распорядился выделить каждому монастырю по 30 десятин земли. И императоры, правившие в XIX в., продолжили эту линию. Особенно крупные земельные

История российского предпринимательства

пожалования монастыри получили от Николая I, который, кроме того, вновь разрешил частным лицам жертвовать свои земли монастырским обителям.

Как результат, уже к середине XIX в. крупное монастырское землевладение было восстановлено и росло с каждым десятилетием. Однако до уровня XVIII в. подняться было уже невозможно. К моменту революции 1917 г. монастырям принадлежало около 1 млн. десятин земли (в 8,5 раза меньше, чем в середине XVIII в.), а общий объем церковного землевладения составлял 2,5 млн. десятин, что равнялось 1% обрабатываемых земель в европейской части России.

Кроме того, по официальным данным Святейшего Синода за 1913 г., в структуре монастырского землепользования пахотные земли составляли лишь 25%, луговые – 12%, огороды, сады и виноградники – 1%, основную же массу (свыше 60%) составляли леса [4]. То есть вполне очевиден факт, что к моменту революции 1917 г. объем церковного землевладения в масштабах страны был несущественным. Конфискация церковных земель никак не могла способствовать решению «крестьянского вопроса», т. к. в целом не приводила к какому-либо существенному увеличению крестьянских наделов.

Между тем Декрет «О земле» от 26 октября (8 ноября) 1917 г. провозгласил национализацию не только помещичьих, но и церковных земель «со всеми их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями». Безусловно, в основе этого решения были политические соображения: Русская православная церковь являлась идеологическим противником новой власти, и поэтому большевистское руководство стремилось лишить церковь экономической опоры. Расчет был явно на то, что лишенная разом политической поддержки и оказавшаяся в бедственном материальном положении церковь превратится в слабый, умирающий институт, не опасный для Советской власти. Вполне логично, что вслед за наци-

онализацией церковных земель последовало закрытие, а потом и разрушение храмов.

Следует отметить, что, имея до революции возможности вести хозяйственную деятельность, церковь значительную часть своих доходов тратила на социальные нужды. При монастырях действовали больницы, приюты, богадельни. Все они также были национализированы Советской властью. Согласно советским официальным данным, к 1920 г. у монастырей было национализировано 277 больниц и приютов [5].

После краха коммунистического режима в 1990-е гг. в России началось возрождение религиозной жизни. Начали восстанавливаться храмы, возрождаться монастыри. Однако земельные участки, на которых стоят храмы и монастыри, находятся, как правило, в государственной или муниципальной собственности и переданы религиозным организациям в бессрочное и безвозмездное пользование.

В 1990-е гг. состоялась попытка реституции собственности Русской православной церкви, принадлежавшей ей до 1917 г. В 1994 г. рабочей группой под руководством известного экономиста С. Ю. Глазьева был разработан законопроект о возвращении традиционным российским конфессиям всех принадлежавших им до 1917 г. земель, за исключением тех, на которых расположены стратегические объекты Министерства обороны. Обосновывая необходимость принятия этого закона, С. Ю. Глазьев писал: «При отсутствии такого акта российские религиозные объединения будут ограблены вторично и окажутся в условиях свободного рынка практически вообще без собственности, то есть на грани полного финансового уничтожения» [6].

Указанный законопроект провозглашал, что «российские конфессии и представляющие их религиозные организации, действовавшие в России до 7 ноября 1917 г. как юридические лица, потерявшие имущество вследствие незаконной конфискации в годы Советской власти, объявляются

История российского предпринимательства

правопреемниками принадлежавшего им имущества и наделяются всеми правами и обязанностями, вытекающими из этого правопреемства». Причем предлагалось вернуть имущество не только религиозного, но и «иногo» назначения. Но данный проект не получил поддержки в Государственной думе.

Однако церковь продолжала настаивать на возвращении принадлежавшего ей имущества. В 2006 г. патриарх Алексий II заявил: «Надеюсь, что в ближайшее время справедливость восторжествует, и нашей Церкви будут возвращены принадлежавшие ей до 1917 г. земли со стоящими на них храмовыми и монастырскими комплексами» [7].

К 2010 г. в Правительстве РФ был разработан законопроект «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения». 23 сентября 2010 г. данный законопроект был принят Государственной думой в первом чтении.

Нынешний законопроект принципиально отличается от радикальных проектов 1990-х гг. Теперь речь идет о безвозмездной передаче в собственность религиозным организациям земель, на которых расположены храмы и другие объекты религиозного назначения. Несмотря на протесты коммунистов и отдельных представителей музейного сообщества, нет сомнений, что данный закон будет принят и в последующих двух чтениях и вступит в силу с 2011 г.

Является ли принимаемый в настоящее время закон первым шагом на пути возвращения религиозным организациям всех земель, принадлежавших им до революции 1917 г.? Последует ли после вступления в силу этого закона следующий нормативный акт о передаче церкви конфискованных у нее большевиками земель и имущества нерелигиозного назначения? А ведь это огромные активы. Помимо храмов и земли, церковь потеряла (по данным 1920 г.) 1112 доходных домов, 704 гостиницы, 436 молочных ферм, 602 скотных двора, 311 пашек, не говоря уже об огромных денежных

суммах, хранившихся в банках и присвоенных советским государством [8].

Представляется, что нынешнее государственное руководство на такую радикальную меру не решится, поскольку возвращение церкви земель, не имеющих религиозного назначения, станет толчком для полного пересмотра земельных отношений в стране. Вслед за религиозными организациями свои претензии на земли могут предъявить потомки помещиков и купцов. Это, с одной стороны, приведет к усилению социальной напряженности, а с другой стороны, вступит в противоречие с интересами новых собственников из числа современной буржуазии.

Не случайно и в ныне принимаемом законе заложены жесткие нормы об обязанности религиозных организаций использовать переданное им имущество исключительно в соответствии со своими уставными целями.

Список литературы:

1. Спицын, А. А. Земля и люди на Вятке в XVII столетии (очерк истории земледелия) / А. А. Спицын / Энциклопедия земли Вятской. Том 4. История. – Киров, 1995. – С. 59.
2. История России с начала XVIII до конца XIX века / Отв. ред. А. Н. Сахаров. – М., 1998. – С. 162.
3. Бердинских, В. А. История города Вятки / В. А. Бердинских. – Киров, 2008. – С. 112.
4. Глаголев, А. Возрождение церковного хозяйства в России / А. Глаголев // Вопросы экономики. – 1994. – № 9. – С. 114.
5. Там же. – С. 116.
6. Глазьев, С. Ю. О внесении в Государственную Думу России законопроектов об имущественных правах религиозных организаций / С. Ю. Глазьев // Вопросы экономики. – 1994. – № 9. – С. 99.
7. <http://www.patriarchia.ru/db/text/173887.html>
8. Глаголев, А. Возрождение церковного хозяйства в России / А. Глаголев // Вопросы экономики. – 1994. – № 9. – С. 116.

Дискуссионная кафедра

Жизнь в обществе постмодерна

Текст подготовил к публикации профессор В. С. Сизов

E-mail: vsei@vsei.ru

Life in a postmodern society

V. S. Sizov

Представлено содержание второй дискуссии, развернувшейся на Междисциплинарном симпозиуме «Кризис современной науки: философия, наука, искусство – познание, осмысление, созидание» (Россия, г. Киров, 27–29 апреля 2010 г.). Рассматриваются сложные вопросы существования человечества в мире постмодерна, плюсы и минусы сложившейся ситуации и перспективы ее развития.

Ключевые слова: постмодерн, модерн, премодерн, симулякры, антихристианство, апокалипсис, кризис человеческой цивилизации, реформа образования, феминизм, конец патриархата, самодержавие, внутренняя миграция, «гламурный фашизм», гедонизм, труд, структуры, сети, природа запрета, ювенальное право, информационное общество.

Here it is represented the second part of the discussion that took place at the Interdiscipline Conference “The crisis of the modern science: philosophy, science, art – cognition, interpretation, creation” (Russia, Kirov, 27-28th of April, 2010). One examines the complicated questions of the mankind existence in the postmodern world, advantages and disadvantages of this situation and perspectives of its development.

Key-words: postmodern, modern, pre-modern, falsifications, anti-christianity, Revelation, a mankind civilization crisis, an education reform, feminism, the patriarchy end, autocracy, internal migration, “glamour Fascism”, hedonism, labor, structures, nets, prohibition nature, Juvenile Law, information society.

Представляем читателям основной ход второй¹ дискуссии, развернувшейся на Междисциплинарном симпозиуме «Кризис современной науки: философия, наука, искусство – познание, осмысление, созидание», организованном Вятским социально-экономическим институтом совместно с Академией философии хозяйства, Центром общественных наук МГУ им. М. В. Ломоносова и Вятским интеллектуальным клубом, который проходил в г. Кирове 27–29 апреля 2010 г.

Основные участники дискуссии:

Ю. М. Осипов – президент Академии философии хозяйства, директор Центра общественных наук МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор;

Ф. И. Гиренок – профессор кафедры философской антропологии и комплексного изучения человека МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук;

В. С. Сизов (ведущий дискуссии) – ректор Вятского социально-экономического института, главный редактор журнала «Вопросы новой экономики», доктор экономических наук, профессор;

Н. И. Злыгостева – доцент кафедры философии Вятского социально-экономического института, кандидат философских наук;

Ю. Н. Тимкин – доцент кафедры философии Вятского социально-экономического института, кандидат исторических наук;

В. А. Девонина – доцент кафедры гуманитарных наук Академии МВД России г. Н. Новгород (Кировский филиал), кандидат философских наук;

И. В. Папырин – директор ООО «Вятское книжное издательство».

В. С. Сизов: Уважаемые коллеги! Вторую дискуссионную сессию предлагается посвятить теме «Жизнь в обществе пост-

¹ Первая дискуссия «Кризис современной науки» опубликована в третьем номере журнала «Вопросы новой экономики» за 2010 г.

модерна», а по сути, тому, что происходит в мире, вокруг нас и с каждым из нас. Сегодня популярна критика постмодерна и тех ценностей, которые постмодерн провозглашает. Часто и вовсе указывается на отсутствие ценностей в современном мире. Мыслители говорят о замене подлинных вещей и ценностей симулякрами, т. е. подделками, лишь подражающими чему-то настоящему. Мир заполнен симулякрами, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Возникает проблема: принять это общество или попытаться изменить его? А если все же принять, то как в нем жить, а если изменить, то каким образом? Да и существует ли у человечества возможность вернуться назад, встать на тот путь развития, с которого мы однажды сошли? И вообще: так ли уж плох постмодерн и его симулякры? Может быть, проблема в том, что мы воспитаны на других представлениях о мире? Мы – люди взрослые, и нам трудно меняться, трудно приспосабливаться к этому миру. Из этого рождается протест в отношении мира, к которому мы не можем приспособиться. И подлинная проблема заключается вовсе не в мире постмодерна, а в нас самих? Поэтому вопрос поставлен так: принять и измениться самим или изменить мир постмодерна?

Ю. М. Осипов: Для начала я предлагаю немного погрузить присутствующих в понятие постмодерна.

Возникло понятие «модерн» как модернизация, как некая переделка мира. Человек взял на себя функцию творца не какого-нибудь блага для удовлетворения своей нужды, а творца мира. Он стал тотально перестраивать мир, т. е. взял на себя функцию Бога. Для этого была совершена Реформация. Протестантизм отменил посредника между человеком и Богом, снял ограничения, которые существовали в христианской религии. Сначала это была просто поправка: «Я могу с Богом общаться непосредственно». Затем появилось движение Про-

свещения – атеистическое по своей сути, отрицающее Бога.

В Лувре есть мраморная статуя, она называется «Освобождение человека от тенет природы». Это очень важно. В XVIII в. была установка: хватит ориентироваться на природу и быть от нее зависимым, хватит ориентироваться на Господа Бога и быть от Него зависимым. Человек освобождает себя как творец.

Период с эпохи Возрождения до наших дней называют модерном. Модерн – это «обновление», «переделывание» мира по соображению самого человека, по его лекалу. Происходит развитие науки, техники, искусства, литературы. Вместо Библии появляются произведения Гюго, Толстого и т. п.

Поскольку есть такая эпоха, то должна существовать какая-то предэпоха, которую стали называть премодерном. Это сложная эпоха. В премодерне человечество уже начинает отходить от природы, но еще не встает в противодействие природе, старается взаимодействовать с ней. Такой позиции соответствовали взгляды и идеология той эпохи. Признавалось сакральное начало, т. е. наличие чего-то сверхчеловеческого, Всевышнего в том или ином виде. Сама природа воспринималась человеком как нечто сверхъестественное. В эпоху премодерна формируется сознание человека, человеческий язык, философия, религии.

Достижения премодерна сохраняются до сих пор, все существенное в человеке, все человеческое образовалось в премодерне. Очеловечивание звериного естества людей происходит именно в премодерне. В человеке возникло человеческое начало, и в один прекрасный момент оно восстало против ограничений, которые накладывали на человека природа и сакрал. С этого момента начинается эпоха модерна.

Чем интересен модерн? Если до модерна развитие шло постепенно, в модерне – это уже экспонент. Сейчас в XXI в. экспонент дошел до высшей точки. Особых

Дискуссионная кафедра

резервов для дальнейшего движения уже нет, природа покорена, Бог отвергнут, человек предоставлен самому себе. И начинается вибрация, давний вопрос: куда дальше? Забрались на Эверест, и что? По идее, надо спускаться вниз. Это впервые почувствовали творческие люди на рубеже XIX – XX вв. Возникает отрицание модерна. Первые постмодернисты – это импрессионисты. Затем Серебряный век русской и французской культуры.

В науке ученые почувствовали кризис науки, о нем говорили и искали какие-то пути выхода из него. Интересные термины появились тогда в марксистской науке – «вульгарная политическая экономия», «вульгарная философия», «вульгарное искусство». Они возникли не случайно. За ними появилась идея, обобщающая общий кризис буржуазного общества в рамках марксизма. Но общий кризис – это как раз был кризис модерна, его отражение во всех аспектах.

Человек в эпоху модерна находится в борьбе с природой и сакральным началом, но при этом и созидает. Творческий момент, исходящий от человека, здесь очень важен. Не все из возможного реализовывалось в премодерне, потому что было понимание: нельзя влезать в природу настолько, чтобы подвергать ее отрицанию. Это фактически были экологические запреты. В экономике существовал запрет на ссудный процент, да и вообще на капитал, на прибыль. Но с наступлением эпохи модерна запреты были сняты, и в результате экономика, наука, технология, соответствующая философия получили свободу и дали результат, который мы сегодня имеем. Это возникновение нового искусственного мира, который не предусмотрен Господом Богом (по крайней мере, Он его человеку не давал), человек создал этот мир сам. Бог то ли просто попустительствовал этому, то ли явно не справился с человеком – здесь большой вопрос. Бог послал в мир Христа, но получилось, что победило в игре антихристианство. С

христианской точки зрения, модерн – это время победы антихриста.

Сейчас возникла интересная ситуация: мир, созданный человеком для человека, вдруг развернулся против человека, и человеку в этом мире становится неуютно. Попробуйте жить в мегаполисе без выездов на природу, без дач. Самое интересное, что новый мир настолько технически оснащен, он настолько искусственный, что человек как человек попросту в него уже не вмещается. Человек, как биологическое, как Божье создание, не нужен этому миру. Все вопросы теперь решает техника. Если в премодерне человек формировался, насыщался натурально-сакральным началом, то в период модерна человек восстал против природы и сакрала, построил для себя то, что хотел, и теперь это построенное уже парадоксально отрицает самого человека.

Человек создал искусственный мир, который способен уничтожить его самого в один миг. Мы сейчас живем в условиях, когда это может произойти в любой момент от рук и мозгов человека, причем и совершенно случайно, в какой-нибудь закрытой или даже открытой лаборатории.

Постмодерн – это уже не модерн. Творчество вроде бы продолжается, но уже когда человек переживает собственное отрицание, и делает вовсе не то, чего он сам хочет, а то, чего хочет созданная человеком техническая система. Он стал рабом этой системы. Это только кажется, что человек сейчас – свободный творец, но это уже не так, а остановить происходящее человек уже не может. Для этого нет никаких сил, кроме одной, предусмотренной священным писанием: второго пришествия Христа и Страшного Суда с последующим преобразованием человека и его мира.

Вся история человечества апокалиптическая. Но в последние времена возникает ситуация, когда человек не знает, что же дальше, в каком направлении ему двигаться? Переселение на другую планету, обретение бессмертия для всех? Обратите внимание,

насколько бессмысленны эти задачи, т. е. человек подошел к тупику, несмотря на большое развитие вычислительной техники и всего прочего технического.

Постмодерн – это эпоха общего кризиса человеческой цивилизации, человечества в целом. Конечно, человечество разнообразно. Есть те, кто достиг «вершин», – это западная цивилизация, а также и те, кто к ней примкнул. Есть народы, которые «вершин» этих еще не достигли. Тут-то и разворачивается борьба. Это уже борьба миров, даже не цивилизаций. Мир чистого постмодерна и мир, который постмодерном эксплуатируется, который протестует против такой эксплуатации и самого постмодерна. Здесь-то и развивается, может быть, пока не очень явная, но, надо думать, основная схватка.

В премодерне мир обновлялся медленно. Три поколения людей вполне могли прожить в одной и той же исторической ситуации, когда дед был явным авторитетом для внука. Дальше пошло ускорение, но хотя бы одно поколение могло просуществовать в устойчивом для себя мире. Сегодня же одно поколение переживает не менее трех трансформаций бытия. Тогда спрашивается, в какой мир каждый человек входит, в каком мире он живет и на что опирается? И вот тут-то выходит, мне лучше всего быть пустой погремушкой, чтобы облегчить себе возможность приспособляться к переменам.

Почему сейчас введено непрерывное образование? Если раньше можно было один раз «образоваться» и тебе хватало знаний на всю жизнь, и еще ты мог свой опыт передать потомкам, то сейчас, видите ли, необходимо непрерывное образование. Значит, ты должен «образовываться» таким образом, чтобы ничего существенного и прочного в себя не вкладывать. Потому что все вложенное всерьез и надолго не даст тебе возможности приспособляться к постоянно меняющейся ситуации. Отсюда реформа образования, она вовсе не случайна, и делают ее вовсе не идиоты, таково

требование времени. Студент не должен ничего знать, и не надо его напичкивать знаниями. Нам говорят сегодня: нужно лишь сориентировать студента, а все остальное он скачает из Интернета, возьмет из электронных учебников. Сегодня в приоритете вроде бы самостоятельная работа студента, но ясно, что он ничего фундаментального делать не будет. Зато повсюду непрерывное образование, и у каждого масса дипломов. А становятся ли студенты умнее от этих дипломов? Нет! Но если у тебя нет 5–7 дипломов, тебя просто не возьмут на престижную работу.

В принципе современное образование – это симулякр. Но и человек стал симулятором, он просто некое подобие человека. Мы смотрим в глаза молодежи и ничего не прочитываем в этих глазах. Раньше можно было посмотреть на молодого человека и примерно увидеть, что это за человек, с какими устоями, с какими перспективами. Сейчас ничего такого не увидишь. Постмодерн – это царство пустоты, царство функциональности, царство какой-то несурзной динамики. Мы погрузились в антимир. Постмодерн – это антимир. Понимание того, что человек творит на земле – это как раз задача философии хозяйства, которая предлагает и свое видение.

В. С. Сизов: Когда Юрий Михайлович говорил о мире чистого модерна, то он имел в виду общества, которые достигли наибольшего расцвета. Но сегодня вслед за ними тянутся и другие страны, например, страны БРИК.

Ю. М. Осипов: Они тянутся, но в то же время как бы и противостоят. Есть момент и противостояния.

В. С. Сизов: Безусловно, противостояние тоже есть, но суть в том, что они хотят жить так же хорошо, как и страны «золотого миллиарда». А для этого надо грабить планету еще сильнее, еще больше разорять природу. В этом случае экологии не будет, и в развитых странах это понимают. Сегодня вполне серьезно и на высоком уровне

Дискуссионная кафедра

ведутся дискуссии о том, что на планете слишком много людей, что Земля перенаселена. Раньше люди нужны были для производства благ. Сейчас для производства благ люди в таком количестве уже не нужны. Парадокс, но сегодня нужны люди, которые эти блага лишь потребляют. В развитых странах перепроизводство товаров и услуг. Потребителей, способных еще и заплатить за потребленные товары и услуги, катастрофически не хватает. Именно поэтому сегодня наблюдается бум потребительского кредитования, которое совсем в недавнем прошлом не представляло интереса для кредитных организаций.

По оценкам некоторых экспертов, например, известного прогнозиста академика РАО И. Бестужева-Лады, для нормального существования человечества достаточно 800 – 900 млн. человек. Миллиард – это уже много. Кто-то из политиков говорил, что для России достаточно 20 млн. человек, которые будут обслуживать нефтегазовую отрасль. Действительно, зачем содержать большую социальную инфраструктуру, нести дополнительные расходы?

Мы бьем тревогу по поводу того, что страна вымирает. Вполне возможно, что это спланированный и хорошо организованный процесс, преследующий цель уменьшить человеческую популяцию на пространстве, именуемом Россией. В будущем, наверное, в обществе постмодерна демографические вопросы будут решаться именно так. Цель, о которой мечтали поколения людей – сделать всех счастливыми, – уже никто не ставит. Населению дается возможность сократиться до необходимого количества.

Ю. М. Осипов: Для уничтожения населения не надо никаких атомных бомб, достаточно феминистского движения. Феминизм – очень верное оружие исчезновения, хотя и не единственный, белой расы, но хаос уже пришел, ибо разрушена выработанная историей система бытия. Конец патриархата в белой расе уже наступил,

любое доминирование мужчины, даже интеллектуальное и творческое, фактически уже исчезло.

В. С. Сизов: Мы говорим про вымирание белой расы, а вымирает ли она? Может быть, она просто сокращает свою численность до оптимума? Если в обществе постмодерна будет слишком много людей, все они не смогут хорошо жить. Вот, например, Индия, в которой население больше миллиарда. Бедность в стране страшная. А развитые общества не хотят жить в бедноте. Они стараются и власть удержать, и жить хорошо.

Согласен с тем, что общество в России – это общество власти женщин. У нас уже давно наступил матриархат или, по выражению Юрия Михайловича – феминократия. Действительно, мужчины в России, по сравнению с женщинами, в правовом отношении постоянно оказываются в проигрышном положении. Мужчины служат в армии, позже выходят на пенсию, раньше умирают, в случае развода ребенок остается у матери и т. д. Есть определенная социальная несправедливость в отношении мужчин, дискриминация по гендерному типу.

Что касается вымирания человечества посредством феминократии, то вопрос более сложный, чем кажется на первый взгляд. Современные технологии позволяют обходиться как без мужчин, так и без женщин. Оплодотворение происходит в пробирке. Правда, пока для вынашивания детей нужна суррогатная мать, но отказ от нее лишь вопрос времени. Технологии развиваются семимильными шагами. Если дети будут зачатся и родиться иначе, не натурально, то возникнет другая педагогика, появится иное представление о семье, будет и другая психология. Сформируются другие жизненные ценности. А мы тоскуем по привычному образу жизни и не способны принять новые ценности и идеологию нового мира, приходящего на смену старому.

Дискуссионная кафедра

Н. И. Злыгостева: Русская литература очень четко показала, почему феминизация, которая открылась на Западе, была предопределена мужчинами. Это было обусловлено определенной точкой зрения. Вот, например, протопоп Аввакум понимал, что от женщины, если она несет в себе духовное начало, в обществе зависит очень многое. Когда он возвратился в Москву, его спросили, как это он прошел через те места, через которые еще ни один цивилизованный человек не проходил. Он ответил: «Я сначала пускал свою бабу, а потом уже сам шел. Если женщина с женщиной договорится, то мужчина везде пройдет».

Мне кажется, что русская женщина видела в мужчине главную опору всего жизнеустройства и ее собственной жизни. Это был учитель, как и положено по Евангелию: муж и жена – единое целое. Именно муж был определяющим духовным началом и пока в мужчине бытовали духовные энергии, женщина знала, за кем ей идти. Она не рассуждала. А затем появляются мужчины, особенно в русской интеллигенции, обреченные массой идей, но с не стойкой духовностью. Это трагедия русской женщины, которой оказалось не с кем и не за кем идти по жизни. Ни любви, ни жизненной практичности!

Сейчас говорят о возрождении семьи, и все время начинают не с того, все время начинают с денег, с социальных условий, с возможностей, а вот приоритетов духовных и нравственных, которые женщину позволяют делать женщиной, нет.

Ю. М. Осипов: А «Домострой» сегодня возможно вернуть?

Н. И. Злыгостева: Нет, невозможно. Но можно и должно изменять ситуацию, все равно женщина рождается женщиной.

В. С. Сизов: Знаете, какая проблема наступит в мире «чистого» постмодернистского мира? Сейчас идет борьба между странами и народами. Когда женщины будут полностью обходиться без мужчин,

начнется борьба между мужчинами и женщинами за выживание.

Ю. Н. Тимкин: В современной России постиндустриальные информационные тенденции только начинаются. В то же время у нас были и есть свои специфические предпосылки к появлению постмодернизма. Я не беру советский период, потому что в нем все неоднозначно, а вот в дореволюционный период эти вещи были. Давайте, прежде всего, возьмем форму власти – самодержавие или советский вариант – «комиссародержавие» (так левые эсеры определяли, что такое советский государственный строй). Что порождает эта абсолютная ничем и никак не ограниченная власть? Зачастую – «внутреннюю миграцию» людей, которые формально соблюдали законы, но фактически были в состоянии внутренней миграции или анархизма в неявной форме. Это обычное явление русской дореволюционной жизни.

Конечно, имелась официальная государственная идеология – церковное православие, замененное затем коммунистической религиозностью. Однако секта «хлыстов» в дореволюционной России, по оценкам ряда исследователей, была третьей по численности религиозной структурой среди русского населения. В Советское время – это «карьеристы поздней КПСС». Название условное, естественно. Суть одна – какая нынче власть, такие мы и используем партбилеты, такую риторику, такую лексику.

Ю. М. Осипов: А почему Вы против хлыстов?

Ю. Н. Тимкин: Потому что это наиболее яркое проявление симуляции, создание видимости того, что они были православными христианами, как раз на постмодернистский манер. Фигурой, ярко выражающей эту тенденцию, являлся Григорий Распутин, бывший как бы наставником Николая II. Но не следует забывать, что практически такого же рода личность была и у Александра I. Если мы продолжим вни-

мательно рассматривать эти вещи, то они откроют чрезвычайно любопытную картину. В условиях самодержавной бюрократии человек – существо заменяемое, потому что незаменимых людей нет. Человек – это винтик в большой ржавой машине, когда-то хорошо смазанной, а потом заржавевшей и сломавшейся. Суть в том: есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы. Это элемент постмодернистской деконструкции. Есть и другие: имитация бюрократом бурной деятельности. Чем не симулякр? Далее – феномен распада страны, когда центр везде и нигде, т. е. период смут, когда страна распадается. Возрождение страны откуда может начаться? Да откуда угодно, где возникнет определенный пассионарный человек. Может? это будет Минин и Пожарский или еще кто-нибудь. Смысл в том, что в дореволюционной России уже были некие предпосылки появления постмодернистских тенденций.

Ю. М. Осипов: Правильно, совершенно верно вы сказали. И Греция разлагалась, и Рим. И в Библии об этом много говорится.

Ю. Н. Тимкин: Но там был пре-модерн.

Ю. М. Осипов: Это не значит, что не могло быть постмодернистских вещей. Они, конечно, были. Сейчас это другое, потому что весь мир, который построен человеком, выглядит симулякром.

В. С. Сизов: Например, софисты. Период пре-модерна. Однако софисты занимались созданием симулякром и в этом отношении были создателями постмодернистских установок.

Н. И. Злыгостева: Что главное в пост-модерне – это утрата границ. И поэтому я не согласна с Юрием Николаевичем Тимкиным. Мне кажется, что размывание границ более всего сдерживалось в России, в русской традиции. И если речь идет о самодержавии, то надо признать – оно сильно отличалось от диктатуры пролетариата. При самодержавии у людей самым главным ограничителем был страх перед Богом.

Власть в России всегда воспринималась как тяжелое бремя, а не как некая возможность. Это на Западе была предпосылка: если нам Господь дал власть, то мы ею воспользуемся. В России не так. И когда Вы говорите о тоталитарной власти, не следует смешивать ее с самодержавием. Это разные вещи.

В контексте русской традиции чувство границы было достаточно острым. Я согласна с Юрием Михайловичем Осиповым, что в России постмодерн наступает и проявляется по-другому, чем на Западе. На Западе всегда существовало ощущение не внутренней, а внешней границы. Оно складывалось исторически, с эпохи Возрождения. Чувственная культура и ориентация на социальные внешние ценности становятся определяющими, складывается культура и модерна, и постмодерна. Поэтому-то у нас постмодернизм появился только к середине XX в., так как не имел под собой глубоких культурных корней.

В. С. Сизов: У нас какое-то тенденциозное отношение к постмодерну. А что в нем собственно плохого? Возможно, это только один из эволюционных периодов развития человеческой цивилизации, вполне нормальная и закономерная стадия.

Ф. И. Гиренок: Хочу выступить в защиту постмодерна! Сказать, почему он мне нравится. Первое, потому что только культура постмодерна допускает то, что называется «гламурным фашизмом». Потому что в эпоху постмодерна нравится не вообще женщина, а нравится женщина в военной форме. Вторая посылка – в пост-модерне нет никаких полов, а каждый человек – это отдельный пол. И какой при этом пол, решается каждый раз заново. Ты выходишь из дома и не знаешь, женщина ты или мужчина, ты этого еще не понял. В-третьих, при постмодерне происходят события, но они уже с самого начала лишены событийности. О, это прекраснейшая вещь! Например, ты начинаешь высказывать мысль, а она уже обесмыслена. Это означает, что в эпоху постмодер-

на тебе нужно «крутиться», потому что ты знаешь – сообщение события важнее самого события. Само событие не играет никакой роли.

Постмодернистская культура вообще не предполагает полов, хотя она и носит гомосексуальный характер. Почему? Объясню. Чем хороша культура постмодерна? При культуре постмодерна всякое «я» практически производно от другого. При постмодерне фундаментальную роль играет фигура другого, значимость «я» сводится к нулю. Если то, что ты чувствуешь, растворяется в том, что ты видишь, а вижу я женщину в военной форме, то тогда это культура гомосексуальная. Если наоборот, то, что ты видишь, растворяется в том, что ты чувствуешь, тогда – это любовь, и мы живем по Домострою. Но у нас то, что мы чувствуем, растворяется в том, что мы видим.

Постмодернистская культура хороша тем, что в ней ты сталкиваешься постоянно с чем-то не структурируемым. В этой культуре не важны структуры, не важны устойчивые различия. Структурируемое трудно выразить вещами, но это как раз то, что разрушает всякую структуру. В том числе и различие полов – это тоже структура, которая разрушается.

Что касается России, я напомним вам начало XX в. Появляется особая культура: идут поиск Третьего Завета и, одновременно, эксперименты в области семейных отношений. Бинарная структура семьи всем надоела. Появляются эксперименты жить втроем, сначала 2 мужчины и 1 женщина, потом 2 женщины и 1 мужчина. Но возникают проблемы: рождаются дети, а что с ними делать, было не понятно.

Почему же так всё тут безотрадно: ни искусства тебе, ни философии. Есть один важный момент. Всё самое важное, всё самое ценное случалось куда-то в пространстве обожжающего взгляда женщины. Она бросает этот взгляд, а в ответ в поле этого взгляда рождается нечто, что относится

к искусству, к философии, ещё к чему-то весомому. Женщине достаточно бросить взгляд, но... она перестала бросать этот взгляд. Получается, что культура постмодерна хороша тем, что в ней нет обожжающего взгляда женщины. А раз нет этого взгляда, следовательно, ничего в нем не рождается. А раз ничего не рождается, мы имеем то, что имеем.

Ю. М. Осипов: Это действительно игра вместо страдания, вместо страды и обязанностей. Многие сейчас так и живут. Постмодерн – это вовсе не что-то страшное и неприятное. Наоборот, он сладостен, и человек попал в ситуацию этой сладости. Вот и Фёдору Ивановичу Гиренку нравится эта сладость.

В. С. Сизов: Думаю, постмодерн – это реализация философии гедонизма, когда человечество, во всяком случае, его «золотой миллиард», оказалось в Саду Эпикура, а остальные стремятся туда попасть. На одном из заседаний Вятского интеллектуального клуба я утверждал, что труд для человека – это наказание. В Библии Бог говорит Адаму, что наказывает человека добыванием хлеба насущного в поте лица. Действительно, если мы обратимся не к постмодерну, а к предыдущим периодам, то увидим – человек постоянно работает. И только сейчас он может не работать, во всяком случае, трудно. Возникает вопрос: отсутствие труда – это хорошо или плохо, если Бог положил его человеку в наказание? Откуда берется сама возможность не работать? Вероятно, не от Бога, поскольку Бог трудом наказывает.

Нам говорят, что постмодерн плох тем, что в нем отсутствуют структуры, мир превращается в хаос, в кавардак. Однако в окружающем себя мире я этого не наблюдаю. Возможно, какие-то структуры отсутствуют, но отсутствие структур не обязательно ведет к хаосу. Возможно, они чем-то заменены. Например, сетевыми способами социального взаимодействия. Постмодерн – это другой тип мира, вовсе не хаос и не

«конец света». Проблема возникает по иному поводу – из-за того, что в России мир не постмодерновый, мы только входим в постмодерн. И сознание наше тоже не постмодерновое, поэтому мы так тяжело принимаем любые проявления постмодерна, считаем, что он плох и развратен.

Н. И. Злыгостева: Мне кажется, здесь мы смешиваем понятия, может быть, произвольно. Вот вы говорите: «Бог наказал». И почему же Бог вдруг наказал? Он сказал, – «нельзя вкушать», Он предупредил Адама. Поэтому, кто наказал людей? Они сами себя и наказали. Бог сказал лишь о последствиях, которые их ждут. Мы сами себя наказываем. Опять же происходит переворот в сознании – мы из одного реального мира, в том числе духовного, погружаемся в другой, но уже и в антимир.

В. С. Сизов: Когда же это человек был в духовном мире? В духовном мире человек никогда не был. Или лучше сказать, он всегда находился в антимире. Нет никакого погружения, в ощущениях человека нет никакой разницы между миром модерна и постмодерна.

В религии многие законы преподносятся как некая априорная данность, как установленные свыше правила. Изменения, произошедшие в постмодернистском мире, связаны, прежде всего, с тем, что человек благодаря науке и прогрессу, многие законы, которые преподносились религией как данность, может теперь не только объяснить, но даже и отвергнуть. Религиозные нормы работали на выживание общины, народа, человечества. Многие из установлений, которые даются в Священных книгах, как ни буднично это звучит, связаны с вопросами гигиены и санитарии. Например, во время странствования евреев по пустыне, когда им посылалась манна небесная, было строго запрещено использовать ее в пищу на следующий день. Она давалась только на данный день. Почему? Сейчас есть разные вариации того, что именно было этой

манной, но суть одна – это был скоропортящийся продукт. Все люди, которые пытались ею запастись и употреблять в другие дни, умирали.

У мусульман имеется религиозный запрет на употребление свинины. Сегодня выяснено, что свинина богата холестерином, который укорачивает жизнь. Существует также запрет на употребление спиртных напитков, объяснять который не требуется – всем известны пагубные последствия чрезмерного употребления алкоголя.

В те времена, когда религиозные законы возникли, не было науки и тех научно-технических достижений, которые мы имеем сегодня. Поэтому сегодня возникает конфликт между соблюдением религиозных догм, возникших тысячелетия назад и воспринимаемых религиозным сознанием как непреложный закон, и научным знанием, которое способно объяснить подоплеку религиозного запрета и решить непреодолимую ранее проблему современными методами.

Н. И. Злыгостева: Что касается запретов в религии, то там запреты не обсуждаются. Почему, например, у девушки до брака не должно быть никаких сексуальных отношений, она должна подойти к браку целомудренной? Сегодня наука раскрывает суть этого запрета. На основе законов волновой генетики. Но если я начну это обсуждать, то это значит, что я допускаю возможность нарушения данного запрета. Наука снимает запреты, она снимает границы, но эти запреты и границы абсолютны и безусловны.

В. С. Сизов: Почему мы не можем рассуждать о мотивах того или иного религиозного закона или запрета, тем более, если знаем, чем эти запреты обусловлены? Напротив, исполнять то или иное установление гораздо легче и лучше, если ты знаешь, зачем оно, какую цель преследует.

В. А. Девонина: Природа запрета еще и в том, что нам до сих пор неизвестно, что было в первую секунду сотворения мира.

Дискуссионная кафедра

Именно поэтому докопаться до причины божественных установлений невозможно, не нужно, нельзя. Мир держится тайной, что хорошо понимали русская философия и вся русская культура.

Мы свободу заменили понятием толерантности и вседозволенности. И это страшно, потому что понятие «свободы» в славянском варианте происходит от слов «свое», «собственное». Этимологически это не может быть безграничным, потому что тогда человек теряет себя. И воспроизводство себя, освоение себя, возможно лишь в каком-то своём собственном, локализованном мире.

Идея народа – это тоже локализованное ощущение себя, тех, кто близок, кто понятен, кого ты знаешь. Поэтому действительно, разрушение человеческого мира идет, и печально, что оно идет за счет тех ресурсов, которые человек раскрыл в себе сам. Мне кажется, что постмодерн – это нечто, что висит в воздухе. Культура постиндустриального информационного общества – это экономическая, социальная подоплека постмодерна. Культура добралась до вершины, да, мы забрались на Эверест, но, как показывает статистика, намного больше альпинистов гибнет на спусках, чем на подъемах. Поэтому сейчас стоит очень важная задача перед теми, кто мыслит и переживает: проработать механизм спуска так, чтобы сохранить человеческую культуру, чтобы мы не упали окончательно в постчеловечество, в эту пропасть.

Ф. И. Гиренок: Замечу еще раз, что постмодернистское общество очень хорошее общество, потому что любые запреты в нем можно обойти. Например, традиционные семейные отношения диктуют, что мы должны быть целомудренными. А в постмодернистском обществе не нужно быть целомудренным, потому что возникает так называемое правило «контролируемой измены». Сохраняй свое целомудрие за счет контролируемой измены, договаривайся, кому, с кем и когда изменять.

Раньше была проблема с детьми, а теперь она решается – формируется ювенальное право. Это значит, что ребенок больше не принадлежит своим родителям. Например, русские женщины неистово любят своих детей, а неистовая любовь вредит ребенку, а потому ребенка от родителей надо защищать. Мы изыдем у родителей детей и будем воспитывать их уже неродительским, каким-то иным образом. И сейчас в России это повсюду обсуждается. Прекрасная вещь! Ты рождаешь ребенка, отдаешь его – и все! Везде порядок, любовь и счастье, причем безо всяких детей.

Человек ныне задумывается: зачем мне рожать детей, если я ничего не могу с этим ребенком сделать? Раньше было так, что если это твой ребенок, ты можешь делать с ним все, что хочешь. А теперь, оказывается, ты его только родил, и он уже не твой, а государственный, он тебе не принадлежит, ты его даже наказывать не можешь. Ювенальная юриспруденция не укрепляет семью, а разрушает.

В. С. Сизов: Еще вопрос: что такое прогресс и на что нацелена прогрессивная цивилизация. Разве не на то, чтобы улучшить свою жизнь и, в конце концов, реализовать идею гедонизма. Постмодерн этому помогает, а ветхие законы мешают. Чем больше запретов, тем больше проблем с реализацией всеобщего благоденствия. Сегодня постмодерн убирает последние препятствия на этом пути, разрушает всякие табу и помогает человеку реализовать свое человеческое начало, которое многие века и даже тысячелетия было подавлено под гнетом жестокой и тяжелой жизни. Нет, постмодерн не упрощает, не выхолащивает жизнь, а выстраивает ее по-иному. Общество перестает быть структурированным, но при этом оно становится сетевым. Поэтому нет никакого хаоса и не будет!

И. В. Папырин: Однако в рамках сетей существуют очень жесткие иерархии и структуры, и они незыблемы. Общество

Дискуссионная кафедра

разбивается на сети, но внутри сети свои законы.

В. С. Сизов: Я только констатирую факт. Мы пока не знаем, как будет структурировано сетевое общество, ясно, что по-другому, как это было раньше.

И. В. Папырин: Как работает сетевое общество, хорошо описано у М. Кастельса в работе «Информационная эпоха»¹. Там описано, что общество в процессе глобализации распадается не на страны и континенты, не на нации, не на людей разных исповеданий, а на сети. Например, мне приятно общаться с вами, так как вы меня понимаете, и я не буду общаться с теми, кто меня не понимает. Однако если еще где-то есть такие же собраты по разуму, то это люди моей сети. Подобные сети возникают и у других людей. И тут встает вопрос об информационных коммуникациях уже между сетями. Развиты коммуникации – сети функционируют, не развиты – сети еще зреют. По мере развития информационного общества сети будут доминировать, внутри сети будут весьма жесткие законы, иначе сети не выживут.

В. С. Сизов: Нет, если законы будут слишком жесткие, люди просто уйдут из этих сетей, и сеть не выживет. К тому же сетевая информация – это только один из видов сетей. Сети есть не только горизонтальные, но и вертикальные.

И. В. Папырин: Да, они многомерны, это понятно. Но они живут только тогда, когда есть интенсивный обмен информацией.

В. С. Сизов: Есть сети правительственные, которые образуют правительства всех стран. Благодаря всемирной правительственной сети планета находится в более-менее мирном состоянии. Третья мировая война давным-давно разразилась бы, если бы не было ООН и других межправительственных организаций, которые есть ни что иное, как протосети. Но есть и невидимые

сети: межгосударственные, экономические, политические, межкультурные и т. д. Отношения между государствами мирно поддерживаются благодаря всестороннему общению между людьми, взаимным симпатиям, желанию понять друг друга. И так было всегда. Договоры и протоколы вторичны и никогда не удерживали страны от войн. Напротив, договоров между странами может не быть, но они при этом будут мирно уживаться друг с другом.

И. В. Папырин: Договор как форма устарела, потому что жизнь намного динамичнее.

В. С. Сизов: Так ведь это тоже постмодерн, и разве это плохо? Подобная ситуация – это достижение постмодерна. Мы только говорим о том, как плох постмодерн, а ведь в нем есть много хорошего.

И. В. Папырин: Предлагаю посмотреть на постмодерн с другой стороны. Давайте доберемся до того, чего в нем нельзя. Что в постмодерне является табу. Например, нельзя думать медленно.

Ф. И. Гиренок: Я скажу, чего нельзя. Франция, май 1968 г., студенческие выступления. Их первый лозунг: «Запрещается запрещать!». Второй: «Пусть развяжутся языки». Знаете, к чему ведут эти принципы сетей? К «детерриторизации». Что это значит? Вот вы говорите: Россия от Карпат до Курил. Они отвечают: простите, какая Россия? Идет процесс детерриторизации, Россия без территорий, «Россия в умах».

Дальше – власть. Вы думаете, что власть в Кремле? Вы думаете, она есть у президента? Если организована какая-то сеть, то для тех, кто в нее попал, уже не важен ни Кремль, никто и ничто. Ты находишься в своей сети, тебе хорошо безо всех остальных, кто не в твоей сети.

Ю. М. Осипов: Сейчас постмодерн, а это одновременно, с одной стороны, переход мира в иное состояние, с другой – демонтаж человеческого мира. Идет исчезно-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

Дискуссионная кафедра

вание массы всего, что было характерно для человеческой жизни, человеческого бытия и самого человека. Это самое настоящее опустошение. Интернет скоро приведет к тому, что людям не о чем будет говорить друг с другом, они превратятся в обезьян, которые не говорят между собой не потому, что у них нет голосовых аппаратов, а потому что им нечего друг другу сказать. Идет процесс превращения человека поначалу в некую «погремушку», а потом уже и его полное исчезновение. Но в силу того, что это связано с решением задач потребления, материального выживания, то этот процесс сладостен. Тут своеобразная амнезия с эвтаназией. Рекомендации, которые даются нынешнему человеку: хочешь – будь гомосексуалистом, хочешь – отдай ребенка и прочее. Но что за этим стоит? Вроде бы человек в новой ситуации, вроде бы какие-то новые возможности, а на самом-то деле я вижу исчезновение человека в человеке и больше ничего. Постмодерн – это карнавал, «развлекаловка», но представьте себе сплошь карнавальное общество.

В. С. Сизов: Развитие технологий и прогресса, особенно информационных технологий и технологий передвижения, вынужденно ведет мир либо к космополитизму, когда границы исчезнут и возникнет единая культура, возможно, с отголосками этнических культур, либо будет монокультура какой-то одной нации, допустим, китайцев. Других вариантов нет. У планеты и человечества тоже два варианта. Если предположить, что Бога нет, тогда гедонизм есть наилучшая философия и наилучшее средство существования человечества, и ничего плохого в этом нет. Чем меньше будет на планете людей, тем оставшиеся особи будут лучше жить. Но если Бог все же существует, тогда тем более, зачем сохранять человечество? Чем быстрее все умрут и окажутся в раю, тем лучше. А то люди только и делают, что воспроизводят новых грешников, которые гnevят Бога. Чем длиннее история чело-

вечества, тем больше людских душ будет мучиться в аду.

В любом случае мир обречен. Конец один: либо существует и наслаждается жизнью относительно небольшая группа избранных, либо человечество не существует вовсе. Вот будущее человечества.

Н. И. Злыгостева: Я согласна, постмодерн и в самом деле прекрасная вещь. Когда читаешь Достоевского: «Линия борьбы будет проходить через каждое человеческое сердце», то начинаешь понимать, что остается одна проблема – проблема выбора. Если Бога нет, то постмодерн, и я живу, как хочу, в свое удовольствие, без границ, с лихвой наслаждаюсь жизнью, пока вдруг не задумаюсь: а ежели Он все-таки есть и Он есть вечность, то что тогда? Выходит, что лучше не думать, не обогащать себя и не развивать, а переполняться информацией и удовольствиями – все! Но если Бог все-таки есть, почему же Он не прекратит творящиеся в мире безобразия? Видимо, Бог размышляет не в наших категориях и величинах желания дать как можно большему количеству людей спастись. Он оттягивает этот момент окончательного выбора. Однако мы о себе хорошо думаем. Данте неплохо предвидел постмодерн, поместив большинство людей не в раю и не в аду, даже и не в чистилище, ибо они никуда вообще не годились.

В. С. Сизов: Вы говорите, Бог хочет, чтобы больше людей спаслось. Поверьте – их тем больше спасется, чем меньше будет. Мы говорим о Боге, подразумевая, в общем-то, христианство, его версию. Но вселенная бесконечна. Как утверждает наука, есть разные варианты бесконечности. И если мир бесконечен, то можно предположить бесконечное количество планет с бесконечным разнообразием форм жизни на них, в том числе и разумной. И как же тогда быть с Христом на других планетах? Придется, видно, допустить, что в каждом из обитаемых миров есть свой Христос и Сыновей Божьих повсюду бесконечно много.

Дискуссионная кафедра

Н. И. Злыгостева: Это как раз то, что является тайной.

В. С. Сизов: Сразу почему-то вспоминается разговор Великого инквизитора с Христом. Там он много чего говорил о тайне. Суть одна – как только возникает тайна, табу, так вокруг нее возникает множество спекуляций и инсинуаций.

Н. И. Злыгостева: В науке есть свой предмет исследования, и если ты учёный, то и занимайся им, а от того, что в твою компетенцию не входит, отойди. Я не могу размышлять над этим, не знаю. У Декарта четко сказано, что если нечто не стало очевидным, значит, это еще не есть истинное знание. Понтий Пилат Христу задает вопрос: «Что есть истина?», а истина стояла перед ним.

Ю. М. Осипов: Дело не в том, что везде Христы, а в том, что не может существовать человек без внешней силы, без авторитета Бога. Сейчас человеку кажется, что он в мире авторитет, «что хочу, то и делаю». Это и есть суть постмодерна. А что дальше без этого всего? Вот и получается, что апокалипсис, а так и какой-то конец, какое-то эсхато. Все тут логично, и все уже описано в Библии. И мы видим, что апокалипсис уже идет, избрав для начала самый, что ни на есть благостный путь.

В. С. Сизов: Тогда постмодерн – это самый замечательный вариант апокалипсиса.

Ю. М. Осипов: Да, этакое всеобщее блаженство! Когда Советский Союз существовал, Бога заменил товарищ Сталин. Священным Писанием, как известно, была История ВКПб, Новым Заветом была Программа партии. Всё было продумано. Это было антихристово моделирование. В том-

то и дело, что Сталин как раз был человеком традиции, но он эту традицию перевел прямо на человека. Человек – создатель писания, человек – создатель норм. Это был триумф человека, это был модерн. Явления сталинизма, фашизма и т. д. – это как раз признаки триумфа модерна, но при этом и его кризиса, загнивания. Откуда это массовое насилие, которое возникло вдруг ни с того ни с сего? Откуда мировые войны? Это как раз время торжества человека над самим собою. Рождаются режимы, которые пытаются разрешить неразрешимые проблемы, и им приходится всё и вся контролировать, всех держать в страхе, многих наказывать, а кое-кого убивать.

Сегодня мы входим в подобную же ситуацию, в постмодерне мир не проживет. Можно играть в постмодерн, но не жить в нем.

Ф. И. Гиренок: Юрий Михайлович придал игре уничижительный оттенок. А Платон говорил: «Люди, живите, играя, пойте самим себе очаровывающие вас песни, танцуйте». Почему? Потому что Платоном выражена простая мысль: человек существо мистериальное. Игра носит мистериальный характер. Мистерии устанавливаются в игре. Не живите серьезно, не относитесь серьезно к своим словам, не вытягивайте руки по швам перед тем, что вы делаете, относитесь легко, спокойно.

Ю. М. Осипов: Всё дело в том, что в нынешних играх постчеловеков если и есть мистериальность, то, увы, отрицательная. Оттого, люди милые, особенно не заигрывайте! Будьте бдительны!

Аминь.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ ВОПРОСЫ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

1. Статьи принимаются к публикации при условии оформления подписки на журнал «Вопросы новой экономики» через агентство «Пресса России» (подписной индекс 80935).
2. Статьи докторов наук принимаются без ограничительных условий.
3. Не принятые к публикации рукописи возвращаются без рецензии на них.
4. Автору может быть предложено доработать статью, после чего она будет принята к публикации.
5. Редакция вправе отказать печатать рукопись, если сочтет ее содержание не соответствующим предъявляемому к работе такого рода научному уровню или стилистическому оформлению.
6. Редакция вправе по своему усмотрению сокращать текст статьи и вносить изменения, не меняющие смыслового содержания публикации.

Представляемые для публикации материалы можно послать ответственному секретарю журнала «Вопросы новой экономики» Пермяковой Е.Е. по адресу электронной почты: nauka@vsei.ru

ПОРЯДОК И ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В РЕДАКЦИИ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА ВОПРОСЫ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

1. Редколлегия журнала один раз в год утверждает список основных рецензентов из числа ведущих в России и за рубежом специалистов по экономике:
Агеев А. И., доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, г. Москва;
Андрианов В. Д., доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, г. Москва;
Бессолицын А. А., доктор экономических наук, профессор, г. Москва;
Бузгалин А. В., доктор экономических наук, профессор, г. Москва;
Герстенбергер Х., доктор политических наук, профессор, Германия, Бремен;
Кочетов Э. Г., доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, г. Москва;
Глазьев С. Ю., доктор экономических наук, профессор, академик РАН, г. Москва;
Мордовченков Н. В., доктор экономических наук, профессор, г. Нижний Новгород;
Нижегородцев Р. М., доктор экономических наук, профессор, г. Москва;
Новак А., доктор экономических наук, профессор, Польша, Варшава;
Осипов Ю. М., доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, г. Москва
(дополнительно в состав рецензентов могут быть введены ведущие специалисты по профильной проблематике).
2. Рукопись статьи поступает в редакцию по электронной почте, регистрируется.
3. В течение семи дней прочитывается научными редакторами (д.э.н., профессор Беспятовых В. И.; к.э.н., доцент Цень О. А.; к.э.н., доцент Костромина Т. Б.), которые проверяют наличие ключевых слов, аннотаций, оценивают структуру, научную значимость и новизну публикации.
4. Далее рукопись статьи передается одному из членов редакционного совета с официальной просьбой редакции о рецензировании рукописи.
5. В течение 10 дней рецензия (по установленной редакцией форме) передается в редакцию.
6. Научные редакторы знакомятся с рецензией, готовят заключение о принятии статьи к публикации.
7. Заключение о принятии статьи к публикации предоставляется для утверждения главному редактору Сизову В. С. и заместителю главного редактора Александровой Н. С.
8. Главный научный редактор Авдокушин Е. Ф. предоставляет окончательное утверждение списка принятых к публикации рукописей статей.
9. Ответственный редактор Пермяков Е. Е. сообщает автору по электронной почте решение о публикации статьи. В случае необходимости дается возможность ознакомиться с рецензией.

Главный редактор
д.э.н., профессор

В. С. Сизов

Автору наложенным платежом высылается один экземпляр журнала бесплатно.

Стоимость дополнительного экземпляра
журнала для автора – 400 руб.

Основные рубрики журнала:

Теория новой экономики	Практика российских реформ
Новая мировая экономика	Менеджмент
Процессы глобализации	Корпоративные финансы
Экономика знаний	Научные дискуссии
Стратегии развития регионов	Прогнозы социально-экономического развития
Финансовая экономика	Стратегическое управление
Иноватика	Вопросы образования
Заочный университет	Мировоззрение

Адрес редакции:

Россия, 610002
г. Киров, ул. Большевиков, 91
Тел./ факс: (8332) 67-02-35,
(8332) 67-66-18, 62-35-43
www.vsei.ru
E-mail: nauka@vsei.ru

Подписной индекс 80935
При оформлении подписки на журнал
через агентство «Пресса России»

Уважаемые читатели! Вы можете оформить редакционную подписку на 6 месяцев (2 номера) или 12 месяцев (4 номера).
Заказы на журнал высылаются наложенным платежом после оплаты.
Стоимость одного журнала, высылаемого наложенным платежом, – 500 руб.

Реквизиты для оплаты подписки через редакцию журнала

Р/счёт 40703810392000000012
Филиал в г. Кирове ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад»
БИК 043304750
Кор/счёт 30101810200000000750
ИНН 4346034770
КПП 434501001
НОУ ВПО «Вятский социально-экономический институт»

Распространяется по подписке и адресной рассылке в Российской Федерации и зарубежных странах

Уважаемые коллеги!
Предлагаем вам размещение вашей рекламы и рекламных статей в нашем журнале.

Дополнительную информацию вы можете получить на сервере
www.vsei.ru
(раздел «Аспирантам» – «Научные публикации»)

Уважаемые авторы!

Доводим до Вашего сведения, что отправка своей статьи в адрес редакции журнала «Вопросы новой экономики» с предложением опубликовать свою статью в периодическом печатном издании рецензируемом научно-методическом журнале «Вопросы новой экономики» расценивается как предложение автора заключить лицензионный договор о предоставлении права использования произведения редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса России может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вопросы новой экономики» на десять лет следующие права:

- воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации в сети Интернет (право на воспроизведение);
- распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);
- импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);
- публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);
- переводить Произведение (право на перевод);
- переделывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Предоставляемый материал (статьи, дискуссионные материалы, монографии, рецензии, обзоры) должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.
2. Рукопись может представляться на русском и/или английском языках, при этом прилагается название статьи, краткая аннотация, ключевые слова на русском и английском языках, а также основные сведения об авторе (фамилия, инициалы), название статьи на английском языке.
3. Объем текста, как правило, должен быть не более 1 усл. печ. листа.
4. Первая страница статьи должна содержать следующую информацию: заглавие, фамилию, инициалы автора и в сноске – дополнительные сведения (должность, место работы, ученая степень, контактные телефоны автора, адрес электронной почты).
5. Для выделения отдельных пунктов в тексте или графическом материале необходимо использовать только арабскую нумерацию.
6. В конце статьи приводится список литературы.

Запись книги с одним автором:

1. Андреянова, В. В. Как организовать делопроизводство на предприятии / В. В. Андреянова. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 94 с. – (Библиотека журнала «Консультант директора»).
2. Исмагилова, Ф. С. Основы профессионального консультирования: учебно-методическое пособие. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЕК, 2003. – 256 с.

Запись книги с двумя авторами:

1. Косцов, А. В. Excel: практ. руководство/ А. Косцов, В. Косцов. – М.: Мартин Пресс: Тверь: Мартин, 2004. – 191 с.: ил.
2. Стенюков, М. В. Делопроизводство в управлении персоналом/ М. В. Стенюков, В. М. Пустозерова. – 2-е изд. – М.: ПРИОР, 2000. – 112 с.

Запись книги с тремя авторами:

1. Белова, Т. И. Дифференцированные управления: компьютерный курс: учебное пособие/ Т. И. Белова, А. А. Грешилов, И. В. Дубоград. – М.: Логос, 2004. – 184 с.: ил.

Запись книги под редакторством:

1. Информационные технологии в маркетинге = Information technologies in marketing: учебник/ под ред. Г. А. Титоренко. – М.: ЮНИТИ, 2000. – 335 с. – (Textbook).
2. Юридическая энциклопедия/ Юридический центр науч. исслед. и правовой информ. ; науч. ред. Тихомиров М. Ю. – М., 1993. – 205 с.

Запись книги под заглавием (нет автора и редактора)

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: официальный текст принят Государственной думой 21 декабря 2001. – М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2002. – 207 с.
2. Энциклопедия решения кроссвордов. – Ростов н/Д.: 1999. – 640 с.

Аналитическая запись статьи из журнала:

1. Арасланов, Г. Реформы в Китае : смена поколений / Г. Арасланов // Азия и Африка сегодня. – 2002. – №4. – С. 2-6.
2. Козырев, Г. И. Конфликты в организации / Г. И. Козырев // Социально-гуманитарные знания. – 2001. – №2. – С.136-150.

Аналитическая запись статьи из сборника:

1. Малейн, Н. С. Об институте юридической ответственности / Н. С. Малейн// Юридическая ответственность: проблемы и перспективы: ученые записки Тарт. гос. ун-та. – Тарту : ТГУ, 1989. – С. 30.

Запись электронного ресурса:

1. Образцы правовых документов: электронный правовой справочник. – СПб. : Кодекс, 2000. – 1 CD-диск.

Запись интернет-источника:

1. <http://merges.ru>

Запись книги на иностранном языке:

1. Fukang F., Sanqlier M. (eds.) Complexity and Self-Organization in Social and Economic Systems. Springer. – Berlin, 1997.

7. Библиографические записи должны быть расположены в алфавитном порядке. При упоминании или цитировании в тексте приводится номер библиографической записи и страница источника в квадратных скобках, например: [25; 61], [12,1– 8].

8. Рукопись должна быть представлена на дискете или CD-диске в «Word 7.0» и распечатана в 2 экз. на бумаге с представленной дискеты. После рецензирования рукопись с дискетой может быть возвращена автору на доработку. Не прошедшие отбор рукописи не возвращаются, редакция не вступает с авторами в переписку, не высылает им рецензии своих научных редакторов.

9. Текст необходимо печатать на бумаге формата А 4 с одной стороны, с межстрочным расстоянием «полуторный». Поля текста следующие: верхнее – 2,5 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3,0 см, правое – 2,5 см, переплет – 0. Страницы должны быть целиком заполнены текстом и пронумерованы. При наборе текста необходимо использовать шрифт «Times New Roman». Размер шрифта – 14.

10. Графический материал должен быть представлен в приложении к «Word», например, «Microsoft Graph».

11. Математические формулы оформляются через редактор формул «Microsoft Equation 2.0», а их нумерация проставляется с левой стороны.

Почта России												Ф СП-1		
АБОНЕМЕНТ на журнал										8 0 9 3 5				
												(индекс издания)		
ВОПРОСЫ										Количество комплектов				
НОВОЙ ЭКОНОМИКИ														
на 2011 год по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
X	X	X	X	X	X									
Куда														
(почтовый индекс)						(адрес)								
Кому														

						ДОСТАВОЧНАЯ			8 0 9 3 5					
ПВ			место			КАРТОЧКА								
на журнал ВОПРОСЫ НОВОЙ ЭКОНОМИКИ														
Стоимость		подписки		1 110 руб.		количество комплектов								
		переадрес.		руб.										
на 2011 год по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
X	X	X	X	X	X									
				город										
(почтовый индекс)				село										
				область										
				район										
				улица										
дом		корпус		квартира								(фамилия, и.о.)		

Редакция может выслать комплекты номеров журналов за 2008, 2009 гг.
 Стоимость одного номера 500 руб. + доставка.
Адрес: 610002, г. Киров, ул. Большевиков, 91
 Вятский социально-экономический институт, отдел науки и аспирантуры.
Тел.: (8332) 67-02-35 (факс), (8332), 67-66-18, 67-56-27.
 E-mail: nauka@vsei.ru

Для заметок

